Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи.

Въ исторіи Лифляндіи совершился крупный поворотъ во второй четверти настоящаго столѣтія. Съ этого времени содержаніе ея, доселѣ столь однообразное, почти внезапно пополняется совершенно, можно сказать, новыми элементами: движенія культурныя и религіозныя берутъ свое начало именно съ этого времени. Говоря объ исторіи Лифляндіи, я разумѣю исторію коренныхъ жителей этого края (эстовъ и латышей), которые въ теченіе почти шести вѣковъ только участвовали въ этой исторіи или вѣрнѣе являлись пассивными зрителями ея и слѣпыми орудіями своихъ господъ, распоряжавшихся судьбою края. Вторая четверть настоящаго столѣтія есть начало всеобщаго пробужденія туземцевъ изъ многовѣковой рабской спячки. Пробужденіе это имѣетъ глубокій смыслъ, будучи разсматриваемо въ общей связи прошлыхъ народныхъ движеній. Въ древности до этого времени оно выражалось въ формѣ возстаній противъ господъ—сначала почти всеобщихъ, а потомъ мѣстныхъ, частныхъ. Первоначально народъ вѣрилъ еще въ собственную силу и надѣялся безъ посторонней помощи сбросить съ себя иго рабства, но съ теченіемъ времени горькимъ опытомъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ недостаточности собственныхъ силъ и средствъ для этого, онъ сталъ обращаться за помощью то къ роднымъ соплеменникамъ за Финскимъ заливомъ, то къ могучему русскому народу за Пейпусомъ и р. Великой. Но такъ какъ положеніе туземцевъ послѣ оказанной имъ физической помощи оставалось тѣмъ же какъ и прежде, то народное самосознаніе должно было пробудиться въ иной формѣ; долгій историческій опытъ научилъ его не довѣрять силѣ физической; онъ инстинктивно обратился къ силѣ духовной,

къ духовному міру, ища въ немъ и утѣшенія, и облегченія: отсюда религіозныя движенія сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Гернгутерство удивительно быстро распространилось по всему краю,—фактъ знаменательный—туземцы погрузились въ религіозный мистицизмъ. На гернгутерскихъ молитвенныхъ собраніяхъ, гдѣ исключительно оплакивалось горе земное, гдѣ жизнь земная признавалась по божественному домостроительству юдолью плача, а радости бытія переносились въ горьній міръ, проснувшееся отъ застоя самосознаніе народное нашло себѣ вполнѣ соотвѣтствующее выраженіе: здѣсь народъ могъ на время вполнѣ забыться. Это было чисто религіозное движеніе безъ примѣси постороннихъ мірскихъ элементовъ. Но нѣсколько позже проявилось другого рода движеніе, которое выразилось въ формѣ массоваго перехода въ православіе. Это движеніе по своимъ размѣрамъ далеко превосходило первое.

Въ основаніи его лежала безспорно религіозная подкладка, но къ ней примѣшивались и политическія тенденціи. Послѣднее движеніе по справедливости полагаетъ начало новой эрѣ лифляндской исторіи. Отселѣ совершается поворотъ въ пользу сближенія края съ остальной Россіей, отселѣ беретъ свое начало у лифляндскихъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ усиленное стремленіе развить въ туземцахъ съ одной стороны нерасположеніе и ненависть къ Россіи, а съ другой — воспитать въ крестьянствѣ увѣренность, что будущность и блага національныя исключительно покоятся на лютеранствѣ и вообще на германской культурѣ, и въ то же время посредствомъ приходскихъ и городскихъ школъ постепенно германизировать туземное юношество; отселѣ въ краѣ зарождаются въ средѣ самыхъ туземцевъ національныя враждебныя партіи, въ родѣ того, какъ это было въ XIII столѣтіи, когда рѣшался вопросъ о томъ, какую культуру принять: католическо-нѣмецкую или православно-русскую; наконецъ, что важнѣе всего, въ это время положено начало новому культурному развитію прибалтійскихъ туземцевъ, исключительно благодаря ихъ движенію въ православіе. Православіе, по справедливости можно сказать, было и есть единственный культурный двигатель для туземцевъ въ краѣ, конечно, болѣе въ смыслѣ отрицательномъ, чѣмъ положительномъ. Оно есть сила, су-

ществованіе которой въ краѣ волей-неволей заставляетъ лифляндскихъ господъ употреблять всѣ мѣры для поднятія умственнаго уровня туземнаго населенія. Великая отрицательная заслуга православія не можетъ быть отвергаема и самими противниками его.

Въ послѣднее время уже столь много писано и говорено о движеніи въ 40-хъ годахъ, что мнѣ излишне повторять здѣсь уже извѣстное. Я попытаюсь ниже освѣтить это движеніе въ общихъ чертахъ, лишь на основаніи устныхъ преданій и обращающихся въ народѣ пѣсенъ касательно его. Нужно замѣтить, что вопросъ о мотивахъ этого великаго движенія столь запутанъ и сложенъ, столь близко затрогиваетъ интересы русско-православные и нѣмецко-лютеранскіе, что сужденія о немъ выражаются въ діаметрально-противоположной формѣ. Лишь благодаря недавнему новѣйшему движенію въ Эстляндіи, противоположные взгляды на этотъ вопросъ начинаютъ нѣсколько сближаться; дѣлаются взаимныя уступки съ обѣихъ сторонъ, и вслѣдствіе этого мнѣнія становятся ближе къ истинѣ.

Причины и мотивы движенія 40-хъ годовъ, какъ и всякаго массоваго движенія, сложны и разнообразны; вопросъ можетъ быть только въ преобладающихъ мотивахъ его, и въ этомъ отношеніи едва-ли когда нибудь сойдутся взгляды враждебныхъ сторонъ. Друзья и защитники православія едва-ли будутъ теперь отвергать, что въ то смутное время происходило немало безпорядковъ при присоединеніи. Все это вполнѣ понятно и извинительно, ибо ни правительство, ни мѣстное начальство не было достаточно подготовлено для того, чтобы разумно руководить столь внезапнымъ движеніемъ. Присоединяющіе, не зная ни языка, ни нравовъ присоединяемыхъ туземцевъ, поневолѣ должны были ограничиться при совершеніи самаго обряда и при богослуженіи внѣшнимъ дѣйствіемъ, оставляя новообращаемыхъ почти въ полномъ невѣденіи о новой вѣрѣ, и лишь внѣшняя обстановка и обрядовая сторона богослуженія могли дать новообращенному нѣкоторое понятіе о принятой новой вѣрѣ. Но все же для чувства новообращенныхъ богослуженіе православное давало болѣе пищи, чѣмъ пѣніе духовныхъ пѣсенъ въ киркахъ и слушаніе брани пасторовъ съ каѳедры,

которые хотя и болѣе владѣли туземными языками, но не настолько, чтобы быть въ состояніи или желать объясняться на нихъ о возвышенныхъ предметахъ. Что въ это смутное время въ нѣкоторыхъ темныхъ уголкахъ Лифляндіи мотивы и форма присоединенія были довольно неблаговидны, объ этомъ можно судить отчасти по разсказу, который я слышалъ изъ нѣсколькихъ устъ, что когда въ одномъ имѣніи во время присоединенія вдругъ распространился слухъ, что кто до вечера не присоединится, тотъ не получитъ земли, то произошелъ такой наплывъ желающихъ, что священникъ едва успѣвалъ мνропомазывать. Понятно, что въ данномъ случаѣ не могло быть никакого предварительнаго оглашенія, и даже записывались послѣ мνропомазанія. Впрочемъ, что касается восточной окраины лифляндской губерніи, то здѣсь туземцы были довольно хорошо знакомы съ внѣшней стороной богослуженія православной церкви, благодаря близкому сосѣдству русскихъ. Псково-печерскій монастырь оказалъ въ этомъ отношеніи великую услугу дѣлу православія въ Лифляндіи, ибо здѣсь впервые зародилась въ лифляндскихъ туземцахъ, преимущественно въ эстахъ, мысль о переходѣ въ православіе. Затѣмъ церковь паниковская и щемерицкая играли такую же роль для латышей. Многіе туземцы, страдавшіе болѣзнями, особенно господствующею въ то время бѣлою горячкой, посѣщали Печерскій монастырь, служили здѣсь молебны, ставили свѣчи и молились. Во время голода въ 1844 г. крестьяне изъ Лифляндіи толпами отправлялись въ Печеры за милостынею, и тамъ полувѣрцы и русскіе щедро помогали ихъ нуждѣ. Я приведу ниже любопытныя извлеченія изъ лѣтописи о—ской церкви (лифляндской губ.), въ которыхъ довольно хорошо представляется намъ дѣло православія до послѣдняго времени. Въ виду повсемѣстнаго однообразія движенія и послѣдующаго положенія православія, мы получаемъ нѣкоторое понятіе о положеніи православія во всемъ краѣ. Вотъ данныя изъ этой лѣтописи.

По разсказу одного очевидца, сторожа Даніила, въ то время въ Печерскомъ монастырѣ былъ какой-то длиннополый причетникъ, который немного зналъ по-эстонски. По просьбѣ болѣе 100 нищихъ изъ Лифляндіи онъ началъ разсказывать имъ о православ-

ной вѣрѣ и обрядахъ. Слѣдствіемъ этого было то, что на другой день болѣе 50 человѣкъ изъявили желаніе принять православіе. Изъ нихъ только 16 человѣкъ, знавшіе немного по-русски, были охотно присоединены однимъ монахомъ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1844 года. Но еще до этого времени многіе были присоединены тамъ же. Присоединенные получали изъ монастыря на дорогу печеный хлѣбъ, нѣсколько денегъ и по мѣшку муки для семейства. Много присоединилось и въ паниковской и въ щемерицкой церквахъ, хотя документальныхъ свидѣтельствъ объ этомъ не сохранилось. Новоприсоединенные, по разсказамъ очевидцевъ, оставались безъ причастія 2—3 года. Въ голодное время 1839—1850 годовъ крестьяне снимали кору съ березъ и липъ и варили мохъ съ прибавкой соли.

Для характеристики обстоятельствъ, при которыхъ совершалось присоединеніе, я приведу одно извлеченіе изъ той же лѣтописи. По разсказамъ очевидцевъ въ 1845 году въ Маріенбургъ пріѣхалъ какой-то царскій священникъ (о. Як. Михайловъ) съ двумя причетниками (Дав. Баллодъ и Ѳед. Вычковскій) и началъ проповѣдывать о православіи на латышскомъ языкѣ. Крестьяне стекались массами. Одни надѣялись получить хлѣба и денегъ, другіе желали просто принять царскую вѣру. Мѣстныя нѣмецкія власти приняли строжайшія мѣры для предупрежденія собиранія народа въ Маріенбургъ. Крестьянамъ подъ страхомъ наказанія было запрещено отправляться въ Маріенбургъ („ослушники будутъ посланы къ русскимъ людоѣдамъ“); всѣ дороги были заграждены и на перекресткахъ разставлены сторожа. Очевидцы передаютъ, что баронъ Ф—гофъ прогналъ какого-то пріѣхавшаго изъ Петербурга чиновника и связалъ священника съ причетниками. Священникъ показалъ ему „царскую бумагу“, но тотъ бросилъ ее на землю и началъ топтать ногами. Не смотря на то, народъ не терялъ довѣрія къ русскому правительству и присоединенія продолжались. Новоприсоединенные для совершенія религіозныхъ обрядовъ по ночамъ отправлялись съ семействами въ Маріенбургъ, Верро, Паниковичи и Печеры.

Другой фактъ. Въ 1849 году вся Земмергофская волость изъ-

явила желаніе принять православіе. Узнавъ объ этомъ, мѣстный помѣщикъ, баронъ В., приказалъ всѣмъ собраться на мызу, гдѣ около 30 человѣкъ, считая каждаго через пять человѣкъ, получили по 20 ударовъ розгами. Затѣмъ баронъ объявилъ: если кто изъ крестьянъ перейдетъ въ православіе, тотъ будетъ выгнанъ изъ волости, а если кто-либо изъ новоприсоединенныхъ получитъ землю, то онъ дастъ всѣмъ оставшимся въ лютеранствѣ въ два раза больше. Говорятъ, что послѣ этого никто не присоединился. Въ то же время оппекальнскій пасторъ Фр. Т. съ церковной каѳедры открыто призывалъ благословеніе Божіе на всѣхъ гонителей православія и проклятіе на его защитниковъ. Со времени открывшагося движенія въ православіе онъ сдѣлался другомъ прихожанъ, оказывалъ разныя благодѣянія, раздавалъ деньги, ходатайствовалъ за прихожанъ-лютеранъ въ судахъ; въ тяжбахъ православные были вдвое строже наказуемы, чѣмъ лютеране. Онъ же распространилъ слухъ въ народѣ, что предложенный на ландтагѣ лифляндскаго дворянства въ 1846 г. крестьянскій банкъ назначенъ единственно для тѣхъ крестьянъ, кои навсегда останутся въ спасительной вѣрѣ, т. е. въ лютеранствѣ. Однажды, явившись въ деревню Сипинь, жители которой желали принять православіе, тотъ же Т. началъ при многихъ свидѣтеляхъ ругать одну женщину: „русская вѣра поганая, чертова часть (Welle Sprahkle), ты своихъ дѣтей бросила въ адскій огонь, да и сама туда же хочешь отправиться“ и т. д.

Немало приводится въ упомянутой лѣтописи и другихъ свѣдѣній о мѣрахъ, къ которымъ прибѣгали духовные и свѣтскіе лифляндскіе господа для отвращенія лютеранъ отъ православія и для совращенія обратно присоединившихся. Такъ напр. тотъ же знаменитый Т. въ 1864 году началъ съ церковной каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ проповѣдывать, что государь желаетъ, чтобы всѣ погибшія чрезъ православіе души возвратились въ лютеранство и что возвратившіеся получатъ отъ помѣщиковъ землю. Въ слѣдующемъ году рамесхальнскій помѣщикъ В. Тр., возвратившись съ ландтага, разсказывалъ, что лифляндское дворянство собрало значительную сумму, чтобы предложить ее министру, который будто бы согласился искоренить православіе въ Прибалтійскомъ краѣ и что восемь

лифляндскихъ лютеранскихъ пасторовъ рѣшились вѣнчать, крестить дѣтей, принимать на причастіе и погребать православныхъ, при чемъ дворянство обязалось въ случаѣ лишенія каѳедръ обезпечить ихъ безбѣдное существованіе. Въ числѣ этихъ восьми былъ и упомянутый Т. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 года онъ началъ открыто дѣлать воззванія къ присоединившимся возвратиться въ спасительную лютеранскую вѣру, ибо вся-де царская фамилія образумилась и перейдетъ въ лютеранство, и по волѣ государя всѣ могутъ крестить дѣтей въ лютеранство. „Народъ ждалъ кончины міра".

Кромѣ устной проповѣди противники православія прибѣгли и къ письменнымъ средствамъ: ходили по рукамъ брошюры на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатанныя за границей, въ нихъ всячески поносилось православіе и его представители и даже сообщались діавольскіе слухи относительно царской фамиліи и посягательства со стороны представителей православія на священную особу государя. Все это было направлено къ тому, чтобы подорвать въ народѣ расположеніе къ православію и довѣріе къ русскому правительству.

Приведу здѣсь еще нѣсколько характерныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, какъ до послѣдняго времени господа страны относятся къ православію и къ представителямъ русскаго правительства. Послѣдній подвигъ знаменитаго пастора Т. состоялъ въ слѣдующемъ: 8 марта 1881 года, въ воскресенье, онъ объявилъ съ каѳедры народу о цареубійствѣ и приказалъ всѣмъ прихожанамъ, начиная съ 18-ти-лѣтняго возраста, явиться 15-го числа того же мѣсяца въ кирку для присяги новому государю. Затѣмъ онъ началъ проповѣдь о православной вѣрѣ, сравнивая ее съ языческой, ибо русскіе поклоняются доскѣ, считая ее за Бога; изъ этой темной вѣры могутъ-де выходить только нигилисты. Кто не пойметъ, для чего пастору понадобилось произнести такую проповѣдь именно предъ присягой? Народъ однако остался вѣренъ своему царю, и нашелся одинъ смѣльчакъ—крестьянинъ, Генрихъ Гейдеманъ, который въ киркѣ же публично во всеуслышаніе протестовалъ противъ проповѣди Т. За это онъ немедленно былъ въ кандалахъ отправленъ кирочнымъ попечителемъ барономъ А. В. въ волкскій орд-

нунгсгерихтъ, какъ бунтовщикъ; здѣсь послѣ разныхъ угрозъ и оскорбленій онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Въ первыя сутки онъ не получалъ никакой пищи; потомъ въ теченіе 14 дней ареста онъ каждый день былъ приводимъ въ кандалахъ въ присутствіе, гдѣ его всѣми мѣрами заставляли отрицать содержаніе проповѣди Т., ибо онъ грозилъ поѣхать съ жалобой въ Петербургъ. Но этому злополучному летту не суждено было довести дѣло до конца, ибо выпущенный изъ тюрьмы, онъ скончался весной 1884 г. Другой фактъ случился въ той же мѣстности нѣсколько позже. 4 марта 1883 года въ земмергофскомъ волостномъ правленіи было очередное присутствіе, въ которомъ принимали участіе около 70 человѣкъ крестьянъ. Во время присутствія пріѣхалъ въ волостное правленіе земмергофскій баронъ фонъ-В. Сначала онъ повелъ съ крестьянами рѣчь о кредитной кассѣ, учрежденіе которой было необходимо, такъ какъ всѣ крестьяне означенной волости желали выкупиться; затѣмъ онъ измѣнилъ тонъ и началъ бранить ихъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: зачѣмъ вы просите новыхъ судовъ, и при томъ столь глупыхъ какъ у русскихъ въ Россіи, гдѣ только тотъ правъ, кто богатъ, а у насъ всякій бѣднякъ легко найдетъ свое право. Какую пользу вы извлекли изъ того, что подавали въ 1882 году прошенія, доносы и жалобы? Только причинили себѣ вредъ на будущее время. Вотъ теперь разъѣзжаетъ и самъ собираетъ прошенія какой-то ревизоръ сенаторъ Манассеинъ, котораго я могу сравнить съ католическимъ оселкомъ (tezihla), который въ древнее время разъѣзжалъ съ ящикомъ и раздавалъ разрѣшительныя молитвы (индульгенціи). И этотъ сенаторъ, собравши прошенія и деньги, уѣдетъ во свояси; спрашивается, какое благодѣяніе онъ можетъ вамъ оказать, кромѣ явнаго бунта, и т. д. Крестьяне, подавъ жалобу на барона за эту рѣчь, согласились дать присягу только въ Ригѣ, а не на мѣстѣ, гдѣ они ожидали противъ себя преслѣдованій. Поэтому дѣло это такъ и осталось на бумагѣ, безъ дальнѣйшаго движенія.

Смутныя тяжелыя времена перваго движенія въ православіе отразились и въ народномъ творчествѣ. Въ одной пѣснѣ, на вер-

роскомъ нарѣчіи, ходящей въ рукописи по рукамъ, пѣвецъ съ похвалой вспоминаетъ извѣстнаго въ Эстляндіи лжепророка Мальцфельда, который со всѣми своими послѣдователями бѣжалъ въ Россію вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ эстонскомъ народѣ и болѣе не увидѣлъ горя въ родной Эстляндіи. Пѣвецъ помнитъ то смутное время 50-хъ годовъ, когда въ дерптскомъ уѣздѣ въ приходѣ Пигагервѣ происходила страшная сѣча: „родина дымилась тогда въ крови, ради нѣкоторыхъ писцовъ гнали народъ сквозь строй; каждый получилъ пятьсотъ ударовъ большими пучками розогъ, которыми были снабжены солдаты. Благодареніе солдатамъ, говоритъ пѣвецъ, которые были милостивы, старались бить слабѣе. Страхъ передъ помѣщикомъ и боль отъ палокъ гнали насъ къ русскому священнику. Теперь эстонскій народъ смѣшанъ: причина этого—страхъ и страданія. Много есть среди ихъ такихъ, которые вздыхаютъ ради вѣры: не находятъ они никакого состраданія, живя въ этой вѣрѣ (русской): не умѣютъ они хвалить ее, а равно и считать ее драгоцѣнною; многіе ходятъ по старому въ лютеранскую кирку и молитвенный домъ". Пѣсня эта, составленная кѣмъ-либо въ народѣ, по моему мнѣнію, представляетъ дѣло въ самомъ истинномъ положеніи и вѣрно изображаетъ причины движенія и народное настроеніе по переходѣ.

Гораздо болѣе можно найти въ народѣ пѣсенъ, составленныхъ врагами православія. Я имѣю подъ рукою сборникъ пѣсенъ лютеранскаго кистера на о. Монѣ, Фрейндлиха. Обладая поэтическимъ талантомъ, онъ воспользовался имъ между прочимъ для того, чтобы отвратить народъ отъ православія. Сборникъ составленъ въ 1846 году и содержитъ въ себѣ пѣсни на разнообразныя темы. Въ пѣсняхъ антиправославныхъ онъ осмѣиваетъ новообращенныхъ во всѣхъ эзельскихъ приходахъ: приписывая имъ прозвища, которыми жители разныхъ приходовъ надѣляютъ другъ друга, онъ въ заключеніе дѣлаетъ нападки на самое православіе, ставя послѣднее виною той или другой дурной черты; на перемѣну вѣры онъ смотритъ какъ на побѣду врага рода человѣческаго, который въ аду хвалится своимъ успѣхомъ среди эзельцевъ; причиной перехода онъ выставляетъ нелѣпые слухи и ожиданія: освобожденіе отъ

всѣхъ повинностей, завладѣніе землей, бывшей нѣкогда ихъ собственностью и отнятою нѣмцами („послѣднимъ останется только построить плоты на озерахъ и морѣ, для мѣстожительства"), избавленіе отъ рабства у помѣщика, занятіе самими мѣста господъ и т. д. Стихотворецъ особенно выдвигаетъ одну черту движенія, именно, что жены были главными двигательницами въ пользу православія на Эзелѣ; потому онъ посвящаетъ молодымъ дѣвицамъ, могущимъ стать матерями, цѣлое длинное стихотвореніе, въ которомъ увѣщеваетъ ихъ не поддаваться showingъ козням, сатаны и не измѣнять вѣры. Стихотворецъ часто изображаетъ, какъ слѣдствіе перемѣны вѣры, жестокую порку на рынкахъ и площадяхъ, производимую солдатами или наемными людьми, которымъ нужно было еще платить деньги за розги. Вообще онъ выставляетъ православныхъ посмѣшищемъ въ глазахъ своихъ соплеменниковъ и господъ. Эти стихотворенія написаны спеціально съ цѣлью предотвратить лютеранъ отъ перехода въ православіе; но есть и такія, которыя составлены болѣе искусною рукою для совращенія обратно перешедшихъ въ православіе. На одной такой рукописи, которую я имѣю, значится, что она принадлежитъ одному крестьянину въ Палоперѣ, въ дерптскомъ уѣздѣ, въ 1847 году; въ другомъ мѣстѣ видно, что она была у кого-то въ ильмгервскомъ приходѣ того же уѣзда. Вообще, судя по надписямъ, сдѣланнымъ различными лицами, эта рукопись быстро переходила изъ рукъ въ руки между крестьянами дерптскаго и верроскаго уѣздовъ. Содержаніе этой рукописи такъ интересно, что я считаю не лишнимъ привести здѣсь ее цѣликомъ въ прозѣ. Заглавіе ея слѣдующее: сѣтованіе скорбнаго человѣка, который продалъ свою спасительную вѣру ради мірскихъ выгодъ. Мотто: мірское счастіе — погибель души; жизнь вѣры—сокровище неба.

1) Увы! Я несчастный, безумный глупецъ! Что мнѣ дѣлать? Языкъ людской громко провозглашаетъ намъ счастье: кто оставитъ свою вѣру, приметъ новую русскую вѣру, тому дадутъ подушный надѣлъ, съ того снимутъ барщину на помѣщика? 2) *Новое крещеніе*: я послѣдовалъ совѣту, оставилъ свою вѣру, отправился къ русскому священнику объявить свое желаніе; онъ окрестилъ меня и помазалъ меня муромъ, повѣсилъ мнѣ на шею русскій крестъ и далъ русское имя. 3) *Обольще-*

ніе діавола: бывъ окрещенъ и сдѣлавшись человѣкомъ русской вѣры, я почувствовалъ свое горе, бѣдное сердце такъ жаловалось: теперь діаволъ обольстилъ меня, опуталъ своими сѣтями: ты измѣнилъ спасительной вѣрѣ и своимъ грѣхомъ заключилъ душу въ темницу. 4) *Совѣтъ діавола:* сердце мое лишилось покоя: діаволъ приблизился ко мнѣ и далъ такой же совѣтъ, какъ ап. Іудѣ: избавь душу отъ горестей міра; можетъ быть ты найдешь покой на небѣ, тогда я сдѣлалъ крестное знаменіе, молилъ о помощи отъ Бога, силою духа произнесъ: отступи отъ меня, сатана! 5) *Плачъ жены:* когда я потомъ пріѣхалъ домой и повѣдалъ женѣ свое горе, сердце ея было поражено скорбію, слезы покатились изъ глазъ и, всплеснувъ руками, она горько зарыдала; въ рыданіи произнесла еще слова: теперь ты продалъ свою душу... 6) *Отвѣтъ жены:* нарыдавшись вдоволь, она печально молвила мнѣ: дѣлай самъ, что знаешь, вѣрѣ я не измѣню, она сокровище моей души; скорбь или бѣда постигнутъ меня—я съ радостью перенесу ихъ. 7) *Ложная клятва:* Увы мнѣ! Теперь я вспомнилъ, что далъ обѣщаніе быть вѣрнымъ Тебѣ, Боже, ходить передъ Тобою, когда я стоялъ предъ алтаремъ и въ храмѣ Божьемъ давалъ клятву: заслуженная кара теперь постигла меня за то, что я совершилъ во грѣхѣ. 8) *Презираніе увѣщанія:* Увы! Какъ прискорбна душая моя! Велико бремя моего грѣха! Я пренебрегъ увѣщаніемъ, оставилъ свою вѣру, не внялъ гласу пастыря: объ этомъ теперь сѣтуютъ уста мои. О! какъ тяжела вина моя! Что мнѣ несчастному теперь дѣлать? 9) *Причащеніе:* Увы! Какъ болитъ душа моя, когда глаза мои видятъ, что мои собратья по вѣрѣ идутъ на причастіе, что они достигаютъ блаженства, стремятся къ небу, гдѣ будетъ ихъ питать Самъ Спаситель; а меня бѣднаго Онъ навѣрно отвергнетъ! 10) *Сожалѣніе о храмѣ:* О, ты, дорогой храмъ! ты блестишь издали какъ зеркало; къ тебѣ собирается весь народъ домогаться небеснаго сокровища для души. Мнѣ стыдно бываетъ самого себя, когда углубляюсь въ себя: вѣрующая душа слышитъ тамъ блаженство, мнѣ же вѣщается горькая участь. 11) *Грусть по мѣсту упокоенія:* Грустно мнѣ очень видѣть, какъ народъ хоронитъ своихъ покойниковъ тамъ, на священномъ мѣстѣ; какъ онъ съ тоскою навѣщаетъ ихъ; моему тѣлу уже не дадутъ мѣста среди нихъ; я не могу и предвидѣть, гдѣ мое тѣло найдетъ для себя мѣсто упокоенія. 12) *Разставаніе съ міромъ:* Увы! моя скорбная душа жалобно рыдаетъ, потому что я пренебрегъ милостью Отца, отвергъ свою вѣру; что будетъ съ моей душой, когда она разстанется съ міромъ; ужасно будетъ, быть можетъ, когда придется уходить отсюда. 13) *Послѣдняя пѣснь души:* тамъ будетъ раздаваться слово, хорошо мнѣ извѣстное уже здѣсь: кто не удержалъ своей вѣры, говоритъ мнѣ это слово, отступи теперь отъ меня, хотя мнѣ и очень

жаль тебя; ты болѣе не въ милости моей, не спасешься ты изъ узъ грѣха. 14) *Увѣщаніе къ братьямъ*: о! мои дорогіе собратья по вѣрѣ, которые ведете спасительную жизнь по вѣрѣ; берегите это сокровище, оно избавитъ душу отъ смерти; когда же ты измѣняешь вѣрѣ, и когда смерть тебѣ принесетъ вѣсть съ неба, тогда душа твоя не освободится отъ страданія. 15) *Просьба къ прихожанамъ*: внемлите теперь моей послѣдней просьбѣ, дорогіе прихожане: будьте тверды въ своей вѣрѣ, тогда вы найдете для души успокоеніе; тебя берегъ Іисусъ Христосъ; мощно избавилъ тебя отъ хищника, кто здѣсь съ вѣрою переноситъ страданія, тому Онъ дастъ вѣнецъ на небѣ».

Таковъ буквальный прозаическій переводъ трагедіи, изображающей состояніе перешедшаго въ православіе. Читая ее, нельзя не подивиться замѣчательному пониманію авторомъ народнаго духа, настроенія, интересовъ и положенія дѣлъ. Онъ съумѣлъ затронуть самыя чувствительныя струны новообращеннаго, изобразить его положеніе такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, но только освѣтивъ его въ крайне сочувственной для лютеранства формѣ. Я не сомнѣваюсь, что всякій новообращенный того времени, прочитавшій эту трагедію, находилъ въ ней много соотвѣтствующаго собственному настроенію духа и волей-неволей цѣликомъ отдавался теченію представленій этой трагедіи. Впечатлѣніе отъ уединеннаго чтенія простолюдиномъ этой трагедіи должно быть потрясающее. По моему, этотъ путь, путь письменнаго слова, былъ самымъ дѣйствительнымъ и вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ лифляндскихъ господъ для того, чтобы произвести нравственное смятеніе въ умахъ новообращенныхъ. Возникновеніе у простолюдина сомнѣнія въ истинности проповѣдуемой вѣры, угрызенія совѣсти за перемѣну вѣры по своему дѣйствію на духъ далеко превышаютъ силу вліянія физическаго горя. Намъ нѣтъ нужды здѣсь описывать то чисто внѣшнее экономическое и соціальное критическое положеніе, въ которомъ очутился новообращенный туземецъ. Краснорѣчивымъ выраженіемъ его служитъ прискорбный фактъ отпаденія громаднаго числа новообращенныхъ. Знаменательно, что это грустное явленіе особенно замѣтно на восточныхъ окраинахъ Лифляндіи, тамъ, гдѣ впервые должно было начаться, благодаря слѣдамъ древняго православія, которое исповѣдывали отдаленные предки тамошнихъ жителей въ

XVI столѣтіи, и дѣйствительно началось движеніе, откуда оно распространилось и далѣе къ западу. Между тѣмъ въ новѣйшее время мы видимъ здѣсь только жалкіе остатки нѣкогда большихъ православныхъ приходовъ. Чѣмъ же объяснить это повидимому странное явленіе? Причины его мы должны искать не въ самомъ народѣ, а внѣ его.

Восточная окраина Лифляндіи, на самомъ дѣлѣ будучи въ древности такъ сказать форпостомъ православія, должна была служить таковымъ и въ новѣйшее время; таковымъ она и готовилась быть, судя по первому началу движенія. Лифляндскіе свѣтскіе и духовные господа страны лучше всѣхъ прозрѣвали и знали это. Чтобы не допустить установиться прочной связи между Лифляндіей и первоисточникомъ лифляндскаго православія — Печерскимъ монастыремъ и сосѣдними православными приходами, необходимо было на первое же время принять мѣры къ разъединенію ихъ. Естественные пути сообщенія и внѣшнее положеніе обѣихъ сторонъ остались тѣ же, но за то лифляндскіе господа постарались сгруппировать на этой окраинѣ Лифляндіи лучшія духовныя силы— пасторовъ, обладавшихъ всѣми необходимыми качествами къ тому, чтобы не только поддержать угасающій авторитетъ лютеранства, но и подорвать зародившееся православіе. Православное же начальство, не имѣя подобной дальнозоркости, не съумѣло противопоставить энергической агитаторской дѣятельности здѣшнихъ пасторовъ соотвѣтствующихъ православныхъ дѣятелей.

Намъ нѣтъ здѣсь возможности точно опредѣлить наличное количество прихожанъ въ православныхъ приходахъ не потому, что мы не имѣемъ подъ руками документальныхъ данныхъ, ибо въ послѣднихъ, по нашему мнѣнію, указано не столько реальное, сколько номинальное число прихожанъ, и не потому также, что у насъ не достаетъ устныхъ показаній по этому предмету, но потому, что послѣднія показанія значительно рознятся другъ отъ друга. Мы дерзаемъ здѣсь только утверждать, что гдѣ прежде прихожанъ считали тысячами, теперь нужно считать сотнями, и гдѣ прежде ихъ насчитывали сотни, теперь нужно считать десятки. Въ Маріенбургѣ, напр., было первоначально около 1500 человѣкъ, изъ нихъ

около 300 выселились во внутреннія губерніи, а остальные въ церковь не показываются! Впрочемъ, школу православную посѣщаютъ человѣкъ 20, изъ которыхъ около половины бываетъ лютеранъ. То же самое можно сказать и о православныхъ приходахъ въ Геймадрѣ и отчасти въ Верро. Такое положеніе значительно зависитъ и отъ личныхъ качествъ прежнихъ представителей здѣсь того и другого вѣроисповѣданія. На сторонѣ лютеранства здѣсь дѣйствовалъ извѣстный Кейслеръ. Замѣчательно, что пограничные православные приходы въ настоящее время почти исключительно состоятъ изъ безземельныхъ крестьянъ. Какъ, напр., въ оппекальнскомъ приходѣ изъ числа 500 прихожанъ только 4—хозяева, остальные—бобыли и мызные и хозяйскіе батраки; въ Гангофѣ изъ 670 человѣкъ только около 75—хозяева; остальные также батраки и бобыли. Въ настоящее время пограничные православные приходы имѣютъ то благотворное значеніе, что сюда пріѣзжаютъ лифляндскіе переселенцы изъ с.-петербургской, псковской и витебской губерній для исполненія своихъ православныхъ обрядовъ. При видѣ печальной картины современнаго положенія православія на восточной окраинѣ Лифляндіи, невольно припоминается приведенная выше трагедія: какъ будто времена 50-хъ годовъ совсѣмъ не измѣнились къ лучшему, какъ будто всякій православный могъ бы читать ее и теперь съ чувствомъ горькаго угрызенія совѣсти и сожалѣнія!

Чѣмъ приниженнѣе и мизернѣе православные приходы, тѣмъ грандіознѣе и обширнѣе кирхшпили лютеранскіе. Все, что есть въ странѣ болѣе зажиточнаго, образованнаго и вліятельнаго—все это сосредоточивается въ лютеранскихъ кирхшпиляхъ. Здѣсь можно указать въ числѣ такихъ кирхшпилей раугескій, оппекальнскій и маріенбургскій. Объ обширности перваго кирхшпиля можно судить уже потому, что тамошній пасторъ, какъ говорятъ, получаетъ при двухъ помощникахъ около 18 тысячъ рублей содержанія въ годъ. Въ Маріенбургѣ, гдѣ число прихожанъ, полагаютъ, доходитъ до 18 тысячъ, пасторъ получаетъ въ годъ среднимъ числомъ около 9-ти тысячъ рублей содержанія.

Неизлишне здѣсь указать кстати на нѣкоторыя особенности

маріенбургской кирки и лютеранъ того края. Вѣроятно въ наслѣдіе отъ католичества осталась обстановка въ киркѣ: здѣсь, кромѣ большого образа Распятія, по сторонамъ, подлѣ него расположены четыре другіе образа Божіей Матери и апостоловъ, кромѣ того съ обѣихъ сторонъ Распятія по большой гипсовой статуѣ, а на самомъ верху мѣдныя статуйки со сложенными ладонями и вытянутыми впередъ руками. У здѣшнихъ прихожанъ вѣроятно еще со времени католичества сохранились нѣкоторые несвойственные лютеранамъ религіозные навыки, напр., при входѣ въ кирку, прочитывая молитву Господню, они дѣлаютъ на груди крестное знаменіе троекратное, двукратное и однократное, пятью пальцами, иные правильно, другіе неправильно; этотъ обрядъ исполняютъ, можно сказать, почти всѣ женщины, что касается мужчинъ, то лишь образованные не исполняютъ его.

Народное образованіе у лютеранъ стоитъ здѣсь гораздо выше, чѣмъ у православныхъ. Не говоря уже о томъ, что у лютеранъ строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста обязательно посѣщали какую-либо школу, вслѣдствіе чего школы бываютъ наполнены дѣтьми, школьныя зданія построены у нихъ сообразно новѣйшимъ гигіеническимъ требованіямъ. Только русскому языку отводится въ нихъ не особенно почетное мѣсто, и въ этомъ отношеніи ограничиваются умѣніемъ читать (это въ волостныхъ школахъ). Послѣднее обстоятельство служитъ причиною того, что нѣкорые лютерене пытаются отдавать дѣтей своихъ въ православныя школы. Однако пасторы ревниво оберегаютъ своихъ отъ соприкосновенія съ православными школами, предотвращая ихъ отъ этого сближенія то штрафами, то отказомъ принимать на конфирмацію дѣтей, если не представятъ свидѣтельства о посѣщеніи лютеранской школы. Но здѣсь, на восточной окраинѣ Лифляндіи, заслуживаетъ вниманія пансіонъ для дѣвицъ въ Линдгеймѣ, въ Альтъ-Лайценской волости, существующій уже болѣе 20 лѣтъ. Утверждаютъ, что самъ директоръ и всѣ служащіе здѣсь принадлежатъ къ гернгутерской сектѣ. Нравственно-религіозная дисциплина здѣсь образцовая. Но для православія эта прогимназія представляетъ нѣкоторую опасность; дѣло въ томъ, что сюда отдаются

и православныя дѣвушки изъ внутреннихъ губерній; здѣсь онѣ легко могутъ охладѣть къ православію, тѣмъ болѣе, что законъ Божій для нихъ не преподается. По этому поводу возникло даже дѣло, ибо дирекція заведенія отказалась платить за уроки по закону Божію; но взятыя вслѣдствіе этого изъ заведенія православныя дѣвушки, черезъ нѣсколько времени опять были приняты обратно и уже обучаются въ качествѣ лютеранокъ. Число воспитанницъ бываетъ болѣе ста.

Приступая къ изложенію современнаго состоянія религіознаго и вѣроисповѣдного настроенія простого народа въ предѣлахъ восточной Лифляндіи, мы должны прежде всего дать характеристику современныхъ представителей лютеранства, отношенія ихъ къ народу и народа къ нимъ. Насколько намъ извѣстно, въ этихъ предѣлахъ нынѣ уже нѣтъ выдающихся дѣятелей, снискавшихъ къ себѣ уваженіе и любовь народа. Какъ кажется, право патронатства служитъ виной тому, что здѣшніе пасторы не отличаются выдающимися качествами. Въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного порядочнаго проповѣдника, исключая Гана въ Рауге, который въ послѣднее время переведенъ въ г. Ревель. По мѣстамъ народъ стекается въ кирку слушать не проповѣдь пастора, а потому, что послѣдній вмѣсто слова Божія разсказываетъ съ каѳедры различные анекдоты и заморскія чудеса, иногда присоединяя къ нимъ примѣры изъ сосѣдства. Изъ такихъ можно указать на нейгаузенскаго пастора М.; онъ въ глазахъ народа ни болѣе ни менѣе какъ фигляръ, обладающій способностью занимать и смѣшить слушателей. Справедливость сказаннаго мнѣ самому пришлось провѣрить на дѣлѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ тема его проповѣди была довольно любопытная, именно онъ разсказывалъ о разныхъ способахъ молитвы, но излагалъ предметъ, повидимому, не съ цѣлью научить своихъ слушателей молиться, а скорѣе съ цѣлью доставить имъ удовольствіе, возбудить смѣхъ. Обыкновенная же тема его проповѣди, какъ утверждаютъ, состоитъ въ изображеніи того, какъ парни приходятъ къ дѣвушкамъ, при чемъ, говорятъ, онъ подробно расписываетъ увеселенія и похожденія молодежи, чѣмъ, конечно, очень увеселяетъ слушателей. Упадокъ въ этой мѣстности лютеранской проповѣди

приноситъ лютеранству трудно поправимый вредъ, охлаждая народъ къ киркѣ и религіи вообще. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что если при одной киркѣ болѣе одного проповѣдника, то народъ усердно посѣщаетъ кирку только въ тѣ дни, когда проповѣдь говоритъ лучшій изъ нихъ.

Если же мѣстный пасторъ не отличается ораторскимъ талантомъ, то народъ предпочитаетъ ѣздить далеко въ другую кирку, чтобы послушать извѣстнаго тамъ проповѣдника. Впрочемъ, упадокъ лютеранскаго проповѣдничества наноситъ самому лютеранству не столь значительный ущербъ какъ полемическій, если не сказать ругательный, характеръ ихъ проповѣдей. Въ этомъ отношеніи кирхи и церкви въ Лифляндіи почти повсемѣстно представляютъ собою своеобразное зрѣлище. Храмъ Божій, училище слова Божія сдѣлался по мѣстамъ и у православныхъ какъ у лютеранъ, ареною взаимной ожесточенной, не знающей ни мѣры, ни приличій, полемики. Обѣ стороны увлеклись настолько, что не замѣчаютъ, какъ пагубно вліяетъ эта полемика на религіозное сознаніе народа. Поношеніе пасторами православія въ глазахъ народа охлаждаетъ его къ лютеранству и если не развиваетъ въ немъ благопріятное предубѣжденіе въ пользу православія, то во всякомъ случаѣ постепенно располагаетъ къ религіозному индифферентизму. И это тѣмъ болѣе, чѣмъ въ болѣе рѣзкой формѣ выражаются нападки на другое вѣроисповѣданіе. Лучшіе лютеранскіе проповѣдники хорошо понимаютъ это и остерегаются рѣзкихъ формъ поношенія православія. Я укажу здѣсь на одну проповѣдь упомянутаго выше Гана: 14 іюля 1885 года, возвратившись съ родины близъ города Пернова, онъ объявилъ послѣ обѣдни, что желаетъ подѣлиться со своими слушателями путевыми впечатлѣніями. Нѣкоторые вышли изъ кирки, но большинство осталось. Онъ живыми красками рисовалъ предъ слушателями безотрадную картину неурожая въ западной Эстляндіи, какъ наказаніе Божіе за отступленіе отъ вѣры, и указалъ на о. Даго, гдѣ „уже болѣе тысячи человѣкъ перемазаны“. Но громадное большинство пасторовъ не ограничивается такими не приличными замѣчаніями, а буквально поноситъ православіе, сравнивая его съ язычествомъ, а иногда ставя его даже ниже язычества. Главный

аргументъ въ устахъ ихъ тотъ, что русскіе поклоняются идоламъ, что у нихъ за Бога почитается дерево, серебро и золото. Въ подтвержденіе своихъ словъ они указываютъ на то, что русскіе кадятъ предъ иконами. Что же касается вообще обрядовой стороны православія, то пасторы избѣгаютъ порицать ее, зная что простолюдину, хотя и лютеранину, она нравится. Особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуется крестное знаменіе, къ силѣ котораго простолюдинъ прибѣгаетъ въ опасныхъ случаяхъ, напр., при громѣ. Но удивительнымъ образомъ всѣ старанія пасторовъ не достигаютъ цѣли или достигаютъ, но не той, которая имѣлась въ виду. Чутье ли народа, предубѣжденіе ли противъ пасторовъ или темная неясная память о древнемъ православіи, особенно на восточной окраинѣ Лифляндіи, лишаетъ доводы пасторовъ въ глазахъ его значительной части той силы, которую они могли бы имѣть на самомъ дѣлѣ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ неизгладимое предубѣжденія крестьянина противъ своихъ господъ вліяетъ болѣе всего. Большинство помѣщиковъ-бароновъ вовсе упускаютъ изъ виду это важное обстоятельство, но болѣе проницательные изъ нихъ умѣютъ пользоваться этой чертой народа и когда хотятъ, чтобы народъ не дѣлалъ или не предпринималъ чего-либо не нравящагося или непріятнаго для нихъ, то начинаютъ хвалить или относятся равнодушно къ этому, такъ напр., во время движенія въ православіе замѣчено то явленіе, что въ тѣхъ волостяхъ и кирхшпиляхъ народъ гораздо менѣе или вовсе не измѣнялъ лютеранству, гдѣ помѣщики и пасторы или относились безразлично, или даже одобряли намѣреніе народа. Гоненія, отговариванія, порицанія всегда приводили и приводятъ къ противоположному результату. Другая причина, почему проповѣди пасторовъ производятъ дурное впечатлѣніе на народъ—это полное игнорированіе ими проснувшагося самосознанія эстовъ и латышей, личнаго и національнаго, ихъ чувствительность къ личному оскорбленію. Пасторы воображаютъ, что имѣютъ предъ собою стадо барановъ, прежнихъ безпрекословныхъ рабовъ, на которыхъ нужно дѣйствовать только самыми грубыми средствами. Болѣе образованныя личности и благочестивые старцы съ негодованіемъ отзываются о грубыхъ ругательствахъ и брани па-

сторовъ на святомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого первые обыкновенно не посѣщаютъ кирки и воскресные дни проводятъ дома или въ корчмѣ въ карточной игрѣ и праздности; а послѣдніе, вмѣсто того, чтобы отправляться въ кирку, предпочитаютъ дома читать молитвы или Библію и одиноко распѣвать духовныя пѣсни изъ молитвослова. Кстати замѣтимъ, что въ средствахъ назиданія у лютеранъ-крестьянъ недостатка нѣтъ, ибо почти у каждаго найдется молитвенникъ или пѣснословъ, и въ каждомъ семействѣ есть Библія. А въ воскресенье вечеромъ они отправляются въ школьный домъ, имѣющійся почти въ каждой деревнѣ, чтобы послушать тамъ молитву и чтеніе, совершаемое мѣстнымъ сельскимъ учителемъ—школьмейстеромъ. Тамъ, гдѣ существуютъ еще гернгутерскія общины, недовольные киркой обыкновенно посѣщаютъ ихъ собранія. Но къ сожалѣнію въ послѣднее время вслѣдствіе всеобщаго развитія въ странѣ религіознаго индифферентизма, народъ все болѣе и болѣе теряетъ всякое влеченіе къ киркѣ и религіи вообще. Опасаясь совершеннаго отчужденія народа отъ кирки, пасторы запрещаютъ гернгутерскія собранія, но за то поощряютъ молитвенны собранія въ своихъ школьныхъ домахъ подъ руководствомъ учителя и собственнымъ надзоромъ. Чтобы не порвать связи этихъ собраній съ киркой, болѣе усердные пасторы время отъ времени посѣщаютъ ихъ и сами совершаютъ чтеніе въ нихъ. Выше было сказано, что пасторы воображаютъ передъ собой стадо барановъ, безпрекословныхъ рабовъ. Это не совсѣмъ точно. Въ послѣднее время они начинаютъ понимать, что они имѣютъ дѣло съ людьми, которые, будучи недовольны настоящимъ положеніемъ, желаютъ чего-то новаго, не довѣряютъ слѣпо каждому слову пастора, хотя бы оно было сказано съ каѳедры. Вѣрнѣе сказать, что пасторы желаютъ видѣть предъ собою безгласныхъ овецъ. Отсюда ихъ отчаянное сопротивленіе новѣйшимъ народнымъ влеченіямъ—чтенію книгъ и газетъ и посѣщенію разныхъ обществъ — литературныхъ, земледѣльческихъ, пѣвческихъ, увеселительныхъ и т. п. Наконецъ, третья важная причина отчужденія народа отъ кирки—это личныя дурныя качества пасторовъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ народа, хотя на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, взглядъ народа въ нѣкоторыхъ случа-

яхъ и не вѣренъ. Изъ дурныхъ чертъ пасторовъ прежде всего слѣдуетъ указать на отсутствіе въ нихъ признаковъ живой вѣры. По народному убѣжденію (я исключаю престарѣлыхъ людей) пасторы большею частью люди невѣрующіе. Къ такому мнѣнію народъ пришелъ не столько на основаніи прямо выраженныхъ убѣжденій пасторовъ, сколько на основаніи ихъ образа жизни и поступковъ. Будучи слишкомъ образованны для того, чтобы пускаться въ бесѣду съ простыми людьми касательно высокихъ вопросовъ, пасторы обыкновенно держатъ себя далеко отъ простого народа; но тѣмъ большее значеніе имѣютъ ихъ мнѣнія, высказанныя иногда простому человѣку въ частной бесѣдѣ. Конечно, въ разсказахъ о нихъ и въ приписываемыхъ имъ словамъ много вымышленнаго, много, преувеличеннаго, изуродованнаго. Но едвали можно отрицать, что общій духъ ихъ вѣренъ действительности, и на основаніи этихъ разсказовъ, общую характеристику пасторовъ можно свести къ слѣдующему: заповѣди существуютъ не для насъ, а для простого народа. Этотъ принципъ жизни находитъ подтвержденіе для народа внѣ кирочной, частной жизни пасторовъ. Мы конечно, не имѣемъ подъ рукой оффиціальныхъ данныхъ, чтобы подтвердить народное мнѣніе. То, что теперь для публики остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, раскроютъ въ будущемъ архивѣ лютеранскихъ духовныхъ консисторій. Я говорю это по отношенію не къ лифляндцамъ: мѣстное же населеніе, само собою разумѣется, не нуждается въ подобныхъ доказательствахъ. Впрочемъ, какъ ни рѣдко, но все же обличенія въ развратной жизни пасторовъ заносятся иногда въ протоколы волостныхъ правленій, такъ напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ фактовъ записанъ въ протоколѣ феннернскаго волостнаго правленія относительно пастора С. Замѣтимъ, что, благодаря привиллегированному положенію пасторовъ, подобныя дѣла и жалобы на нихъ такъ хорошо скрываются, что и слѣдовъ не отыскать. И что еще замѣчательнѣе, есть примѣры на лицо, изъ которыхъ видно, что балтійскіе господа пытались изъ скандальнаго дѣла пастора NN въ Канапэ со служанкою даже раздуть большое политическое дѣло. Это было во время послѣдней ревизіи лифляндской и курляндской губерній сенаторомъ Манассеинымъ. Хи-

тросплетенныя выдумки господъ потребовали довольно труднаго слѣдствія, чтобы доказать, что здѣсь не было политическаго покушенія, а простое нанесеніе раны пастору, виновницей чего оказалась служанка пастора. Подобные факты вызываютъ еще болѣе грустныя размышленія при сопоставленіи ихъ съ тѣми мнѣніями, которыя распространяются среди тѣхъ же пасторовъ относительно православнаго духовенства въ краѣ. Здѣсь болѣе всего умѣстно сказать словами Писанія, что пасторы видятъ спицу въ чужомъ глазу, а въ своемъ не замѣчаютъ бревна.

Другой недостатокъ въ личности пасторовъ—крайнее корыстолюбіе, непонятное для народа при той обезпеченности, которою они пользуются. Въ этомъ отношеніи пасторы превзошли даже свѣтскихъ господъ и вполнѣ поддержали традиціи католическихъ ксендзовъ въ Лифляндіи. Дѣло иногда доходитъ даже до того, что иные изъ нихъ подъ разными благовидными предлогами отказываютъ въ причастіи, а когда получатъ въ качествѣ подарка деньги, то благовидный предлогъ уже не существуетъ. Не свидѣтельствуетъ ли о жесткости и черствости сердца пастора, напр., сообщенный недавно въ газетахъ фактъ: когда одинъ бѣдный бобыль не могъ отбыть барщины на пастора въ назначенный день, потому что онъ совпалъ съ рожденіемъ у жены ребенка, и не смотря на обѣщаніе отбыть барщину въ другое время, по приказанію пастора былъ заключенъ въ кутузку на семь дней въ то время, какъ жена его оставалась безъ всякаго ухода.

Въ интересахъ поддержанія угасающей вѣры въ мѣстномъ населеніи желательно было бы, чтобы правительство назначило пасторамъ казенное содержаніе или опредѣлило бы въ точности мѣру, которую вправѣ онъ взимать съ прихожанъ. Въ подпольныхъ рукописяхъ и народныхъ пѣсняхъ и поговоркахъ достаточно отразилась эта черта пасторовъ.

Не вѣрно было бы думать, что пасторы соблюдаютъ нѣмецкую аккуратность и должное благоговѣніе при совершеніи церковной службы. Въ Эстляндіи, которая въ культурномъ отношеніи далеко отстала отъ Лифляндіи, нравы пасторовъ довольно патріархальны.

Наконецъ, въ послѣднее время возникала еще одна немаловаж-

ная причина, разъединяющая пастора и прихожанъ, это неназначеніе пасторами молодыхъ эстовъ и латышей, окончившихъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ съ правомъ занять пасторскую каѳедру. Руководители балтійско-нѣмецкой политики боятся не того, что пасторы изъ эстовъ и латышей оттолкнутъ народъ отъ кирки, отъ вѣрности лютеранству, а того, что чрезъ это народъ потеряетъ уваженіе къ мѣстнымъ культуртрегерамъ германской крови. Но, разсуждая такъ, они поражены непонятною для насъ слѣпотою. Въ дѣйствительности же результаты оказались бы какъ разъ противоположными: пасторы изъ туземцевъ и могли бы поддержать исчезающее довѣріе народа къ своимъ господамъ и преданность лютеранской киркѣ. Этотъ политическій промахъ балтійскихъ нѣмцевъ оказываетъ большую услугу русско-православному дѣлу въ краѣ. Страхъ предъ пасторомъ туземцемъ такъ обуялъ нѣмцевъ, что въ послѣднее время профессора дерптскаго университета или не даютъ оканчивающимъ здѣсь курсъ на богословскомъ факультетѣ туземцамъ національнаго направленія необходимой для пастора ученой степени, или же берутъ съ нихъ подписку въ томъ, что они никогда не будутъ домогаться пасторской каѳедры.

Послѣ этого читатель имѣетъ право спросить: почему же при всемъ томъ лютеранская кирка въ странѣ еще столь устойчива? почему же лютеране не переходятъ въ православіе? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо не только знать народный характеръ и его историческое воспитаніе, но и состояніе и положеніе православія въ краѣ. Прежде чѣмъ пытаться раскрыть причины, удерживающія народъ отъ перехода въ православіе, мы должны указать и на тѣ хорошія качества, которыми отличаются пасторы, рекомендующія ихъ въ глазахъ народа съ лучшей стороны. Никто не будетъ отрицать, что пасторы по образованію стоятъ на высотѣ своего призванія, народъ уважаетъ въ нихъ умъ и знаніе, поэтому ореолъ недоступности, которымъ они окружаютъ себя, не столько отвлекаетъ отъ нихъ народъ, какъ можно было бы думать съ перваго взгляда. Не будь они столь алчны и корыстолюбивы, они могли бы внушить къ себѣ даже нѣкоторое благоговѣніе. При всей ихъ нетактичности они умѣютъ дѣйство-

вать, особенно въ послѣднее время, на народъ въ желательномъ направленіи. Проповѣдь, къ которой народъ такъ привыкъ, по мѣстамъ служитъ, можно сказать, единственнымъ средствомъ удержанія народа въ лонѣ кирки. По скольку пасторы ограничиваются толкованіемъ слова Божія, они не имѣютъ въ странѣ себѣ соперниковъ. Неудивительно послѣ этого, что даже коренные русскіе, слушая ихъ проповѣди, бываютъ такъ увлечены, что выражаютъ желаніе имѣть у себя такого священника. Я могу указать на такой фактъ, имѣвшій мѣсто въ посадѣ Черномъ, на берегу Пейпуса, когда въ немъ освящали лютеранскую кирку, и проповѣдь на русскомъ языкѣ произнесъ нынѣшній лайскій пасторъ. Впрочемъ это качество скорѣе *можетъ быть* только сильнымъ орудіемъ и не бываетъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. Но за то другая черта ихъ—строгое и ревностное наблюденіе и руководство школьнымъ образованіемъ; является у нихъ дѣйствительнымъ орудіемъ управленія народомъ. Они достигли не только того, что лютеране почти всѣ грамотны, чего нельзя сказать о православныхъ, но и съумѣли придать школьному обученію вѣроисповѣдной духъ, съумѣли воспитать въ школахъ приверженцевъ лютеранства. Сельскія школы можно сказать повсюду стоятъ выше православныхъ. И нельзя не похвалить и не подивиться усердію пасторовъ въ этомъ отношеніи. При обширныхъ приходахъ въ весеннее время во время роспуска школъ они принуждены бываютъ нѣсколько недѣль проводить въ разъѣздахъ для присутствія на отпускныхъ экзаменахъ. Къ сожалѣнію православные священники представляютъ въ этомъ отношеніи печальный контрастъ съ пасторами. Это понятно. Послѣдніе не умѣютъ цѣнить такъ значеніе школы въ дѣлѣ религіозной пропаганды, какъ пасторы. Оттого и замѣчаютъ, что обученіе въ православныхъ школахъ не располагаетъ воспитанниковъ въ пользу православія.

Не смотря на преданность лютеранству, которую могутъ воспитать въ народѣ лютеранскія школы, онѣ никакъ не въ состояніи искоренить то неизгладимое недовѣріе, которое народъ питаетъ къ пасторамъ. Въ нихъ народъ всегда видитъ врага, барина, помѣщика. На основаніи ли такого недовѣрія или на основаніи дѣй-

ствительнаго факта по всей странѣ, то въ рукописяхъ (въ видѣ драмы), то устно, ходитъ разсказъ, гдѣ пасторъ изображается искушающимъ сына учителя, студента дерптскаго университета; онъ напаиваетъ послѣдняго, ведетъ въ публичный домъ и выдаетъ въ такомъ видѣ и мѣстѣ университетскому начальству; цѣль пастора была достигнута; эстонецъ былъ исключенъ и разумѣется потерялъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь пасторомъ.

На основаніи вышесказаннаго, читатель, лично никогда не бывшій въ Прибалтійскомъ краѣ, можетъ думать, что кирки здѣсь совершенно пусты, что народъ не посѣщаетъ ихъ. Однако жестоко ошибочно было бы такое предположеніе. Въ дѣйствительности мѣстныя кирки бываютъ всегда полны народа, и незнакомый съ настроеніемъ народнаго духа въ краѣ опять такъ и впалъ бы въ заблужденіе, считая это явленіе признакомъ преданности киркѣ и пасторамъ. Чтобы понять цѣль и мотивы стеченія народа въ киркахъ, постороннему наблюдателю стоитъ только ближе всмотрѣться въ массу народа, прислушаться къ разговорамъ, наблюсти, какъ онъ ведетъ себя во время богослуженія. Обыкновенно народъ начинаетъ съѣзжаться въ кирку задолго до службы. Пріѣхавши на мѣсто, кто распрягаетъ лошадь, кто такъ привяжетъ къ стойкѣ или перекладинѣ, поитъ и подноситъ ей привезенный съ собою кормъ (сѣно); справивъ это дѣло, оглядывается кругомъ, не пріѣхалъ ли дальній родственникъ, знакомый или вообще человѣкъ, къ кому есть дѣло, съ которымъ можно поговорить. Нашедши кого-либо изъ таковыхъ, вступаетъ въ оживленную бесѣду, иногда предварительно подкрѣпивъ себя водкой въ рядомъ стоящей корчмѣ. О чемъ же здѣсь такъ горячо бесѣдуютъ? Аграрный вопросъ на первомъ планѣ: надежда на хорошій или плохой урожай, перемѣны погоды, чрезмѣрная высота аренды, непріятности съ помѣщикомъ, вотъ излюбленныя постоянныя темы толковъ, которыя вы услышите у кирокъ. Затѣмъ второстепенное мѣсто занимаютъ слухи объ ожидаемыхъ реформахъ: о новыхъ судахъ, объ обязательной продажѣ земель, о выселеніи и переходѣ къ православіе. Словомъ, у кирокъ, которыя бы должны привязывать народъ къ лютеранству и данной мѣстности, возбуждаются и рѣшаются всѣ общіе вопросы, полагается на-

чало разнымъ массовымъ движеніямъ и стремленіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ киркою. Видъ собравшагося у кирки народа, ожидающаго прихода пастора, представляетъ зрѣлище увеселительныхъ выѣздовъ: поодаль отъ телѣгъ дѣвушки образовали густыя группы и ведутъ тихую прерывистую бесѣду, при чемъ взоры собесѣдницъ обыкновенно блуждаютъ въ пространствѣ, высматривая знакомыхъ или незнакомыхъ парней; старухи, расположившись по двѣ по три сидятъ на муравѣ въ неумолкаемой бесѣдѣ; соотвѣтственно этому ведутъ себя молодые парни и старики, съ тою только разницей, что мужчины большею частью разлеглись на травѣ или скучились у телѣгъ. Какъ только показывается изъ своей квартиры пасторъ, большинство спѣшитъ въ кирку занять лучшія мѣста, но часть, при хорошей погодѣ, остается на дворѣ, гдѣ въ непрерывной бесѣдѣ проводитъ все время богослуженія. Послѣ проповѣди кирочный дворъ опять наполняется массою разговаривающаго народа, все болѣе и болѣе возрастающаго по мѣрѣ приближенія конца богослуженія. Насколько внимательно народъ сидитъ въ киркѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ общеизвѣстная легенда, что діаволъ присутствуетъ всегда въ киркѣ при богослуженіи и записываетъ имена заснувшихъ на большой распростертой лошадиной шкурѣ. Въ западной Эстляндіи эта легенда передается въ слѣдующей формѣ: однажды дѣва подземная (миѳологическое существо), вышедшая замужъ за обыкновеннаго парня, во время проповѣди пастора вдругъ засмѣялась. Это крайне поразило ея мужа, потому что она дома никогда не теряла серьезнаго вида. На вопросъ мужа о причинѣ смѣха, она сказала, что засмѣялась отъ того, что видѣла, какъ діаволъ стоялъ у стѣны кирки и записывалъ на большой растянутой лошадиной шкурѣ имена спящихъ въ киркѣ, но такъ какъ кожа не могла умѣстить на себѣ столь много именъ, то діаволъ пытался растянуть ее зубами, при чемъ часто ударялся головой объ стѣну. Чтобы лишить слушателей удобствъ, располагающихъ ко сну, а можетъ быть также ради торжественности, привлекающей въ кирку народную массу, въ новѣйшее время входятъ въ моду такъ называемые кладбищенскіе праздники, когда проповѣдь бываетъ подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ. И здѣсь однако масса не обходится безъ неприличныхъ

сценъ. Пишущему эти строки самому приходилось быть свидѣтелемъ, какъ въ Маріенбургѣ молодые парни распивали пиво, расположившись тутъ же на кладбищѣ вокругъ корфа съ пивомъ, въ то время, какъ старые люди пѣли духовныя пѣсни и слушали проповѣдь пастора.

Выше былъ высказанъ очень сочувственный отзывъ о лютеранскихъ школахъ, оказавшихъ великую услугу въ дѣлѣ народнаго образованія. Но одно дѣло — грамотность, другое — нравственно-воспитывающее вліяніе школы. Послѣдняго-то и не достаетъ у лютеранскаго школьнаго обученія. Лютеранскія школы по справедливости немало содѣйствовали огрубѣнію народа какъ своей дисциплиной, такъ и непедагогическими учебниками; до послѣдняго времени почти единственнымъ средствомъ поддержанія въ нихъ дисциплины служили розги и линейка, пользованіе которыми повидимому вошло въ натуру балтійца; такъ, напр., разсказываютъ, что въ исаакскомъ приходскомъ училищѣ былъ учитель старикъ нѣмецъ, который питалъ такую страсть къ поркѣ учениковъ, что когда не имѣлъ повода пороть, то бывалъ въ раздраженномъ состояніи и приходилъ въ себя лишь выпоровъ кого-либо за пять коп. или даромъ безъ малѣйшаго повода. Пасторы отчасти своимъ обращеніемъ; отчасти одностороннимъ направленіемъ обученія повсемѣстно вооружали противъ себя сельскихъ учителей, или, какъ ихъ называютъ на мѣстѣ, школьмейстеровъ. Благодаря раздору между ними и учителями вліяніе ихъ на школу значительно утратилось, и учителя воспитываютъ дѣтей въ духѣ враждебномъ пасторамъ и помѣщикамъ. На этомъ пунктѣ Ахиллесова пята всего балтійско-нѣмецкаго дѣла въ краѣ. Школы можно сказать навсегда безвозвратно нравственно потеряны для пасторовъ и высвободились отъ ихъ вліянія. Говорю это не въ виду перехода школъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Когда прибалтійскія школы выйдутъ изъ подъ пасторской опеки, которая въ послѣднее время служила только во вредъ нравственно-воспитывающему значенію школьнаго обученія, въ нихъ перестанетъ существовать та пагубная рознь, которая доселѣ отравляла и портила все школьное дѣло. Разумѣется, на первое время существующее поколѣніе

учителей, развращенныхъ пасторской опекой, будетъ представлять собою элементъ опасный, нигилистическій, какъ выражаются о министерскихъ школахъ мѣстные господа. Новому начальству придется освѣжить, обновить дурную закваску, унаслѣдованную отъ стараго начальства, и потому не удивительно, если въ министерскихъ школахъ въ первое время выростутъ дурные плоды. Виною ихъ прежнее начальство. Доселѣ учителя должны были быть безпрекословными механическими проводниками пасторскихъ тенденцій, вопреки новѣйшимъ требованіямъ педагогики и народныхъ интересовъ. Мѣсто учителя не было ничѣмъ гарантировано: не понравился учитель почему нибудь пастору, и онъ лишается мѣста безъ всякаго суда и слѣдствія. Для контролированія и наблюдедения за настроеніемъ учителей пасторы пользуются въ качествѣ шпіоновъ или шпіонокъ продавцами и продавщицами книгъ по деревнямъ. Кто изъ учителей умѣлъ показать себя религіознымъ и послушнымъ пастору, „грѣшнымъ" предъ нимъ, тотъ могъ быть увѣренъ въ своемъ мѣстѣ, а кто выражался непохвально о пасторѣ, выказывалъ себя умнѣе пастора, тотъ какъ „дитя міра сего" вскорѣ отставлялся отъ должности, какъ неспособный къ педагогической дѣятельности. Касательно обученіе въ лютеранскихъ школахъ послушаемъ мнѣнія одного сельскаго учителя:

«Пространная библейская исторія, церковный пѣснословъ, катихизисъ, псалтирь, молитвы и т. п. долженъ ребенокъ знать дословно: только при этомъ условіи онъ уменъ, а также уменъ его учитель. Я самъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ вдолбилъ всѣ эти толстыя книжки въ блаженной сельской школѣ въ свой мозгъ, такъ сказать, отъ крышки до крышки. При этомъ я замѣчалъ также, что подобное зазубриваніе, вмѣсто ожидаемой пользы, причиняетъ вредъ какъ самой вѣрѣ, такъ и вѣрующему. Оно губитъ всѣ зародыши мышленія, знанія и чувствованія и превращаетъ богато одареннаго духовными дарованіями ребенка въ деревянную колоду, остающуюся до смерти таковою, если его впослѣдствіи не пробудитъ опытъ жизни. Если онъ по счастливой случайности проснется изъ такого смертнаго сна, то онъ осудитъ столь пагубное обученіе вѣрѣ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, какъ я теперь; лишенный знаній, убѣжденій, однако исполненный суевѣрій, невѣжества, вступаетъ онъ въ міръ, вызывающій въ немъ тысячи вопросовъ и сомнѣній, предлагающій ему временное счастіе жизни

лишь *подъ условіемъ цѣльнаго образованія* и погружающій его въ самое несчастное бытіе, если онъ не знаетъ болѣе ничего, кромѣ указаннаго выше ученія вѣры. Но спросимъ теперь: почему же только эстонскій ребенокъ, эстонскій народъ долженъ быть мертвой машиной, лишь существовать для вѣры и кирки? Почему только для насъ эстовъ плодъ естественнаго образованія грѣховенъ и опасенъ, — плодъ, украшающій другіе народы и страны? Почему великій и милосердый Творецъ наложилъ на насъ бремя столь презрѣнной касты, въ которой Его слуги стараются удержать насъ на вѣки? Въ отвѣтъ на эти вопросы учитель приводитъ нижеслѣдующую бесѣду съ пасторомъ при освященіи одного школьнаго дома:

Пасторъ. Слава Богу, теперь мы опять имѣемъ прекрасный и просторный школьный домъ. Учитель. Да, г. пасторъ, прекрасный и просторный; но что могутъ одни эти прекрасные дома, если въ нихъ ничему болѣе не обучаютъ, кромѣ того, что касается церкви и вѣры? Пасторъ. Вѣдь когда мы ослабимъ вѣроученіе и слово Божіе, и начнемъ обучать мудрости міра сего, то ваши дѣти потеряютъ блаженство души и болѣе не наслѣдуютъ царства Божія. Учитель. Однако, приказывая проповѣдывать столь одностороннее ученіе лишь ради неба, почему же вы *помѣщаете своихъ* дѣтей въ *высшія* школы, гдѣ обучаютъ и мудрости міра сего? Какъ можете вы нѣмцы быть столь благосклонны и милостивы, что предоставляете небо и блаженство лишь эстамъ? Прошу оставить уголокъ неба и для нѣмцевъ. Пасторъ оставилъ эти рѣчи на другой разъ».

Къ этому учитель присовокупляетъ; не свидѣтельствуетъ ли подобная рѣчь пастора ясно о томъ, какая цѣль кроется въ сердцахъ нашихъ культуртрегеровъ. Если бы у „Tallina Sõber" (газета, издающаяся въ Ревелѣ, задача которой поддержать угасающее въ глазахъ народа обаяніе передъ нѣмцами) и у мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ было сколько нибудь болѣе сочувствія и мягкости по отношенію къ духовному званію эстонскаго народа, то онѣ не превозносили бы столь высоко наше школьное образованіе и хорошо могли бы видѣть тѣ желѣзныя цѣпи, которыми насъ привязываютъ къ *заплеснѣвшимъ стѣнамъ средневѣковой школы*... Противники возражаютъ, что съ переходомъ школъ въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія онѣ отпадутъ отъ вѣры и воспитаютъ нигилистовъ. Въ доказательство этого они ищутъ данныхъ и когда не находятъ таковыхъ, то „Tallina Sõber" первый всту-

паетъ въ Силоамскую купель. Онъ находитъ стихотвореніе usk ja teadus (вѣра и знаніе) и утверждаетъ, что это „плодъ будущихъ правительственныхъ школъ". (Въ этомъ стихотвореніи вѣра и знаніе противополагаются другъ другу и вѣра представляется достояніемъ младенчества). Учитель пытается далѣе доказать истину этого невиннаго стихотворенія, указывая на то, что онъ въ лютеранской школѣ вѣрилъ, что земля стоитъ, а солнце движется, „ибо какъ въ противномъ случаѣ Іисусъ Навинъ могъ произнести знаменитое изреченіе". Учитель говоритъ, что только впослѣдствіи онъ узналъ, что солнце стоитъ, а земля движется. „Теперь знаніе заступило мѣсто вѣры, и вѣра въ движеніе солнца и указанное мѣсто Библіи исчезла. Могъ ли я болѣе вѣрить въ движеніе солнца послѣ того, какъ я достовѣрно узналъ, что земной шаръ движется? Какъ могъ я *знать*, когда я прежде твердо *вѣрилъ*, что солнце движется"?

Мы привели здѣсь бесѣду учителя съ пасторомъ и мнѣнія перваго потому, что она характеризуетъ современное направленіе и настроеніе учителей во всемъ краѣ. Учитель говоритъ здѣсь о сельской одноклассной школѣ Народъ однако не раздѣляетъ такихъ опасеній по отношенію къ этой школѣ, а напротивъ относится къ ней въ общемъ съ большимъ сочувствіемъ. За то приходскія элементарныя и уѣздныя училища въ глазахъ народа пользуются самой дурной репутаціей. Изъ нихъ выходятъ только „конокрады и мошенники", а дѣвушки, кончающія въ нихъ курсъ, пренебрегаютъ крестьянскимъ костюмомъ, подражая модѣ городскихъ жителей; крестьянская работа ненавистна для нихъ, а потому онѣ убѣгаютъ отъ домашняго очага въ городъ, гдѣ большею частью дѣлаются жертвами общественной безнравственности. Такъ гибнетъ цвѣтъ туземнаго юношества. Не менѣе деморализующее вліяніе оказываютъ на дѣвицъ разныя рукодѣльныя и швейныя училища; въ нихъ онѣ отвыкаютъ отъ всякаго здороваго производительнаго труда и обучаются лишь плетенію и вязанію предметовъ роскоши, потребляемыхъ лишь достаточнымъ классомъ, и шитью платьевъ по городской модѣ. Само собою разумѣется, что съ этими училищами неизбѣжно связанъ духъ германизаціи, воспи-

тываемый главнымъ образомъ хотя бы самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ нѣмецкой рѣчью. У крестьянъ въ дерптской странѣ образовалась по этому поводу поговорка, что юноша или дѣвушка, перешедши Каменный мостъ (въ Дерптѣ), чуждается своего сословія.

Теперь намъ слѣдуетъ охарактеризовать настроеніе простого народа и разнообразныя движенія въ немъ. Самое вѣрное отраженіе его современнаго настроенія мы находимъ въ распѣваемыхъ пѣсняхъ, составленныхъ отчасти простыми людьми изъ крестьянъ, отчасти народными учителями. Поэтому я постараюсь здѣсь выразить въ общихъ чертахъ болѣе характеристическія мысли и чувства, волнующія въ настоящее время коренное населеніе края (въ данномъ мѣстѣ только эстонскую часть его). Предварительно нѣсколько замѣчаній о такихъ пѣсняхъ. Достойно вниманія, что пѣсни, въ которыхъ описываются взаимныя отношенія между крестьянами съ одной и пасторами и помѣщиками съ другой стороны, въ рукописяхъ распространены повсюду, даже такъ, что напр. пѣсню на верроскомъ нарѣчіи, составленную очевидно въ Лифляндіи, можно встрѣтить въ западной Эстляндіи. Это понятно. Нерѣдко въ концѣ пѣсни дѣлается слѣдующее обращеніе: „дорогой эстонецъ! нашедши эту рукопись, перепиши ее немедленно и передай другимъ". Общее содержаніе такихъ агитаторскихъ пѣсенъ можно формулировать такъ: рыцари-грабители, вторгшись въ нашу землю, коварствомъ и мечемъ истребили массу народа, подъ предлогомъ распространенія христіанства, безжалостно отняли у нашихъ предковъ землю, а ихъ самихъ обратили въ тяжелое рабство, все достояніе крестьянина сдѣлалось собственностью помѣщика: умирали родители — все состояніе помѣщикъ забиралъ себѣ, а дѣтей отправлялъ съ мѣшкомъ на плечахъ нищенствовать по городамъ и селамъ. Увѣщанія папъ не помогали, потому что рыцари не слушались ихъ. Эти распространители вѣры Христа жили въ страшномъ развратѣ, насилуя женъ и дочерей эстонцевъ. Видя это, народъ сталъ подражать имъ и также развратился. Въ одной пѣснѣ, составленной въ Лифляндіи, съ чувствомъ негодованія описывается jus primae noctis, бывшее въ ходу еще до недавняго времени.

„Невыносима жизнь въ вѣрѣ христіанской: всѣ мы сдѣлались крѣпостными, стадомъ на убой помѣщику, и хотя вѣра—дѣло прекрасное, но каково отъ этого наше житье-бытье? Пасторъ начинаетъ требовать съ насъ денегъ уже при рожденіи и по смерти не хоронитъ насъ безъ денегъ. За деньги насъ крестятъ, за деньги конфирмуютъ, за деньги причащаютъ! Все, что мы ни дѣлали, что бы ни пріобрѣтали, какой бы товаръ ни привозили изъ города, все это идетъ на аренду помѣщику, въ залогъ нашей пресловутой вѣры. Даже въ могилѣ тѣло наше не находитъ покоя: погребаютъ на чужомъ трупѣ, если не заплатишь большія деньги; будущій могильщикъ выроетъ кости и платье. Хотя и исчезла барщина (пѣснь составлена въ Лифляндіи, гдѣ барщина почти уже вывелась и гдѣ крестьяне живутъ сравнительно хорошо; въ Эстляндіи же барщина господствуетъ еще повсемѣстно), рубцы отъ сѣченія заросли на тѣлѣ, но все же насъ мучатъ вдоволь, намъ не избѣжать мызныхъ нивъ: чѣмъ больше платимъ аренды, тѣмъ больше налагаютъ, при денежной платѣ и даровыхъ вспомогательныхъ работахъ, нѣтъ въ жизни услады. Весь эстонскій народъ хорошо знаетъ, какъ живутъ здѣсь всѣ нѣмцы: въ собственное удовольствіе, ради скопленія богатствъ и сокровищъ. Церковные господа, въ будни помѣщики, въ воскресенье пасторы, у которыхъ на груди бѣлыя ленты, живутъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ золотомъ раю, ѣдятъ хорошо, носятъ дорогія платья, все это на нашъ счетъ. Отъ рожденія до смерти пасторъ—нашъ кровопійца. Обѣщаетъ насъ спасти, если дадимъ за это денегъ; кто не дастъ того проклинаетъ. Достаточно мы уже перенспытали, что хорошаго дала намъ нѣмецкая вѣра. Эстляндія (весь районъ, занимаемый эстами)—небо для нѣмцевъ, мы же здѣсь испытываемъ адскія муки. Эсты дни и ночи воздыхаютъ подъ бременемъ господъ. Помѣщикъ реветъ: денегъ, денегъ! за танеръ (мѣра земли) подавай денегъ!.. Мало ли наши кирки дурачатъ народъ? То, что пасторъ задалбливаетъ въ шесть дней, въ седьмой извергаетъ на каѳедрѣ; иной болтаетъ, ругается, бьетъ руками о каѳедру, говоря: подушнаго надѣла вы не получите, пока не пробьетъ послѣдній часъ; не ищите сокровищъ

міра сего, исполняйте свой долгъ, цѣлуя мою руку. Часъ или два онъ горланитъ такъ зычнымъ голосомъ: за это онъ имѣетъ цѣлую мызу, и не прочь получить еще другую... Поспѣши, эстонецъ, сбросить узы невѣжества: только ученіе избавитъ тебя отъ рабства; иначе наши господа не твердили бы безпрестанно: кто домогается мудрости, тотъ попадетъ прямо въ адъ".

Безотрадное настоящее положеніе невольно заставляетъ мыслящаго простолюдина обратить взоры къ своему давно прошедшему. Этимъ объясняется, что эстонская поэзія носитъ элегическій оттѣнокъ, отразившійся даже на народномъ эпосѣ „Kalewipoeg". Неудивительно поэтому, что въ агитаторскихъ пѣсняхъ прошлая жизнь до XIII вѣка, когда орденъ меченосцевъ покорилъ страну, представляется раемъ, язычество, эстонская древняя вѣра во многомъ признается лучше католичества: „за нашу землю и сокровища мы унаслѣдовали только муки рабства, лжеученіе папы и грубое невѣжество". Нѣмцы въ пѣсняхъ иначе не называются, какъ грабителями, разбойниками, порожденіемъ діавола. Послѣднее объясняется тѣмъ, что по вѣрованію эстовъ, діаволъ чрезъ нихъ задумалъ уничтожить свободу, которая не нравится ему, ибо, благодаря ей, народъ становится умнѣе. „Тебѣ ничего не остается, сказано въ одной пѣснѣ, какъ взять дубину и отомстить своему угнетателю". Впрочемъ, въ иныхъ пѣсняхъ съ чувствомъ злорадства описывается, какъ эсты въ бѣдѣ обращались за помощью къ русскимъ князьямъ, которые, явившись въ Лифляндію, учиняли надъ угнетателями жесточайшую расправу. Нѣкоторыя новѣйшія событія отразились также въ этихъ пѣсняхъ: разсказывается напр., какъ лифляндскіе дворяне поднесли адресъ государю и просили утвердить ихъ мнимыя привиллегіи, при которыхъ процвѣтаетъ страна, но получили отказъ; по этому поводу стихотворецъ обращается съ молитвой къ Богу, чтобы Онъ далъ имъ еще больше глупости—поднести вторично подобную петицію. Въ другомъ мѣстѣ дѣлается воззваніе къ народу, чтобы обратился съ ходатайствомъ къ царю, который будто приказалъ продавать землю и понизить аренду; но господа скрыли его приказаніе и увѣряютъ его, что благосостояніе страны не оставляетъ желать ничего луч-

шаго. Я считаю не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ въ точномъ переводѣ одну такую характерную агитаторскую пѣснь:

На каѳедрѣ раздается
Громко рѣчь пастора:
Эсты! чтите насъ! Несите
Нашъ яремъ безъ спора—
Вамъ за то грѣхи простятся,
Въ небѣ будетъ слава.
Это заповѣдь Христова—
Вѣрьте не лукаво...
Богъ велѣлъ... Его велѣнье—
Нѣмцу поклонитесь...
И за то вы въ царствѣ Божьемъ
Счастьемъ насладитесь...
Да, пасторъ краснорѣчивый
Ловокъ лицемѣрить—
Но пора уже эстонцамъ
Хитрой лжи не вѣрить...
Слово Божье всѣмъ открыто,
Не однимъ пасторамъ.

Далѣе описывается твореніе міра, причемъ отрицается, чтобы Богъ могъ создать такое зло, какъ нѣмцы. Затѣмъ дѣлается слѣдующее обращеніе къ нимъ:

Думать надо, создалъ чортъ васъ,
Или змѣй старинный:
Вы всегда объяты были
Злобою змѣиной...
Вы издревле славны были
Грабежемъ и кражей,
И теперь дѣвицъ эстонскихъ
Вы крадете даже,
Собирая ихъ въ гаремы
Вашего разврата.
Вы развратники, одѣты
Въ бархатъ шелкъ и злато,

Не пора ли вамъ съ развратной
Уходить дороги!
Да, пора! Вставай, эстонецъ,
И не жди подмоги!
Скуй себѣ копье изъ стали—
Крѣпче для барона,
Вѣковой яремъ ломая
Гордаго Тевтона...
Даніилъ россійскій, сильный!
Помоги намъ, просимъ!
Пусть мы снова вольны будемъ,
Снова рабство сбросимъ!
На Руси давно свобода,
Намъ пора, эстоны...
Уходите жъ по здорову,
Господа бароны!

Да не подумаетъ читатель, что Эстляндія готова уже къ возстанію. По нашему мнѣнію такія и еще болѣе рѣзко выраженныя чувства и желанія существовали во все время нѣмецкаго господства. Теперь они только выразились въ письменной формѣ. Принимая во вниманіе исторію Лифляндіи, мы приходимъ къ тому выводу, что чѣмъ далѣе въ прошлое, тѣмъ чаще и энергичнѣе проявлялась способность сопротивленія, тѣмъ солидарнѣе дѣйствовали туземцы. Напротивъ, подвигаясь къ новѣйшимъ временамъ, мы все рѣже и рѣже встрѣчаемъ открытое массовое выраженіе недовольства противъ нѣмцевъ, вѣрнѣе противъ помѣщиковъ. Поэтому опасаться повторенія въ настоящее время массоваго враждебнаго движенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Можно даже сомнѣваться въ самой способности народа къ этому. По всѣмъ вѣроятіямъ многовѣковое тевтонское иго притупило и заглушило въ немъ всякую энергію: на лицахъ туземцевъ выражается большею частью лишь безсмысленная тупость и робость; походка и движенія ихъ вялыя, рѣчь покорливая. Поэтому, если нерѣдко дѣлается донесеніе, куда слѣдуетъ о тревожномъ настроеніи умовъ и готовящемся возстаніи въ странѣ, то это ни болѣе, ни менѣе какъ

злонамѣренно умышленное и испытанное въ рукахъ господъ страны средство пугать правительство, чтобы вынудить у него желательныя мѣропріятія или предотвратить его отъ неблагопріятныхъ нѣмецкимъ интересамъ намѣреній и плановъ. Въ доказательство этого я могу сослаться на время перваго движенія въ православіе въ 40—50 годахъ, когда чаша долготерпѣнія народа повидимому уже переполнилась, но у него не хватило даже тогда рѣшимости и энергіи бунтоваться. Тѣмъ не менѣе безспорно, что въ настоящее время въ краѣ происходитъ сильное волненіе и броженіе умовъ. Выше мы приводили только симптомы этого движенія, не раскрывая подробно, въ чемъ оно состоитъ, каковы его конечныя цѣли. Мы видѣли, что народъ недоволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ ни въ экономическомъ, ни въ соціальномъ отношеніи, а нарасхватъ читаемыя и переписываемыя зажигательныя стихотворенія питаютъ и еще болѣе усиливаютъ недовольство. Если мѣстные нѣмцы повсюду разглашаютъ и стараются увѣрять, что въ странѣ существуютъ опасныя для спокойствія партіи и общества, то это вѣроятно нужно объяснить или страхомъ за будущее, или же злонамѣреннымъ преувеличеніемъ. По нашему мнѣнію о національныхъ партіяхъ едва ли можно говорить въ прямомъ смыслѣ слова. Говоря о партіяхъ, мы должны разумѣть подъ ними лишь отдѣльныя сословія, группы людей, среди которыхъ находятъ благодарную почву нѣкоторыя болѣе или менѣе ясно сознанныя представленія; въ этомъ смыслѣ мы могли бы усмотрѣть двѣ главныя партіи—именно: во-первыхъ, сословіе крестьянское и во-вторыхъ, народныхъ учителей, или вѣрнѣе—классы неинтеллигентный и интеллигентный, если только народныхъ учителей можно признать таковыми. Далѣе можно говорить только о желаніяхъ у той и другой партіи, да и то они столь разнообразны, противорѣчивы, неясны, что формулировать ихъ точно нѣтъ возможности. У крестьянскаго сословія напр., можно сказать, всѣ желанія группируются около аграрнаго переустройства и отношеній къ помѣщику. Второе по важности мѣсто занимаетъ вѣроисповѣдной вопросъ, по внутреннимъ причинамъ возникновенія довольно близкій къ первому. Что касается желаній и стремленій второго класса, то они

болѣе неопредѣленны. Выше было указано только общее недовольство этого класса своимъ положеніемъ и приведены нѣкоторыя опредѣленныя желанія его. Въ чемъ собственно состоятъ стремленія этого класса, какъ онъ думаетъ выйти изъ этого положенія, создать себѣ другое, это нигдѣ отчетливо не выражено. Достовѣрно извѣстно, это этотъ классъ распадается обыкновенно на два лагеря при избраніи предсѣдателя въ какомъ-либо обществѣ или комитетѣ. Причиной этого раздѣленія обыкновенно являются личности, становящіяся яблокомъ раздора. Мы укажемъ здѣсь только на академика и профессора Келера и пастора, Dr. philol. Гурта, изъ-за которыхъ въ послѣднее время вся эстонская интеллигенція раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи. Нѣсколько времени тому назадъ предводителемъ одной партіи считался покойный издатель эстонской газеты „Sakala“ Карлъ Якобсонъ, послѣ смерти котораго сторонники его примкнули къ Келеру. Вопросы, изъ-за которыхъ возникали раздѣленія, въ общей характеристикѣ совершенно неинтересны. Мы постараемся вникнуть во внутреннія причины этого раздѣленія. Прежде всего нужно сказать, что причины эти могутъ быть совершенно субъективны, т. е. интеллигенція и отчасти народъ могутъ приписывать своимъ руководителямъ не тѣ убѣжденія и стремленія, которыя присущи имъ на самомъ дѣлѣ. И въ данномъ случаѣ, дѣйствительно суть дѣла кроется именно въ предположенныхъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ руководителей, именно насколько они солидарны съ нѣмцами или враждебны имъ. Отсюда возникаетъ партія національная и партія нѣмецкая. Впрочемъ у приверженцовъ разныхъ партій, послѣднія получаютъ и соотвѣтственные эпитеты. Нѣмецкая партія называетъ другую антинаціональною, нигилистической, русской, а свою — національной; послѣдняя же напротивъ называетъ первую антинаціональною, консервативной, нѣмецкой. Отличительную черту этихъ двухъ партій составляетъ то, что во главѣ одной преобладали пасторы, а во второй—свободныя по профессіи лица. Нечего и говорить, что та и другая партія, по крайней мѣрѣ громадное большинство приверженцевъ ихъ, не имѣютъ сами сознательнаго представленія о стремленіяхъ. Большинство ихъ слѣпо повинуется агитаторамъ, такъ что

напр. при подачѣ голосовъ за то или другое лицо или за ту или другую мысль въ какомъ-либо обществѣ дѣлаютъ то, что имъ шепчутъ на ухо. Мы не будемъ входить здѣсь въ разсматриваніе разницы въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, съ цѣлью распутать дѣйствительныя тенденціи партій, напередъ будучи увѣрены, что этимъ путемъ намъ не удастся получить вѣрнаго понятія о нихъ. Мы постараемся сдѣлать это частью на основаніи нашего наблюденія, а частью—съ помощью достовѣрныхъ косвенныхъ свѣденій.

Тамъ, гдѣ лишь начинаютъ пробуждаться проблески національнаго самосознанія, гдѣ народъ дѣлаетъ первыя попытки перешагнуть ступень младенчества, необходимо должны рождаться и мечты самыя ребяческія, самыя фантастическія и сумасбродныя. Такъ и съ туземцами лифляндскими въ настоящее время. Вышедшіе изъ среды народа молодые люди съ высшимъ образованіемъ, потерявъ черезъ это родную почву, оторвавшись отъ всего родного, или сливаются съ господствующимъ классомъ, отвергая свою національность, или, какъ въ послѣднее время, будучи по образованію и воспитанію чужды родному народу и въ то же время чувствуя инстинктивную привязанность къ нему и антипатію къ господствующему классу, они не знаютъ, къ какой политической группѣ пристать, и неудивительно, если въ нѣкоторыхъ сумасбродныхъ головахъ зарождаются мысли и мечта о возвращеніи древняго (болѣе мнимаго) величія своего народа, желаніе образовать изъ западныхъ народовъ финскаго племени самостоятельный союзъ, вѣроятно въ древней до-тевтонской формѣ правленія. Можетъ быть подобныя сумасбродныя мечты поддерживаются свободной до нѣкоторой степени и благоденствующей Финляндіей. По крайней мѣрѣ попадаются въ эстонской литературѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ съ грустью обращаетъ взоръ по ту сторону залива къ сѣверу и жаждетъ образованія „финскаго моста". Само по себѣ зарожденіе подобныхъ мечтаній не поражало бы посторонняго наблюдателя, но странно то, что они могутъ возникнуть въ головѣ людей, прошедшихъ высшій курсъ современнаго образованія. Подобныя мечты, какъ всякіе фантастическіе образы, скоро уле-

тучатся, исчезнутъ, какъ скоро творецъ ихъ успѣетъ поглубже вникнуть въ жизнь народовъ. Но тѣмъ упорнѣе будетъ существовать болѣе зрѣлая и разумная мысль—существованіе народа какъ отдѣльной національности. Защитники этой мысли должны по справедливости именоваться патріотами, сплотившаяся группа ихъ—національной партіей. Такихъ патріотовъ въ настоящее время болѣе всего, и число ихъ быстро возрастаетъ, благодаря обостренію національнаго вопроса въ послѣднее время. Патріотическая партія мечтаетъ не о самостоятельномъ существованіи эстонскаго народа, какъ политической единицы, но работаетъ на пользу поднятія самосознанія народа, его умственнаго уровня, сохраненія всего духовнаго народнаго творчества и созданія самостоятельной литературы. Къ сожалѣнію они не владѣютъ для осуществленія своихъ стремленій ни достаточными духовными силами, ни матеріальными средствами, и поэтому все сдѣланное ими доселѣ представляетъ только жалкія попытки патріотизма. Кромѣ того, тернистый путь, на которомъ имъ приходится подвигаться впередъ, загороженъ столькими препятствіями со стороны балтійцевъ, нѣмцевъ, что значительная часть ихъ силъ безплодно тратится на преодолѣніе ихъ. Болѣе дальновидные изъ нихъ, которыхъ однако очень немного, приходятъ къ убѣжденію въ безполезности и тщетности ихъ стараній создать на національной почвѣ самостоятельную культуру, и одни изъ нихъ ищутъ спасенія въ нѣмецкой культурѣ, другіе—въ русской. Преобладающее количество первыхъ легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣмецкая культура успѣла уже пустить глубокіе корни, туземное юношество все безъ исключенія воспитано въ духѣ этой культуры, между тѣмъ какъ русская культура не только совершенно чужда имъ, но злонамѣренно изуродована въ балтійско-нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чувствуя инстинктивное нерасположеніе къ лифляндскимъ господамъ, а черезъ это и къ ихъ культурѣ, они въ то же время боятся подчиниться русской культурѣ, полагая что это подчиненіе поведетъ въ концѣ концовъ къ уничтоженію ихъ національности, къ окончательному обрусѣнію. Говоря о патріотической дѣятельности вообще, мы должны различать латышей отъ эстовъ. У первыхъ интеллигенція какъ въ

качественномъ такъ и въ количественномъ отношеніи опередила значительно эстовъ: національное самосознаніе и литература развиты у нихъ болѣе, они чувствуютъ поэтому себя гораздо сильнѣе въ борьбѣ за свое національное существованіе. До какого ребячества и сумасбродства доходятъ въ своихъ убѣжденіяхъ и затѣяхъ нѣкоторые эстонскіе патріоты показываютъ слѣдующіе очень характерные факты. Въ недавнее время въ Дерптѣ собрались однажды четыре такихъ патріота съ цѣлью выбора изъ своей среды диктатора (конечно не въ военномъ смыслѣ), голосу котораго обязаны были бы остальные безусловно подчиняться, такъ какъ, справедливо разсуждали они, при существованіи постоянной полемики и передрязговъ печатно и устно, дѣло національное не можетъ подвигаться впередъ. Однако почтенные вожаки народа, вырвавшись изъ многовѣковаго нѣмецкаго рабства, не утратили еще способности къ самодѣятельности, и каждому хотѣлось сдѣлаться диктаторомъ, вслѣдствіе чего собраніе разошлось ни съ чѣмъ. Другой фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о благоговѣніи и страхѣ, которые внѣдрились въ кровь туземца, предъ желѣзнымъ канцлеромъ: когда по дѣлу эстонской Александровской школы (эсты хотятъ основать высшее народное училище съ роднымъ преподавательскимъ языкомъ; для этого собранъ уже значительный капиталъ, но дѣло все еще не приходитъ къ осуществленію), выражаютъ мнѣніе, что при сопротивленіи членовъ-учредителей проекту правительственной программы въ ней, правительство можетъ отнять собранный для школы капиталъ и распорядиться имъ по своему, одинъ изъ патріотовъ возражаетъ такъ: „что скажетъ Европа“? другой: „Бисмаркъ не допуститъ“. Главнѣйшимъ мотивомъ въ дѣятельности подобныхъ господъ обыкновенно является мнѣніе нѣмцевъ: „что скажутъ нѣмцы“? вопрошаютъ они, когда дѣло идетъ о рѣшеніи того или другого вопроса.

Немаловажную роль играетъ православіе въ дѣлѣ раздѣленія партій, ибо признается большинствомъ, что отъ исповѣдуемой народомъ вѣры зависитъ и его національность. Всѣ они увѣрены въ томъ, что судьба національности будетъ обусловлена тѣмъ, перейдетъ ли народъ въ православіе или останется въ лютеран-

ствѣ, которое признается народнымъ, національнымъ исповѣданіемъ. Исчезнетъ лютеранство, исчезнетъ и національность, по ихъ убѣжденію. Это убѣжденіе опять-таки свидѣтельствуетъ или о недалекомъ умственномъ кругозорѣ скороспѣлыхъ патріотовъ, или объ ихъ крайнемъ пристрастіи къ лютеранству. Тѣмъ болѣе непонятно это убѣжденіе, что основаній для него нельзя найти ни въ исторіи, ни въ народномъ воззрѣніи на лютеранство, какъ на вѣру нѣмецкую, „господскую“, ни въ дѣйствительной жизни. Любопытно было бы знать мнѣніе такихъ господъ касательно національности народа, когда онъ исповѣдывалъ католичество. Непонятно, какимъ образомъ, оставляя нынѣ лютеранство также, какъ нѣкогда онъ оставилъ католичество, народъ вдругъ или въ недалекомъ будущемъ станетъ русскимъ. Скороспѣлые патріоты поэтому смотрятъ на всякаго православнаго, принимающаго участіе въ народномъ дѣлѣ, какъ на предателя, руссофила, и относятся къ нему съ недовѣріемъ, хотя бы онъ ни въ чемъ не проявлялъ своихъ мнимыхъ руссофильскихъ тенденцій. Поэтому при выборѣ православнаго въ число членовъ какой-либо смѣшанной группы или кружка, противъ него будетъ говорить его вѣроисповѣданіе, хотя бы въ остальномъ онъ былъ совершенно безупреченъ. Впрочемъ есть и такіе патріоты эстонскіе, которые не считаютъ и лютеранство національной религіей. Они хорошо понимаютъ недостатки лютеранства относительно простого народа—отсутствіе въ немъ воспитывающаго вліянія. Въ то же время они не могутъ одобрить всего и въ православіи. По ихъ мнѣнію ни то, ни другое исповѣданіе не соотвѣтствуютъ духу эстонскаго народа. Поэтому они желали бы образовать новое исповѣданіе, совокупивъ лучшія стороны лютеранства и православія. Группа такихъ людей сосредоточивается въ городѣ Дерптѣ центрѣ нѣмецкой интеллигенціи и культуры. Лица эти подготовляются къ своей миссіи усерднымъ посѣщеніемъ гернгутерскихъ собраній, чтобы выслѣдить на нихъ, что приходится по нраву эстонскаго народа. Эти реформаторы имѣютъ для себя прецеденты въ исторіи. Въ XVIII вѣкѣ въ средѣ лучшихъ лютеранскихъ пасторовъ, во главѣ Гупеля также образовалось направленіе, стремившееся приспособить лютеранство къ натурѣ эста,

сдѣлать его народнымъ исповѣданіемъ, именно гуманизирующимъ, воспитывающимъ. Такое вліяніе богослуженія они думали основать исключительно на проповѣди, которая состояла бы только изъ объясненій народныхъ пословицъ, сказокъ, загадокъ и т. п. Но направленіе это, какъ и слѣдовало ожидать, нашло много противниковъ и въ скоромъ времени исчезло. Нѣтъ сомнѣнія, что, воскресшее въ настоящее время, это направленіе, хотя въ другомъ видѣ нѣсколько, также исчезнетъ, не оставивъ за собою слѣда. И въ самомъ дѣлѣ, какъ слышно, у вожака реформаторовъ не хватаетъ увѣренности въ успѣхѣ задуманной реформы; онъ боится, что не найдетъ послѣдователей и, конечно, совершенно основательно.

Сознаніе о ненародности лифляндской кирки проникло и въ самое лютеранское духовенство: на эстляндскомъ провинціальномъ синодѣ 1886 года, пасторъ Мальмъ поднялъ вопросъ о народности въ проповѣди, и его предложеніе было передано синодомъ на обсужденіе двумъ лицамъ. Любопытно будетъ узнать, въ чемъ синодъ признаетъ народность въ проповѣди.

Гораздо яснѣе выступаютъ различныя направленія въ мѣстной туземной періодической печати. Года три назадъ печать дѣлилась на два лагеря вслѣдствіе разности во взглядахъ на соціальные и аграрные вопросы въ странѣ. Газеты, относившіяся враждебно къ балтійскимъ порядкамъ, довольствовались болѣе или общей ссылкой на русскіе порядки, которые имъ было желательно пересадить на почву Лифляндіи, или предлагали со своей стороны нѣкоторыя нововведенія. Тогда сочувственныя Россіи мнѣнія выступали какъ-то робко, нерѣшительно. Но когда послѣ этого намѣренія русскаго правительства стали осуществляться и въ дѣйствительности, то голоса въ пользу сближенія съ остальною Русью стали раздаваться смѣлѣе.

Первый, выступившій противъ мѣстныхъ порядковъ былъ покойный редакторъ „Sakala“, Карлъ Р. Якобсонъ. Послѣ его смерти органы мѣстной эстонской печати измельчали, хотя въ нихъ и слышится уже болѣе смѣлая рѣчь объ общественномъ объединеніи края съ Россіей. Со времени новѣйшаго движенія эстовъ въ православіе, то или другое отношеніе къ нему сдѣлалось главнымъ признакомъ раздѣленія печати на руссофильское, національное и

нѣмецкое направленія. Слабѣе всего первое направленіе, сильнѣе всего послѣднее. Первое направленіе имѣетъ врагами оба другія направленія: національное направленіе усматриваетъ въ немъ измѣну народу, нѣмецкому оно не нравится просто потому, что проповѣдуетъ сближеніе съ Россіей, а слѣдовательно, переустройство балтійскихъ средневѣковыхъ порядковъ. Вообще говоря, редакторы газетъ двухъ первыхъ направленій, будучи большею частью даже безъ средняго образованія, не имѣютъ ни ясно сознанныхъ представленій, ни опредѣленной политической программы, такъ что газеты сплошь и рядомъ бываютъ переполнены пустой полемикой, касающейся не столько существа общественныхъ вопросовъ, сколько личныхъ мнѣній и ихъ критики. Рѣшеніе же вопросовъ серьезныхъ не подъ силу имъ, а равно и дѣльное возраженіе на мнѣнія газетъ нѣмецкаго направленія. Не безъинтересны культурно-общественныя воззрѣнія, проводимыя въ періодической печати этого направленія: степень культуры умственной измѣряется у нихъ количествомъ экземпляровъ газетъ въ извѣстной мѣстности и существованіемъ или отсутствіемъ народной библіотеки для чтенія; съ удовольствіемъ помѣщаютъ они у себя корреспонденціи, въ которыхъ выражается радость о томъ, что въ данной мѣстности, благодареніе Богу, цивилизація поднялась высоко: читается столько-то и столько-то газетъ, что она быстрыми шагами идетъ впередъ, ибо де выписывается на столько-то болѣе противъ прежняго. Напротивъ, они съ великою грустью отзываются, конечно болѣе со словъ корреспондентовъ, въ какомъ глубокомъ невѣжествѣ погрязаютъ такія-то мѣстности: нѣтъ ни одного экземпляра газеты!

Другой признакъ цивилизаціи и прогресса, по ихъ мнѣнію: пѣвческія общества, представленія, концерты: обо всемъ этомъ немедленно, разумѣется, посылается корреспонденція въ газету съ похвалой иниціаторамъ и руководителямъ дѣла. Составленіе корреспонденцій въ газету вошло просто въ манію: всякій кто мало-мальски умѣетъ ставить каракули, считаетъ своимъ долгомъ сообщать въ редакцію всякія мелочныя, неимѣющія общаго интереса извѣстія. Хотя и попадаются между такими корреспонденціями извѣстія очень дѣльныя, писанныя почеркомъ руки, привыкшей держать соху и

вожжи, который потому съ трудомъ можно разобрать, но участь большинства ихъ въ макулатурѣ.

Не болѣе привлекательна и цѣнна эстонская непеQiодическая печать: она до очевидности ясно показываетъ духовное младенческое состоянiе народа, которому, какъ ребенку, нравятся сказки и героическiй эпосъ. Она изобилуетъ брошюрами, въ которыхъ изображаются похожденiя удальцевъ, подвиги разбойниковъ и грабителей. Да и эти разбойницкiя новеллы представляютъ большею частью переводъ съ иностранныхъ языковъ, чѣмъ въ часы досуга занимаются студенты дерптскаго университета, если не съ цѣлью наживы, то ради прiобрѣтенiя лишней копѣйки на столь обычные тамъ кутежи. Деморализацiя народа посредствомъ такой литературы обратила на себя въ послѣднее время вниманiе высшаго начальства, благодаря чему послѣдовало распоряженiе о запрещенiи пропускать въ печать подобныя произведенiя. Однако еще до этого распоряженiя народныя библiотеки наполнились почти исключительно произведенiями подобнаго рода и молодежь просто зачитывается ими. Что такая грязная пошлая литература повлiяла на деморализацiю молодежи, объ этомъ проникли вопли и въ перiодическую мѣстную, эстонскую и нѣмецкую печать: восклицанiя разбойниковъ въ новеллахъ сдѣлались лозунгомъ при совершенiи преступленiй; замѣчено также въ книжныхъ торговляхъ, что книги подобнаго содержанiя покупаются именно парнями, одинъ внѣшнiй видъ которыхъ выражаетъ уже ихъ преступную наклонность.

Перiодическая и непериодическая печать нѣмецкаго направленiя имѣетъ твердо и ясно намѣченную цѣль, опредѣленныя убѣжденiя и всевозможныя духовныя и матерiальныя средства для ихъ осуществленiя въ дѣйствительности. Газеты и листки этого направленiя не только съ умѣньемъ побиваютъ мнѣнiя, выраженныя въ газетахъ другихъ направленiй, но дѣлаютъ даже прогрессивное нападенiе на самое православiе и русскiе порядки. Послѣднее, разумѣется, дѣлается не прямо, а замаскированно, но такъ, чтобы простой народъ понялъ, что желали сказать. Не входя въ частные прiемы нападенiй, я укажу здѣсь на общее орудiе предотвращенiя народа отъ движенiя въ правосла-

віе и вообще домогательства нововведеній; оно состоитъ въ запугиваніи народа близостью кончины міра, страшнаго суда. Кромѣ листиковъ, распространяемыхъ въ народѣ съ цѣлью увѣренія народа въ этомъ, вышла даже довольно объемистая книга, подъ заглавіемъ: „Знаменія послѣдняго времени (Wümse aja märgid)“, составленная однимъ эстляндскимъ пасторомъ, гдѣ описываются признаки скораго пришествія антихриста и показывается, что многія изъ этихъ признаковъ уже на лицо. Здѣсь же дѣлается немало предосудительныхъ намековъ на Россію. Книга эта написана очень искусно, повидимому съ большимъ сочувствіемъ къ тяжелому экономическому положенію крестьянина, чѣмъ навѣрно располагаетъ послѣдняго слѣпо вѣрить всему написанному въ ней.

При всемъ томъ, кажется, національная и руссофильская печать въ глазахъ народа беретъ перевѣсъ надъ нѣмецкой; послѣднюю читаетъ лишь полуонѣмеченная часть эстонскаго населенія, да и послѣдняя пользуется такими газетами или даромъ, получая ихъ отъ господъ (помѣщиковъ, управляющихъ или пасторовъ), или выписываетъ ихъ по принужденію тѣхъ же господъ. Откуда и какъ получаются средства на подобныя изданія, это точно извѣстно вѣроятно немногимъ. Было время, 5—6 лѣтъ тому назадъ, когда простое крестьянство и народные учителя патріотическаго направленія, были крайне возбуждены противъ газетъ нѣмецкаго направленія, одна изъ которыхъ „Ревельскій Другъ (Tallina Sõber)“ подвергалась почти повсемѣстному посмѣянію и даже торжественному сожженію. Въ г. Ревелѣ для преданія NN ея огню наканунѣ Иванова дня въ 1880 году была устроена даже цѣлая процессія за городъ, на Лаксбергъ, причемъ одинъ несъ на спинѣ кипу номеровъ, обмазанную дегтемъ съ надписью Tõbras (скотина), а толпа дубинами подгоняла; на Лаксбергѣ кипа эта была поднята на шестъ и сожжена.

Не входя въ разбирательство того, на что шла сумма болѣе двухъ тысячъ рублей, обозначенная въ расходныхъ книгахъ лифляндской ландратской коллегіи подъ рубрикой „Pressangelegenheiten“, мы переходимъ къ изложенію содержанія одной рукописи, весьма распространенной въ народѣ. Она носитъ заглавіе: „вели-

кая эстонская битва на перьяхъ и ея конецъ". Насколько достовѣрно ея содержаніе, мы предоставляемъ судить болѣе свѣдущимъ людямъ. Часть переписанная въ 1873 году въ видѣ стихотворенія, по напѣву „получилъ я двѣ тысячи", начинается съ того, какъ въ 1870 году была помѣщена въ № 21 издававшейся въ Дерптѣ эстонской газеты „Eesti Postimees (Эстонскій Почтарь)" статья, которая взволновала „всѣхъ нашихъ святыхъ мужей, нѣмецкихъ пасторовъ, губителей нашей жизни". Хотя, говорится, снаружи они кажутся въ овечьей шкурѣ, но въ сердцѣ у нихъ „волчьи дѣянія". Хотя они и поютъ благочестиво, но все же они ищутъ зла. Собрался изъ нихъ совѣтъ (здѣсь перечисляются имена пасторовъ, участвовавшихъ въ совѣтѣ; всѣ они изъ Лифляндіи), на которомъ рѣшили выступить съ полемикой противъ упомянутаго выше К. Якобсона, однакожъ остались побѣжденными и осмѣянными. Они просили и молили также редактора газеты „Eesti Postimees" помочь имъ, но онъ, боясь лишиться читателей, не рѣшился писать за нихъ. Тогда на вторичномъ совѣтѣ лица, „сіяніе славы которыхъ исчезало", положили обратиться со смиренной просьбой къ дворянству за помощью. Посланный отъ пасторовъ депутатъ повелъ предъ рыцарями такую рѣчь: смилуйтесь, почтенные господа! исполните нашу дружелюбную просьбу! Вѣдь мы поживали рука объ руку въ великихъ почестяхъ, пока побуждаемый злымъ духомъ Якобсонъ не началъ подрывать наши древнія права и преодолѣвать насъ. Онъ какъ безумный взываетъ въ „Eesti Postimees'ѣ, стараясь сбить народъ съ пути покорности на путь возстанія. Скоро вы увидите, какъ изъ крестьянъ они дерзаютъ сдѣлать „эстонскій народъ", бунтующійся противъ васъ; тогда вашъ сотворенный рабъ укатитъ опять въ Петербургъ—искать правъ и закона и, чортъ знаетъ, какого русскаго добра. Какъ напр., уже введено волостное самоуправленіе—ваша пытка, такъ волей-неволей на вашу голову введутся новые суды, казенная аренда — адская бѣда. Поэтому, окажите помощь, иначе мы всѣ будемъ опозорены: лишь на спокойствіи народа зиждется ваше благополучіе". Услышавъ это, рыцари встали, поднявъ руки къ небу. Потомъ онъ повелъ рѣчь объ оказаніи матеріальнаго пособія

упомянутой газетѣ: „тогда мы съ каѳедры будемъ воспитывать такъ народъ, что вы можете получать высокую аренду, послушныхъ рабовъ, которыхъ держите строго“. Послѣ этого немедленно было собрано двѣ тысячи рублей, которые доставлены были по назначенію. Вторая половина рукописи, составленная (или переписанная?) 29 іюля 1871 г. начинается „чтеніемъ“ какъ бы изъ Апокалипсиса: здѣсь приводится рядъ видѣній, которыми сопровождалось чудесное полученіе посланія подъ семью печатями съ именами участвующихъ въ совѣтѣ лицъ. Между прочимъ къ автору во снѣ является въ бѣломъ одѣяніи человѣкъ, выдающій себя за Фельмана, собирателя эстонскаго эпоса, который побуждаетъ его выступить на защиту родного проданнаго народа. Въ концѣ посланія было еще приписано: „самостоятельность эстонскаго народа непремѣнно погибнетъ, если ему измѣняютъ лица, которыя должны бы быть его опорой“. Полученное такимъ образомъ посланіе (на персидскомъ языкѣ) авторъ переводитъ и отправляетъ къ редактору съ тѣмъ, чтобы онъ покаялся и началъ новую жизнь, ибо, говорится, „дѣла ваши стали явны“. Далѣе, представлено въ драматической стихотворной формѣ принятіе упомянутой газеты подъ покровительство лифляндскаго дворянства. Дѣйствующими лицами являются: г. Янзенъ, — покойный издатель газеты „Eesti Postimees“, ф. Самсонъ, — помѣщикъ въ Лиценѣ, ф. Валь, — собственникъ сигаверскаго имѣнія, и К. Якобсонъ, — преподаватель. Мѣсто дѣйствія—кабинетъ г. Янзена. Эта политико-историческая драма состоитъ изъ двухъ дѣйствій и четырехъ явленій, написана повидимому очень умнымъ человѣкомъ (не самимъ ли Якобсономъ?). Здѣсь редакторъ послѣ недолгихъ переговоровъ соглашается принять за печатную дѣятельность въ пользу германизаціи эстонскаго народа двѣ тысячи рублей и вдобавокъ еще на старости лѣтъ паекъ. Въ рукописи указано даже точно время заключенія контракта, 29 апрѣля 1871 года. Говорятъ, что половина этого контракта была напечатана въ финляндскихъ газетахъ; но правда ли это, или нѣтъ—мы не беремся утверждать.

Изъ всего вышесказаннаго читатель ясно видитъ, что въ странѣ происходятъ разныя духовныя теченія и борьба партій. Онъ замѣ-

чаетъ при этомъ отсутствіе одного какого-либо преобладающаго теченія и не видитъ, къ чему въ концѣ концовъ могутъ придти разнообразныя теченія. А главное, не можетъ не броситься въ глаза то обстоятельство, что соціальная жизнь въ странѣ расшатана во всѣхъ отношеніяхъ, конечно, среди крестьянства или вѣрнѣе подчиненной части населенія: не осталось, кажется, ничего, что бы привязывало къ себѣ сердца и интересы населенія, что служило бы предметомъ благоговѣнія и уваженія; даже послѣднее самое драгоцѣнное сокровище простонароднаго сердца и духа—религія потеряла въ глазахъ его всякое значеніе, обратилась въ пустую форму, рядъ привычекъ. Въ виду этого иной пожалуй подумаетъ, что состояніе Лифляндіи гораздо хуже Ирландіи, гдѣ по крайней мѣрѣ не порвались еще религіозныя узы. И съ нашей точки зрѣнія это справедливо. Но есть здѣсь большая разница, именно въ народномъ темпераментѣ и характерѣ. Дѣйствительно, выражаясь новѣйшимъ языкомъ, вся Лифляндія пропитана нигилизмомъ и духомъ революціонизма, но она далеко еще не представляетъ такихъ опасностей для внутренней культуры, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Если внутри страны нѣтъ сдерживающаго начала, то таковое мы находимъ внѣ предѣловъ Лифляндіи, именно въ Петербургѣ, гдѣ живетъ русскій царь. Не смотря на всѣ неправды, которыя приходилось и приходится испытывать простому народу, тѣмъ не менѣе народъ все-таки до сихъ поръ не потерялъ довѣрія къ царю и толкуетъ неблагопріятныя для него узаконенія въ томъ смыслѣ, что господа страны передѣлали ихъ, объявили народу не въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы царемъ. Но къ великому страху враги подкапываются и подъ эту послѣднюю опору всякаго порядка и спокойствія. Уже замѣтны симптомы утраты этой спасительной вѣры и надежды на Петербургъ, на русскаго царя. Господа почему-то хотятъ вкоренить въ народѣ увѣренность, что русскій царь ни болѣе ни менѣе какъ сторожъ балтійскихъ границъ. Цѣль этого утвержденія однакожъ не достигается вполнѣ, ибо народъ не питаетъ довѣрія къ словамъ господъ, особенно когда рѣчь идетъ объ его соціальномъ положеніи. Этимъ напротивъ господа лишь сами еще болѣе

лишаются довѣрія, а слова ихъ получаютъ въ глазахъ народа противоположный смыслъ. Для ихъ цѣли было бы лучше, еслибы они не проповѣдывали такихъ мыслей. Но то обстоятельство, что подобныя выраженія, не смотря на жалобы народа, остаются безнаказанными, въ самомъ дѣлѣ приводитъ простолюдина къ увѣренности во всемогуществѣ господъ. Послѣднее замѣтно особенно въ эстляндской губерніи; всемогущество мѣстнаго гакенрихтера чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. „Что можетъ сдѣлать русскій царь, пока надъ нами господствуютъ нѣмцы", приходится слышать здѣсь изъ устъ простолюдина. Итакъ, утраты, вѣры во власть еще не замѣчается. Вѣра во всемогущество господъ еще очень сильна, но за то слабѣетъ вѣра во всемогущество русскаго царя. Условіе для существованія порядка и спокойствія есть, но это условіе имѣетъ ту невыгодную сторону, что оно насильственно; вѣры въ правосудіе этой власти, этого могущества нѣтъ на лицо. При этомъ возможно только существованіе внѣшняго спокойствія, но спокойствіе душевное немыслимо, ибо существующій порядокъ признается основаннымъ не на правосудіи, а на беззаконіи. Пока господамъ страны удается поддерживать въ народѣ вѣру въ ихъ всемогущество, до тѣхъ поръ, конечно, нечего опасаться какихъ бы то ни было народныхъ волненій, бунтовъ, возстаній. Второе обстоятельство, ручающееся за сохраненіе внѣшняго спокойствія—это флегматическій темпераментъ народа, особенно эстовъ. Какъ вола трудно вывести изъ терпѣнія, такъ и эстонца. Онъ упоренъ, угрюмъ, неуклюжъ. Къ этому присоединяется еще, какъ наслѣдіе многовѣковаго рабства, утрата всякой энергіи, кровная инстинктивная рабская непокорливость. Трудно предвидѣть, когда къ народу опять возвратится прежній духъ свободы и независимости, разовьется національное самосознаніе и уваженіе къ себѣ и вѣра въ свои силы. Когда это совершится, то будетъ достаточное основаніе вѣрить въ возможность общенародной расправы съ существующимъ давно порядкомъ вещей, а пока этого нѣтъ, всѣ увѣренія въ этомъ будутъ лишь злонамѣреннымъ напугиваніемъ.

Для правильнаго пониманія дѣйствительнаго положенія вещей въ Лифляндіи мы должны обсудить еще одинъ вопросъ. Иногда

господа страны, когда это для нихъ выгодно, пытаются представить настроеніе народа въ странѣ самымъ спокойнымъ и самый народъ очень довольнымъ и благоденствующимъ, а временное мѣстное выраженіе недовольства приписывается ими исключительно внѣшней искусственной агитаціи. Это совершенно невѣрно. Такъ называемый балтійскій нигилизмъ, какъ онъ показанъ выше, есть чисто мѣстное порожденіе, ненавѣянное извнѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что существуютъ внутренніе агитаторы, но это ни болѣе ни менѣе какъ болѣе развитыя лица, живущія съ народомъ одною жизнью и лишь яснѣе сознающія нужды, потребности и положеніе народа и умѣющія выразить это на бумагѣ. Что рукописи агитаторскія встрѣчаютъ повсюду столь сильное сочувствіе, это опять таки свидѣтельствуетъ о подготовленности народа къ агитаторскимъ внушеніямъ. Чувствуется же всѣми ненормальное положеніе вещей.

Мы еще не со всѣхъ сторонъ охватили нашъ предметъ. Намъ осталось еще обсудить настроеніе народа и его руководителей въ отношеніи къ православію, уяснить смыслъ новѣйшаго движенія въ православіе и показать положеніе православія и его представителей въ краѣ.

Какъ уже выше было сказано, въ послѣднее время взгляды эстонской интеллигенціи на православіе измѣнились къ лучшему. Въ то время какъ прежде она относилась къ нему съ пренебреженіемъ, какъ къ низшей формѣ религіи, теперь начинаетъ сочувствовать ему во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ извѣстно совѣщаніе въ Дерптѣ редакторовъ эстонскихъ газетъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ по вопросу объ отношеніи періодической печати къ новѣйшему движенію въ православіе. Прежде всего одинъ изъ нихъ, высказавшій въ своей газетѣ мысль, что было бы лучше, если бы всѣ эсты приняли православіе, подвергся нападкамъ и порицанію за измѣну своему народу. Въ защиту его выступилъ православный учитель и сталъ доказывать несправедливость подобныхъ обвиненій, ссылаясь на то, что православіе въ краѣ не только не денаціонализируетъ эстовъ, а напротивъ, положило начало народному школьному образованію, доселѣ несуществовавшему. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ пришли къ заключенію, что періодическая печать должна относиться вполнѣ безпристрастно къ каждому вѣроисповѣданію и обѣщали такъ и писать. На самомъ дѣлѣ это, ко-

нечно, не исполняется, и однѣ газеты держатся двусмысленно, другія дѣлают сочувственные отзывы о православіи, третьи выражают прямо свою симпатію къ лютеранству. Не нужно забывать, что всѣ редакторы эстонскихъ газетъ—лютеране по вѣроисповѣданію. Лично нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ничего противъ православія; ихъ отталкиваютъ только нѣкоторые обряды при православномъ богослуженіи, которые будто бы напоминаютъ имъ язычество. Положеніе тѣхъ редакторовъ, которые сочувствуютъ народнымъ стремленіямъ и относятся враждебно къ мѣстнымъ нѣмецкимъ порядкамъ, при удовлетвореніи религіозныхъ потребностей, довольно странное: имъ, бѣднымъ, приходится обивать пороги у нѣсколькихъ пасторовъ, пока найдутъ такого, который согласился бы принять ихъ на причастіе или пріѣхать окрестить ребенка, который, конечно, ни въ чемъ неповиненъ предъ киркой, но на которомъ мстятся грѣхи отца. Этимъ суровымъ средствомъ, напоминающимъ времена инквизиціи, когда католическая церковь карала за политическія убѣжденія, и несвойственнымъ лютеранству, пасторы думаютъ, вѣроятно, боратить на путь истины непокорныхъ киркѣ редакторовъ. Если послѣ долгаго увѣщанія кающійся въ грѣхахъ редакторъ все-таки не соглашается осудить или оставить свои политическія убѣжденія, то пасторъ не рѣшается удостоить бѣднаго грѣшника общенія съ киркой; но коль скоро этотъ грѣшникъ грозитъ въ такомъ случаѣ поискать утѣшенія въ лонѣ другой церкви (т. е. православной), то покаяніе его считается дѣйствительнымъ, и онъ удостоивается св. причастія. Поступая такъ со своими противниками, пасторы ненамѣренно своей дисциплиной сами создаютъ враговъ лютеранства. Младо-эсты и младо-латыши (такъ называются нѣмцами мѣстные патріоты) составляютъ для нихъ предметъ особеннаго страха и презрѣнія: въ ихъ глазахъ всякій младо-эстъ и младо-латышъ—нигилистъ и соціалистъ. Само собою разумѣется, что послѣдніе, зная взглядъ пасторовъ на нихъ и церковную дисциплину лютеранскаго духовенства для политическихъ грѣшниковъ, разрываютъ всякое общеніе съ пасторомъ, киркой, и съ теченіемъ времени дѣлаются врагами всякой религіи.

Представители православнаго духовенства стоятъ у пасторовъ

на одной доскѣ съ младо-эстами и младо-латышами. Это, по ихъ мнѣнію, тѣ же нигилисты, соціалисты; чѣмъ болѣе народъ уважаетъ кого-либо изъ нихъ, тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ это названіе. Съ своей точки зрѣнія они и правы. Вѣдь не можетъ же православное духовенство стоять за существованіе балтійской обособленности съ унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ формами общественной жизни. Равнымъ образомъ не можетъ оно одобрить и балтійское лютеранство, соединенное для народа съ тяжелымъ матеріальнымъ и физическимъ бременемъ. Православный священникъ является врагомъ для пастора прежде всего потому, что онъ отбилъ у него вмѣстѣ съ прихожанами часть доходовъ и разныхъ повинностей. Экономическій убытокъ, нанесенный священникомъ пастору, есть самый чувствительный ударъ для послѣдняго.

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе духовнаго свойства основанія нигилистическаго взгляда пасторовъ на православнаго священника: послѣдній въ большинствѣ случаевъ умѣетъ снискать къ себѣ уваженіе народа даже лютеранскаго. Онъ обходится съ нимъ просто, какъ съ духовнымъ чадомъ, даетъ ему всевозможные совѣты, особенно касательно общественныхъ дѣлъ, по поводу которыхъ крестьяне обращаются только къ священнику, ибо пасторъ въ ихъ глазахъ тотъ же помѣщикъ. Такъ какъ подобныхъ дѣлъ, требующихъ посторонняго совѣта не заинтересованнаго образованнаго человѣка, у крестьянина больше всего, то понятно, что обращеніе къ священнику бываетъ очень часто. Народъ почему-то имѣетъ увѣренность, что русскій священникъ всегда можетъ оказать великую помощь въ дѣлахъ общественныхъ, что его письма доходятъ далеко, что при помощи его можно довести судебные процессы до самыхъ высшихъ инстанцій. Оттого народъ обращается обыкновенно къ нимъ съ просьбой написать прошеніе. Такое отношеніе даже лютеранскаго населенія къ православному священнику стало замѣтно особенно въ послѣдніе годы, когда народъ вполнѣ понялъ, что православное духовенство сочувствуетъ его стремленіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, незнакомому съ соціальнымъ положеніемъ лифляндскаго духовенства дальнѣйшія свѣденія покажутся по меньшей мѣрѣ странными. Пусть онъ приметъ въ соображеніе, что въ Лифляндіи

религія всегда была соединена съ политикой, особенно въ древнія времена. И само лютеранство, по своему принципу не долженствующее имѣть ничего общаго съ недуховными потребностями народа, въ дѣйствительности почти исключительно являлось религіей политико-матеріалистической, неразрывной съ физическимъ и духовнымъ рабствомъ крестьянскаго класса у господствующаго класса— дворянства.

Между тѣмъ какъ православію, по его историческому развитію и соприкосновенности съ общиннымъ началомъ, не свойственно подобное общественное раздѣленіе лицъ, исповѣдующихъ его, и оно никогда не посягало на національныя особенности какого-либо народа, а напротивъ позволяло имъ безпрепятственно развиваться. Коренные жители Прибалтійскаго края ни въ древности, ни въ новѣйшее время ничего не теряли изъ своей самобытности, перешедши въ православіе: произведенія ихъ духовнаго творчества, саги, пѣсни, сказки и т. п. оставались неприкосновенными. Православіе никогда намѣренно не денаціонализировало финскіе народы, не дѣйствовало наступательно въ духѣ руссификаціи. Послѣдняя совершалась скорѣе естественнымъ порядкомъ, благодаря тѣсной общественной близости ихъ съ русскими. Можно сказать, не боясь впасть въ заблужденіе, что и въ Лифляндіи православное духовенство, древнее и новѣйшее, всегда жило одною жизнію съ народомъ, удовлетворяя его духовныя нужды, оно въ то же время не оставалось безучастнымъ къ его общественнымъ потребностямъ, не шедшимъ въ разрѣзъ съ религіей. Это сказано къ тому, чтобы оправдать въ глазахъ русскаго читателя столь близкое соучастіе лифляндскаго православнаго духовенства въ мѣстныхъ народныхъ стремленіяхъ, насколько послѣднія не противорѣчили ни государственнымъ установленіямъ, ни религіи. Въ Лифляндіи никого не удивляетъ, что православные священники бываютъ предсѣдателями земледѣльческихъ обществъ, произносятъ тамъ рѣчи о разныхъ предметахъ агрикультуры, даютъ крестьянамъ совѣты по части земледѣльчества и т. п., а равно предсѣдательствуютъ въ обществѣ мореходства и ѣздятъ ходатайствовать по дѣламъ общества. Менѣе предосудительнымъ должно казаться иноземцу, что они

занимаютъ такое же почетное мѣсто въ разныхъ комитетахъ, напр., по дѣлу эстонскаго Александровскаго училища; записываются членами литературныхъ обществъ и исполняютъ обязанности, возлагаемыя на нихъ обществомъ, напр., разсматриваютъ изданія общества; при посѣщеніи Высочайшихъ Особъ являются предъ ними толковниками народныхъ желаній и т. п. Такія почести оказываются представителямъ православія со стороны лютеранскаго населенія не изъ политическихъ видовъ, а только потому, что они принимаютъ близко къ сердцу интересы народа. Любопытны бываютъ иногда столкновенія двухъ преобладающихъ исповѣданій въ краѣ при освященіи какихъ-либо общественныхъ зданій (волостного правленія, помѣщенія извѣстнаго общества, корабля и т. п.), когда въ виду смѣшаннаго вѣроисповѣданія участниковъ предпріятія бываютъ приглашаемы и оба представителя—священникъ и пасторъ. Здѣсь имъ приходится по очереди совершать освященіе; обыкновенно, вслѣдствіе преобладающаго количества лютеранъ, пасторъ исполняетъ свой обрядъ раньше и сопровождаетъ его непремѣнно рѣчью. Оказывается, что въ такихъ случаяхъ пасторы вмѣсто того, чтобы ограничиться чистымъ объясненіемъ Слова Божія и призывать благословеніе Божіе на предпріятіе, пускаются въ политику, упрекая присутствующихъ въ національныхъ стремленіяхъ, намѣреніи подрывать кирку и лютеранство, грозя проклятіемъ Божіимъ на начатое дѣло, если оно окажется въ какой-либо связи съ младо-эстскими (младо-латышскими) тенденціями. Православный же священникъ, которому приходится совершать свой обрядъ послѣ, большею частью довольствуется лишь объясненіемъ подходящаго къ данному случаю мѣста Слова Божія и иногда возражаетъ на рѣчь пастора. А возражать бываетъ на что. Нѣкоторые мѣстные пасторы понимаютъ христіанскія заповѣди довольно своеобразно, въ духѣ ветхозавѣтномъ, болѣе, конечно, соотвѣтствующемъ видамъ господствующаго класса въ краѣ. Такъ, напр., пасторъ Іоанновской кирки въ Г, г. К. весною 1886 года, объясняя конфирмантамъ шестую заповѣдь, между прочимъ, указалъ на то, что въ послѣднее время законы относительно преступленій вообще очень смягчились. „Правило, говорилъ онъ, должно

быть таково, какъ у израильтянъ: каждому нужно воздавать за дѣла его тѣмъ же: если, напр., кто кого-нибудь убилъ, то долженъ быть самъ убитъ. Богъ накажетъ всѣхъ тѣхъ, которые смягчаютъ законы и позволяютъ народу выйти изъ повиновенія, какъ онъ наказалъ"... Тутъ рѣчь пастора приняла рѣзко-политическую форму.

Кто хочетъ правильно понять указанное выше общественное отношеніе лютеранъ къ православному духовенству, тотъ опять также долженъ принять во вниманіе своеобразный характеръ религіознаго сознанія въ краѣ. Не потому приглашаются православные священники принимать столь дѣятельное и важное участіе въ общенародныхъ предпріятіяхъ, что они православные или даже, что они находятся въ такомъ санѣ, но потому, что они лично обладаютъ опредѣленными нравящимися народу качествами. Въ Лифляндіи въ глазахъ народа уваженіемъ пользуется пасторъ, не какъ пасторъ, и священникъ, не какъ священникъ, а какъ извѣстная личность: все зависитъ здѣсь отъ личныхъ качествъ. Впрочемъ обращеніе къ священнику не всегда можно толковать въ смыслѣ уваженія къ нему со стороны народа; нерѣдко къ нему обращаются потому, что болѣе не къ кому обратиться. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что къ священникамъ обращаются по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Когда тѣ отправляютъ ихъ за совѣтомъ къ ихъ же пасторамъ или освѣдомляются о причинѣ необращенія къ нимъ, то обыкновенно получаютъ въ отвѣтъ, что они—тѣ же господа, помѣщики. Чтобы вѣрнѣе можно было надѣяться на то, что священникъ выслушаетъ его, крестьянинъ обыкновенно заводитъ рѣчь о дѣлахъ религіозныхъ и затѣмъ уже переходитъ къ лежащему у него на душѣ дѣлу, ради котораго онъ явился къ священнику. При отсутствіи въ краѣ у народа другихъ заступниковъ и ходатаевъ, очень понятно, что любезное обращеніе съ посѣтителями становится невыносимымъ бременемъ для священника: онъ никогда не находитъ покоя отъ нихъ; крестьяне при всякомъ удобномъ случаѣ заходятъ къ нему иногда просто для того только, чтобы побесѣдовать. Расположить къ себѣ народъ—значитъ въ Лифляндіи расположить его къ вѣроисповѣданію. Въ этомъ отношеніи личныя достоинства православнаго духовенства могутъ оказать здѣсь великую услугу пра-

вославію; они являются средствомъ расположенія къ православію, а отсюда и къ принятію его. Эта практическая истина подтверждается и выясняется во время новѣйшаго движенія въ православіе: замѣчено, что съ перемѣной личностей священниковъ перемѣнялось и отношеніе народа къ православію. И пасторы уразумѣли эту истину въ послѣднее время, перемѣнивъ свой заносчивый и грубый тонъ обращенія на любезный, ласковый, и даже разъѣзжая по деревнямъ въ захолустьяхъ и заходя въ крестьянскія избы побесѣдовать съ народомъ, чего прежде никогда не бывало. Это, повидимому, уже послѣднее средство удержать народъ въ лонѣ кирки, ибо къ нему они находятъ себя вынужденными прибѣгнуть только тогда, когда прихожане готовятся перейти въ православіе и, разумѣется, ревность ихъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ увѣнчивается успѣхомъ.

Нельзя сказать, чтобы жалобы на непостоянство религіознаго сознанія у лифляндскихъ туземцевъ не были справедливы. Эта черта находитъ свое объясненіе въ самой исторіи туземцевъ и едвали можно ее приписывать народному характеру. Судя по той отчаянной борьбѣ, которую вели туземцы (народности финскаго племени) въ XIII вѣкѣ съ орденомъ Меченосцевъ, нужно думать, что во времена язычества они болѣе были привязаны къ своимъ богамъ и вѣрованіямъ, чѣмъ во времена христіанства—къ христіанской церкви. Нѣтъ примѣра въ послѣдующей исторіи края, который свидѣтельствовалъ бы объ ихъ преданности вѣрѣ. Если въ настоящее время вы замѣчаете въ туземцахъ привязанность къ киркѣ, то это болѣе вслѣдствіе привычки къ наслѣдію отцовъ. Что здѣсь привычка играетъ большую роль, это вы можете наблюдать при переходѣ въ православіе. Тяжелѣе всего разстаться съ унаслѣдованными формами религіозной жизни бываетъ старцамъ; оттого вы встрѣтите сравнительно незначительный процентъ новообращенныхъ изъ пожилыхъ людей: напротивъ, болѣе всего вы найдете въ числѣ ихъ людей юношескаго и зрѣлаго возрастовъ. Если бы дѣло шло о перемѣнѣ вѣрованій, которыя перешли въ убѣжденіе, просто только потому, что они не нравятся, то лифляндскія движенія въ православіе рекомендовали бы туземцевъ съ довольно невыгодной стороны, а также, если-бы перемѣна

эта совершалась только ради мірскихъ выгодъ, то они заслуживали бы болѣе сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія. Но когда человѣкъ развязывается съ унаслѣдованными отъ отцовъ религіозными привычками или съ вѣрованіями, которыя не перешли ему въ плоть и кровь, не образуютъ части его національнаго характера, какъ это у лифляндскихъ туземцевъ, то громкіе вопли господъ страны о продажѣ совѣсти и мнимыхъ совращеніяхъ, агитаторствѣ, о стѣсненіи свободы совѣсти и т. п. лишены всякаго реальнаго основанія въ исторіи и въ дѣйствительности. Собственно говоря, совѣсть и религія играютъ здѣсь второстепенную роль; на первомъ планѣ личности, физическое и нравственное зло, это реальные отталкивающіе импульсы. Задерживающіе мотивы: привычка къ старому, флегматическій темпераментъ, страхъ предъ результатами перехода, неопредѣленность и неизвѣстность въ будущемъ, какъ относительно новыхъ религіозныхъ привычекъ, такъ и новаго соціальнаго положенія. Притягивающіе (болѣе идеальнаго свойства) мотивы: гуманность обращенія, отсутствіе корыстолюбія, чистое слово Божіе, обрядность. Эти лаконическія выраженія требуютъ объясненія. Первый мотивъ—гуманность—понятенъ уже изъ вышесказаннаго; у православнаго духовенства нѣтъ никакихъ поводовъ и основаній относиться высокомѣрно къ крестьянамъ, и крестьянъ тѣмъ болѣе поражаетъ ихъ простота и доброжелательство, что послѣднихъ качествъ они мало встрѣчали въ представителяхъ лютеранства. Вторая черта—отсутствіе корыстолюбія—представляетъ едва ли не главный мотивъ расположенія къ православному духовенству именно потому, что представляетъ діаметральную противоположность съ лютеранскимъ духовенствомъ. Будучи достаточно обезпечены правительствомъ (священникъ получаетъ въ годъ 1,200 руб. псаломщикъ по 300 и 250 руб.), лифляндское духовенство не имѣетъ нужды прибѣгать къ вымогательству, хотя и не отказывается отъ добровольныхъ пожертвованій, которыя, кстати сказать, бываютъ въ краѣ крайне скудны, причина чего кроется въ бѣдности и бережливости населенія—свойства, вѣроятно, не унаслѣдованныя отъ праотцевъ, а развившіяся въ рабствѣ. Чистое слово Божіе въ православной церкви также составляетъ нѣкоторый контрастъ съ бого-

служеніемъ или, вѣрнѣе, проповѣдью въ киркѣ. Уже самое православное богослуженіе, дѣйствуя болѣе на чувство человѣка назидательно, въ то же время даетъ гораздо болѣе для разсудка и вѣры; по содержанію оно далеко превосходитъ лютеранское богослуженіе, даетъ болѣе пищи для чувства и ума простолюдина и образованнаго человѣка. Впрочемъ есть въ православномъ богослуженіи нѣкоторыя мѣста, вызывающія недоразумѣніе у лютеранъ, напр., эктенія оглашенныхъ. Въ западной Эстляндіи, гдѣ въ настоящее время идетъ движеніе въ православіе, лютеране, присутствующіе при православномъ богослуженіи, съ неудовольствіемъ выражаются, что ихъ выгоняютъ изъ церкви. Если же говорить о проповѣди православной сравнительно съ проповѣдями балтійскихъ пасторовъ, то въ большинствѣ случаевъ первая ограничивается лишь только прямымъ объясненіемъ смысла евангелія, тогда какъ въ киркѣ евангеліе прочитывается большею частью какъ будто для того, чтобы оно служило въ глазахъ народа нѣкоторой санкціей слѣдующей за нимъ рѣчи пастора. Я намѣренно сказалъ: въ большинствѣ случаевъ, ибо, къ сожалѣнію, въ новѣйшее время духъ полемической проповѣди овладѣлъ нѣкоторыми священниками, которые едва ли уступаютъ пасторамъ въ рѣзкости выходокъ противъ враждебнаго вѣроисповѣданія. Подъ вліяніемъ и вызовомъ пасторовъ и православные храмы по мѣстамъ сдѣлались зрѣлищемъ неприличныхъ поруганій, нареканій, поношеній; напр., одинъ православный священникъ рьяно проповѣдывалъ, что у Лютера было семь женъ. Взаимной полемикѣ много содѣйствуетъ близость церкви и кирки, такъ что священникъ и пасторъ черезъ своихъ шпіоновъ легко узнаютъ, о чемъ кто произнесъ проповѣдь; такимъ образомъ они подаютъ другъ другу матеріалъ для проповѣди въ слѣдующее воскресенье. Я не могу понять и объяснить лишь слѣпымъ увлеченіемъ то, какъ священники не могутъ уразумѣть, сколь невыгодно отражается на религіозной жизни прихожанъ подобная полемика. Этимъ ужъ никакъ нельзя достигнуть утвержденія въ вѣрѣ, а напротивъ охлажденія и равнодушія къ ней. Равнымъ образомъ не возбуждается ею и взаимная ненависть и презрѣніе между православными и лютеранами; этого можно было достигнуть только во времена особеннаго

религіознаго возбужденія и общаго интереса къ религіознымъ вопросамъ, чего никогда не было и вѣроятно не будетъ въ Лифляндіи. Мнѣ кажется также, что на православныхъ эта полемика отзывается хуже, ибо въ интеллектуальномъ отношеніи пасторы несомнѣнно стоятъ выше православныхъ священниковъ и умѣютъ искуснѣе ихъ полемизировать. Поэтому епархіальному начальству слѣдовало бы обратить новое вниманіе на это, развивающееся въ нѣдрахъ православія, зло и принять мѣры къ уменьшенію его. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ въ защиту богослуженія исключительно на туземныхъ языкахъ, которое иными признается какъ переходная временная необходимость, или, что еще хуже, разсматривается въ смѣшеніи съ русскимъ языкомъ, какъ орудіе полнаго слитія туземцевъ съ русскими. Не желая прозирать въ отдаленное будущее этого вопроса, мы скажемъ здѣсь нѣкоторыя серьезныя основанія, по меньшей мѣрѣ, неполитичности подобнаго рода притязаній. Намъ извѣстны примѣры, гдѣ врагамъ удавалось уговорить крестьянъ отъ перехода въ православіе подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ у нихъ будетъ богослуженіе на русскомъ языкѣ, изъ котораго они ничего не поймутъ. Въ виду этого крайне неполитично было бы въ настоящее время примѣшивать славянскій языкъ къ туземному при богослуженіи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые священники русскаго происхожденія. Если во времена перваго движенія чтеніе молитвъ или произнесеніе эктеній на славянскомъ языкѣ было извинительно, то въ послѣднее время это не можетъ быть оправдываемо ни незнаніемъ, ни близорукими политическими соображеніями. Православные туземцы унаслѣдовали отъ лютеранства привычку относиться разумно къ богослуженію, слышать все на родномъ языкѣ. Лишь обрядность православная можетъ замѣнить для нихъ таинственность богослуженія въ глазахъ русскаго простолюдина—черта, которая невольно возбуждаетъ благоговѣніе. Въ отношеніи понятности богослуженія православію въ краѣ необходимо конкуррировать съ лютеранствомъ. Уже безъ того туземные патріоты кричатъ о руссификаціи края черезъ православіе. Давать имъ въ руки орудіе значило-бы возбудить въ туземцахъ нерасположеніе къ православію. Балтійскіе культуртрегеры свято охраняютъ въ сельскихъ киркахъ прин-

ципъ, что богослуженіе и религіозное обученіе должно быть на родномъ языкѣ; сельская кирка пока остается для нихъ хранилищемъ туземныхъ языковъ, но за то городскія кирки искусно приспособлены къ германизаціи туземцевъ, ибо богослуженіе въ нихъ совершается уже на двухъ языкахъ—на туземномъ и нѣмецкомъ, и притомъ последнему по времени отдается первенствующее мѣсто; въ нихъ введенъ нѣмецкій языкъ не потому, что городскіе жители забыли свой родной языкъ, а лишь съ тою цѣлью, чтобы приманить воображающихъ себя нѣмцами и стыдящихся именоваться презрѣннымъ именемъ латыша или эстонца на нѣмецкое богослуженіе. Богослуженіе на туземномъ языкѣ, назначаемое обыкновенно въ послѣобѣденное время, посѣщается мало, да и то самыми простыми и бѣдными людьми. Руссификаторамъ осталось бы только брать примѣръ съ нѣмцевъ вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мѣрамъ не только не приводящимъ къ руссификаціи, а напротивъ отталкивающимъ туземцевъ въ объятія нѣмцевъ. Уже теперь защитники лютеранства съ гордостію могутъ указать на тѣ услуги, которыя они оказали развитію туземныхъ языковъ и литературы. Какая масса существуетъ всякихъ религіозно—назидательныхъ и богослужебныхъ изданій на туземныхъ языкахъ, благодаря трудамъ пасторовъ! По справедливости можно сказать, что литературой туземцы обязаны лютеранству. Начало новому развитію туземной культуры было положено еще во времена шведскаго владычества, когда по настоянію шведскаго правительства учреждены были, вопреки волѣ лифляндскихъ господъ, школы для приготовленія изъ туземцевъ пасторовъ, переведена Библія и нѣкоторыя богослужебныя книги на туземные языки. Между тѣмъ, какая скудость книжекъ богослужебныхъ и назидательныхъ въ православномъ духѣ на туземныхъ языкахъ! Православіе годъ отъ году растетъ, а средства просвѣщенія, которыми располагаетъ православная церковь, остаются тѣже. Миссіонеры, присоединяющіе народъ къ православію, могутъ раздавать только ограниченное количество молитвенниковъ и руководствъ къ православной вѣрѣ. Въ Лифляндіи православная церковь должна удовлетворять не только потребности чувства, но и воспитывать умственно, просвѣщать образованіемъ.

Однако защитники лютеранства пусть не превозносятся культурными заслугами его. Значительною долею нынѣшняго образованія лютеранское населеніе обязано православной школѣ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ любопытныхъ статистическихъ данныхъ касательно процентнаго отношенія между числомъ православныхъ и лютеранъ въ православной школѣ. Здѣсь скажемъ только, что во многихъ школахъ численно православные превосходятъ лютеранъ. Такимъ образомъ православная школа даетъ образованіе лютеранскому населенію едва ли не въ равной степени въ численномъ отношеніи съ православными. Впрочемъ происходитъ это противъ воли ревнивыхъ пасторовъ, въ рукахъ которыхъ до послѣдняго времени находилось все школьное образованіе. Они противъ посѣщенія православныхъ школъ дѣтьми лютеранскаго исповѣданія; съ нихъ нерѣдко взимается штрафъ за это, какъ бы съ непосѣщающихъ никакой школы. Они опасаются, что черезъ это молодое поколѣніе охладѣетъ къ лютеранству и почувствуетъ симпатію къ православію, чего на самомъ дѣлѣ однако не бываетъ. Православная школа, повидимому, и безсильна руссифицировать и чужда неблаговидной пропагадны, присущей школѣ лютеранской. На непризванныхъ и скороспѣлыхъ туземныхъ патріотовъ нашла какая-то духовная слѣпота: они склонны видѣть и дѣйствительно видятъ опасность руссификаціи отъ православія, православныхъ школъ и даже отъ перехода школъ лютеранскихъ въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія. Но простой народъ лютеранскаго исповѣданія, не будучи предубѣжденъ противъ русскаго правительства и православной школы, издавна отдавалъ и продолжаетъ отдавать своихъ дѣтей въ православныя школы, преимущественно ради изученія русскаго языка, и съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда школы будутъ избавлены изъ подъ ферулы пасторской.

Здѣсь считаю не лишнимъ поговорить и объ учителяхъ православныхъ школъ. Для подготовленія ихъ существуютъ двѣ семинаріи: старая, бывшая прежде въ г. Ригѣ, а въ 1885 году переведенная въ Гольдингенъ, курляндской губерніи, и новая въ г. Дерптѣ. У лютеранъ такихъ семинарій больше, но соотвѣтственно количеству лютеранскаго населенія ихъ должно быть болѣе

сравнительно съ двумя православными. Сравнивая учителей лютеранскихъ и православныхъ, мы должны сказать, что послѣдніе по общему развитію и педагогической подготовленности значительно превосходятъ первыхъ. Въ то время какъ въ лютеранскихъ семинаріяхъ все вниманіе обращено на вдалбливаніе священной исторіи, Катихизиса и Библіи, а также на способность говорить рѣчи и умѣть пѣть—цѣли, имѣющія въ виду лютеранскую пропаганду или, говоря ближе, приспособленіе къ религіознымъ потребностямъ народа; у православныхъ, имѣющихъ въ виду не пропаганду, а лишь общее развитіе и педагогическія цѣли, главное вниманіе обращено на науки, и предметы духовные и свѣтскіе занимаютъ у нихъ равнозначущее мѣсто. Поэтому православные учителя, хотя и уступаютъ лютеранскимъ въ познаніяхъ религіозныхъ и въ умѣньи пѣть и играть на органѣ и другихъ инструментахъ (пѣніе и музыка—суть несомнѣнныя преимущества, выдвигающія лютеранскихъ учителей въ глазахъ всего народа), но за то они болѣе соотвѣтствуютъ новѣйшимъ потребностямъ, пробудившимся въ народѣ, именно потребности общаго образованія. Они снискали къ себѣ уваженіе и любовь народа, благодаря тому, что принимаютъ живое участіе въ разныхъ обществахъ, литературныхъ, земледѣльческихъ, пѣвческихъ и увеселительныхъ. Разумѣется, въ глазахъ господъ страны такое ихъ поведеніе явно обличаетъ въ нихъ нигилистовъ и соціалистовъ еще въ большей степени, чѣмъ православнаго священника. По своему направленію замѣчается странное явленіе при сравненіи православнаго и лютеранскаго школьмейстера. Нужно было бы повидимому ожидать, что послѣдній будетъ болѣе религіозенъ, но въ дѣйствительности оказывается противное. Вѣроятно и личность пастора и односторонность школьнаго обученія развиваютъ въ лютеранскомъ учителѣ равнодушіе къ религіи или даже невѣріе. Между тѣмъ православные учителя, получивъ болѣе серьезное образованіе, въ общемъ относятся съ уваженіемъ къ религіи и суть люди вѣрующіе. При общемъ упадкѣ въ народѣ вѣры, преимущество лютеранскихъ школьмейстеровъ—умѣнье пѣть и играть на различныхъ инструментахъ, теряетъ свое значеніе и поэтому авторитетъ ихъ падаетъ въ глазахъ народа. Будучи большею частію,

и именно сельскія учителя, тѣми же крестьянами (они обрабатывают сами землю), они не могутъ внушить къ себѣ такого же уваженія и довѣрія, которымъ пользуется православный учитель, не занятый черною работою. Если противники перехода сельскихъ лютеранскихъ школъ подъ министерство народнаго просвѣщенія пророчатъ, что это поведетъ лишь къ развращенію молодого поколѣнія и развитію въ немъ невѣрія и нигилизма, то намъ дѣло представляется какъ разъ наоборотъ. Именно можно скорѣе надѣяться, что правительственныя школы, гдѣ учителями будутъ окончившіе курсъ въ правительственныхъ семинаріяхъ, призваны оказать не малую услугу въ дѣлѣ возрожденія религіознаго сознанія туземцевъ, расшатаннаго пасторской школой и политикой. Однако отъ нормальной школы не все зависитъ. Требуется, чтобы и въ религіозномъ отношеніи туземцы были поставлены въ иныя условія. До тѣръ поръ, пока они остаются въ лонѣ кирки, нельзя ожидать не только роста религіознаго убѣжденія, но даже сохраненія его на настоящей ступени. Что въ данномъ случаѣ должно разумѣть подъ новыми условіями, трудно точно опредѣлить. Нѣкоторыя данныя для этого мы можемъ найти въ исторіи и народномъ характерѣ. Для этого мы должны отыскать причины религіозныхъ движеній и разслѣдовать, какая форма религіи болѣе всего держалась, подходила къ народному характеру. Однако послушаемъ сперва мнѣнія объ этомъ балтійскаго публициста Бинемана. Онъ говоритъ (см. Balt. Monatsschr. B. XXXIII, H. I, p. 52): „чрезвычайно характеристичную черту нашего туземнаго населенія—эстовъ и латышей составляетъ то, что у нихъ обнаруживается стремленіе промѣнять принадлежащее имъ по рожденію исповѣданіе на другое,—это одна изъ формъ, въ которыхъ выступаетъ у нихъ очень живо желаніе новизны, перемѣны. Напр., очень рѣзкая наклонность къ сектантству издавна отличала именно эстонскій народъ; сектантамъ сумасбродамъ всегда было легко именно между эстами пожать въ короткое время обильную жатву. Конечно, подобныя теченія большею частью держатся короткое время; часто они имѣютъ, такъ сказать, импульсивный характеръ... Подобныя стремленія нашего туземнаго населенія, продолжаетъ онъ дальше, полагаю, находятъ себѣ аналогіи въ равно импульсивно

выступающей страсти къ выселенію, при чемъ не менѣе характеристично, что послѣднее довольно часто выступаетъ именно тамъ, гдѣ экономическія отношенія скорѣе всего могутъ сдѣлать для крестьянина родную почву милою и цѣнною". Итакъ, г. Бинеманъ не желаетъ видѣть никакихъ внѣшнихъ причинъ для религіозныхъ движеній и выселеній, а лишь исключительно приписываетъ ихъ внутренней наклонности, національной чертѣ народнаго характера. Отъ яраго балтійскаго публициста-сепаратиста, достойнаго преемника Ширрена, намъ нельзя было ждать болѣе вѣрнаго объясненія. Для историка причины эти кроются исключительно внѣ національнаго характера; послѣдній стоитъ даже въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ подобными броженіями. Взглянемъ въ прошлую исторію. Почтенный публицистъ въ подтвержденіе своего воззрѣнія долженъ былъ бы указать хоть одинъ примѣръ столь легкомысленнаго отношенія къ вѣрѣ предковъ; какъ онъ могъ найти въ туземцахъ подобную страсть къ новизнѣ, перемѣнѣ вѣрованій и мѣста? Извѣстно, какъ упорно отстаивали туземцы язычество; по уничтоженіи меченосцами внѣшней формы его, оно продолжало попрежнему существовать въ семейной домашней сферѣ. Во времена вторженія католичества, навязаннаго имъ насильно, лишь толовскіе латыши оказались столь легкомысленными, что въ короткое время исповѣдывали три религіи: оставивъ язычество, они приняли православіе, но въ виду политическихъ цѣлей должны были оставить православіе и принять католичество. Какъ извѣстно, латыши промѣняли язычество на католичество посредствомъ жребія, слѣд., разсуждали они, по волѣ боговъ. Но ни примѣръ толовцевъ, ни другихъ, принявшихъ по жребію католичество, не говоритъ въ пользу утвержденія г. Бинемана: туземцы мѣняли (внѣшнимъ образомъ) вѣрованія не по внутренней наклонности, а по принужденію, или по волѣ боговъ. Далѣе во времена католичества въ XV вѣкѣ, извѣстно, что образовались тайныя собранія вѣрующихъ, которые „отвергали спасительныя и обычныя приношенія въ церковь Божію" (см. Акты рижскаго провинціальнаго собора 1428 г. въ VIII Bunge, Urkundenbuch, cap. XXX). Здѣсь причина перемѣны религіозныхъ вѣрованій или вѣрнѣе отреченія отъ католичества опять таки не во

внутренней наклонности туземцевъ, а въ „спасительныхъ и обычныхъ приношеніяхъ“. Или, пожалуй, г. Бинеманъ скажетъ, что влеченіе народа къ гернгутерству во времена лютеранства объясняется присущимъ ему стремленіемъ къ перемѣнѣ вѣры? На это отвѣчу, что народъ этимъ ничуть не отдѣлялся отъ лютеранства, онъ по прежнему посѣщалъ и кирку; въ гернгутерствѣ онъ находилъ лишь удовлетвореніе своей потребности молитвы, изліянія своего земного горя предъ Богомъ въ плачѣ и рыданіи.

Что причины религіозныхъ броженій въ краѣ не могутъ быть объяснены національнымъ характеромъ туземцевъ, любопытныя доказательства этого мы находимъ въ исторіи Лифляндіи. Въ параллель новѣйшему движенію въ православіе и развитію сектантства мы встрѣчаемъ здѣсь въ XVIII вѣкѣ почти тѣже явленія. Повидимому, религіозное сознаніе туземцевъ края какъ бы волнами подымается и опускается, спускаясь до полнаго равнодушія къ киркѣ и религіи и возносясь до крайней степени религіозной восторженности. Появленіе въ западной Эстляндіи учениковъ Цинцендорфа, основателя гернгутерства, вызвало здѣсь въ простомъ народѣ эксцентрическія проявленія пробудившагося съ особенной силой религіознаго чувства; признаки его: плачъ, рыданіе, трепетаніе, воздыханіе, паденіе на землю, причемъ въ экстазѣ произносилось имя Спасителя, какъ бы хотѣлось имъ тѣломъ и душой погрузиться въ его раны. Духовная консисторія рекомендовала тогда пасторамъ усердно посѣщать дома прихожанъ, вести съ ними бесѣды въ духѣ любви и смиренія. Это было въ 1740—1743 году. Спустя 72—73 года, въ 1815 г. подобное возбужденіе религіознаго чувства повторилось съ новой силой: нѣкоторыя дѣвушки впадали какъ бы въ сонъ, въ которомъ были лишены всякаго тѣлеснаго ощущенія и въ оцѣпенѣніе, которое стягивало такъ ихъ члены, что никакая человѣческая сила не могла ихъ разнять или сдвинуть съ мѣста. По истеченіи нѣкотораго времени онѣ открывали ротъ и глаза, разсказывали, что онѣ были на небѣ и въ аду, и возвѣщали присутствующимъ ихъ будущую судьбу, призывая ихъ къ вѣрѣ и покаянію. Онѣ часто съ удивительною подробностью открывали такія обстоятельства изъ част-

ной жизни присутствующихъ, о которыхъ едва ли онѣ могли узнать естественнымъ путемъ. Во время пароксизма и часто цѣлые дни онѣ увѣряли, что ничего не вкушали и не нуждаются ни въ какой пищѣ. Въ началѣ 1817 года проповѣдывался и практиковался новый способъ крещенія—дымомъ и огнемъ, и былъ введенъ также новый родъ причащенія въ видѣ одуряющаго напитка. Для устраненія сумасбродства, нѣкоторые пасторы грозили оставить приходъ, если не прекратится это противухристіанское и развратное движеніе, а помѣщики прибѣгали къ силѣ розогъ; эти мѣры подѣйствовали, и пророки умолкли, и хотя тамъ и сямъ втихомолку и появлялись ясновидцы, но они скоро лишались всякаго довѣрія. Въ 1815 году въ Нёвэ, гдѣ теперь происходитъ движеніе въ православіе, одна 9-ти лѣтняя дѣвочка внезапно начала говорить во снѣ и возвѣщать откровенія: разсказывала о странствіяхъ на небѣ и описывала нѣкоторыхъ видѣнныхъ тамъ лицъ. Она говорила противъ пышности въ одеждѣ, особенно противъ пестрыхъ передниковъ, красныхъ платковъ, противъ распущенныхъ косъ и серебряныхъ ожерелій и пряжекъ. Толпою стекались къ ней эсты и шведы, слушали слова ея, полныя удивленія, собрали всѣ красные платки и пестрые передники, а также и серебряныя украшенія и сожгли все это на кострѣ. Съ тѣхъ поръ шведы оставили свою одежду, которая похожа была на одежду вормсскихъ жителей, нёвэскіе эсты, одѣвавшіеся доселѣ, какъ вихтерпальскіе шведы, стали смотрѣть на эту изящную одежду, какъ на порожденіе діавола, и стали одѣваться какъ сосѣдніе эсты. Завязки косъ, красные платки, пестрые передники, серебряныя цѣпочки, все что не было сожжено, были проданы за безцѣнокъ жидамъ, и можно было видѣть только бѣлые и черные платки. При этомъ увѣщанія пророчицы были такъ дѣйствительны, ея изображенія будущаго состоянія отличались такою живостью, что можетъ быть благодаря только имъ у нѣкоторыхъ лицъ произошелъ переворотъ. Одинъ гернгутерскій чтецъ, по увѣщанію пророчицы, также оставилъ свой красный шейный платокъ, но діаконъ общины, узнавъ объ этомъ, упрекалъ его въ томъ, что онъ послушался словъ ложныхъ пророковъ и вычеркнулъ его

изъ списка братьевъ, а принялъ его вновь лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ серьезнаго покаянія (Russwurm Eibovolk oder die Schweden, p. 234—236. B. I).

Почти тоже самое повторилось и въ новѣйшія времена съ тою только разницею, что теперь пробудившееся религіозное чувство нашло себѣ исходъ въ православіи. Подобныя періодическія вспышки религіознаго чувства свойственны всѣмъ народамъ въ той или другой степени. А г. Бинеману понадобилось ихъ приписать исключительно національной чертѣ прибалтійскихъ туземцевъ для того, чтобы исключить всякую мысль объ ихъ зависимости отъ экономическаго, соціальнаго и религіознаго положенія туземцевъ: но своимъ сужденіемъ онъ въ то же время, ненамѣренно, вопреки своимъ желаніямъ, даетъ понять, что лютеранство совершенно чуждо туземцамъ, что оно не вошло въ ихъ плоть и кровь, надоѣло имъ, не удовлетворяетъ ихъ, ибо иначе непонятно было бы ихъ столь легкомысленное отношеніе къ нему. Кромѣ того, какъ уже выше было сказано, страсть къ перемѣнѣ чужда сѣвернымъ народамъ, отличающимся флегматическимъ темпераментомъ. Какъ извѣстно изъ психологіи, флегматическій темпераментъ неподвиженъ, постояненъ, упоренъ, а къ такому темпераменту слѣдуетъ отнести лифляндскихъ туземцевъ — эстовъ и латышей, особенно первыхъ. Таковыми были признаваемы они доселѣ всѣми историками и публицистами; но для балтійскихъ сепаратистовъ все возможно перетолковать какъ угодно, лишь бы это благопріятствовало ихъ политикѣ. Итакъ, по нашему мнѣнію, причинъ религіозныхъ движеній въ краѣ нужно искать внѣ народнаго характера, именно во внѣшнемъ физическомъ или матеріальномъ игѣ, налагаемомъ извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ и во внутреннемъ недовольствѣ исповѣдуемой формой религіи.

Мы видѣли, что броженія религіозныя по мѣрѣ приближенія къ новѣйшимъ временамъ учащаются и распространяются; однако до сихъ поръ нельзя еще предвидѣть, на чемъ собственно они остановятся. Судя по прошлому и настоящему, мы приблизительно можемъ указать нѣкоторыя положительныя и отрицательныя черты соотвѣтствующаго духу лифляндскихъ туземцевъ исповѣданія. Подъ

5*

чертами національнаго исповѣданія мы разумѣемъ внѣшнюю обрядовую сторону его, а не вѣрованія и догматическія истины. На основаніи флегматическаго темперамента лифляндскихъ туземцевъ приходится утверждать, что они по своей природѣ не склонны принимать самодѣятельнаго участія въ богослуженіи—участія, выражающагося въ тѣлесныхъ движеніяхъ. Этою стороною ихъ темперамента справедливѣе всего объяснить ихъ недостаточное усердіе въ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, колѣнопреклоненіяхъ и земныхъ поклонахъ, а не винить въ этомъ ихъ духовныхъ пастырей или же усматривать здѣсь недостаточную развитость ихъ религіознаго чувства, какъ это ошибочно дѣлается людьми, не знающими туземцевъ и примѣняющими къ нимъ мѣру русскихъ. Человѣку наблюдательному при посѣщеніи православныхъ церквей легко судить уже по самымъ движеніямъ, походкѣ и вялости туземцевъ, о несообразности частаго быстраго движенія руки и колѣнопреклоненія и земныхъ поклоновъ съ ихъ внѣшнимъ поведеніемъ. Нельзя однако сказать, чтобы ихъ натура требовала пассивнаго отношенія къ богослуженію; они одарены даромъ поэзіи и пѣнія; любовь къ нимъ сохранилась доселѣ, хотя даръ поэзіи, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни въ христіанствѣ, значительно ослабѣлъ и сохранился только у старыхъ людей. Поэтому любовь къ пѣнію есть наслѣдіе язычества, а не заслуга лютеранства. Нужно слѣдовательно удовлетворить этой народной потребности при богослуженіи. Нужно дать православнымъ прихожанамъ въ руки не только пѣснословъ, но и стараться о сближеніи греческихъ мотивовъ съ народными. Въ настоящее время, не имѣя православныхъ пѣснослововъ, народъ пользуется съ удовольствіемъ лютеранскими пѣснями, мотивы которыхъ гораздо проще греческихъ и болѣе подходятъ подъ народные мотивы. Въ виду сильной любви къ пѣнію духовныхъ лютеранскихъ пѣсенъ, нѣкоторые священники позволяли и позволяютъ пѣть ихъ въ православной церкви. Разумѣется, это отражается невыгодно на православіи, но трудно рѣшить, что было бы тактичнѣе—запретить это, или нѣтъ. По крайней мѣрѣ внѣ церкви отучить ихъ отъ употребленія лютеранскихъ духовныхъ пѣсенъ почти нѣтъ возможности: на похоронахъ, крестинахъ,

свадьбахъ, обѣдахъ и т. п. торжествахъ, на сцену обыкновенно являются лютеранскія пѣсни. Въ большей части церквей, чтобы хоть сколько-нибудь привлечь народъ къ участію въ богослуженіи, молодежь еще учащаяся и недавно вышедшая изъ школы, особенно дѣвушки помогаютъ на клиросахъ пѣть. Благозвучнымъ пѣніемъ однако не могутъ похвалиться православныя церкви, ибо мало умѣлыхъ пѣвцовъ и дирижоровъ. Между тѣмъ какъ пасторы, хорошо понимая важность удовлетворенія народной потребности въ пѣніи, съ своей стороны дѣлаютъ все возможное, чтобы церковные мотивы и духовныя пѣсни сдѣлались достояніемъ народа; съ православной стороны въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано. Недавно вышелъ лютеранскій пѣснословъ даже съ нотами для скорѣйшаго изученія мотивовъ.

Затѣмъ для туземцевъ богослуженіе должно быть понятное; это на томъ основаніи, что когда вѣрованія и обряды церкви принимаются народомъ, вышедшимъ изъ младенческаго состоянія, то они воспринимаются имъ не слѣпо, а разумно; онъ хочетъ видѣть въ богослуженіи все понятное, воспринимаемое разсудкомъ. Другое соображеніе, по которому въ Лифляндіи желательно было бы приспособиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ народнымъ потребностямъ въ богослуженіи—это привычка, унаслѣдованная отъ лютеранства, видѣть здѣсь болѣе простоты, менѣе таинственности и формъ, принадлежащихъ отдаленному прошлому. По крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ нѣкоторыя стороны православнаго богослуженія будутъ служить для непосвященныхъ предметомъ соблазна. Если впослѣдствіи черезъ школы или другимъ путемъ удалось бы пріучить народъ къ болѣе сознательному отношенію къ нимъ, то конечно не было бы такой необходимости въ приспособленіи. На сколько можно судить по обыденной жизни, въ лютеранахъ уже значительно утвердился болѣе серьезный взглядъ на нѣкоторыя черты православія, возбуждавшія прежде непріязненныя чувства; среди нихъ уже рѣже встрѣчается кощунственное отношеніе къ нимъ какъ въ школѣ, такъ и въ жизни. Пишущему эти строки пришлось самому быть свидѣтелемъ кощунственнаго издѣвательства въ школѣ надъ православнымъ кажденіемъ. Во всякомъ случаѣ одно должно оставаться без-

спорнымъ—именно, что расположеніе къ православію нужно воспитывать не простымъ снабженіемъ новообращенныхъ предметами почитанія (кресты, иконы), но разумнымъ объясненіемъ отличительныхъ сторонъ православія. Предметы почитанія и поклоненія должны занимать второстепенное мѣсто.

Другая потребность народа, съ которой нужно считаться и которая, вѣроятно, унаслѣдована отъ лютеранства, есть проповѣдь. По мѣстамъ народъ такъ высоко цѣнитъ проповѣдь, что безъ нея богослуженіе не имѣетъ почти никакого значенія, не слышавъ проповѣди, народъ, выходя изъ церкви, остается недовольнымъ. Если бы православная проповѣдь сдѣлалась повсюду въ краѣ интегральною частію богослуженія и если бы въ то же время она ограничилась исключительно объясненіемъ слова Божія, то православіе въ краѣ много выиграло бы. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ православная проповѣдь можетъ со славою выдержать конкурренцію съ лютеранскою, быстро растетъ расположеніе къ православію, ибо лютеране, проѣзжая мимо церкви въ кирку, или изъ кирки, считаютъ своимъ долгомъ зайти въ церковь, чтобы послушать и православную проповѣдь. Мнѣ кажется однако, что ни лютеранское, ни православное духовенство (venia sit verbo) не умѣетъ пользоваться любовью народа къ проповѣди. Въ противовѣсъ пасторамъ слѣдовало бы обратить особое вниманіе на подготовленіе лучшихъ проповѣдниковъ и дать проповѣди въ богослуженіи большее значеніе, чѣмъ какое она имѣетъ въ настоящее время. И въ самой проповѣди должны бы быть введены нѣкоторыя особенности примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Если лютеранскіе пасторы ударяются въ крайность, почти исключительно раскрывая въ проповѣди нравственную сторону христіанства и великую силу благодати, то православнымъ священникамъ слѣдуетъ избѣгать противоположной крайности—исключительнаго раскрыванія догматической стороны христіанства и ставить своею главною задачею защиту отличительныхъ сторонъ православія, обрядовыхъ и догматическихъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что народъ рѣшительно лишонъ всякихъ свѣденій изъ церковной исторіи и церковнаго преданія, и посему аргументы должны быть по преимуществу почерпаемы изъ свящ. Писанія и

соображеній разсудка. Разумѣется, для достиженія цѣли нужно употреблять пріемы, могущіе произвести впечатлѣніе, повлiять на чувство. Въ этомъ отношеніи для эстовъ, которые питаютъ сильную любовь къ картинности выраженія, необходимо было бы, во избѣжаніе сухости рѣчи, прибѣгать къ поэтичнымъ сравненіямъ и картинности изображенія. Лучшіе пасторы могли бы служить въ этомъ случаѣ образцомъ, исключая театральности въ ихъ жестикуляціи и позѣ. Я говорю это съ чувствомъ боязни, что нѣкоторыя цѣлесообразныя мѣры не пріобрѣтутъ сочувствія лишь потому, что, повидимому, клонятся къ сближенію съ лютеранствомъ. Если бы я не имѣлъ въ виду несочувствія предлагаемымъ мѣрамъ, то я указалъ бы еще на одну цѣлесообразную мѣру — постановку подлѣ стѣнъ въ церкви скамей [1]) для престарѣлыхъ и уставшихъ лицъ—мѣру, которая вполнѣ оправдывается, полагаю, пространственною обширностью приходовъ въ Лифляндіи и тяжолымъ физическимъ трудомъ крестьянъ. Отсутствіе скамеекъ въ церкви служитъ причиною постояннаго движенія въ церкви во время богослуженія: одни входятъ другіе выходятъ, чтобы отдохнуть. Лишь во время проповѣди всѣ считаютъ обязанностью быть въ церкви и стоять спокойно. Исключеніе изъ этого составляютъ недавно перешедшіе въ православіе, для которыхъ въ православномъ богослуженіи все ново; они ведутъ себя во время богослуженія очень чинно, не смотря на крайнюю тѣсноту помѣщенія.

Національность и положеніе православнаго духовенства въ краѣ играетъ едва ли не болѣе важную роль, чѣмъ само православное вѣроученіе. Въ вопросѣ о національности священниковъ, пройдемъ нѣсколько разныхъ ступеней, въ послѣднее время установилось, повидимому, только въ самыхъ высшихъ сферахъ твердое убѣжденіе въ пользѣ туземнаго происхожденія ихъ. Ради ли блага православія, что очень сомнительно, или лишь ради усиленія рус-

---

[1]) Въ этомъ не было бы никакого новшества. Въ старинныхъ русскихъ храмахъ устроялись лавки вдоль стѣнъ и между колоннами. Въ олонецкой епархіи и теперь встрѣчаются церкви съ такими лавками. А на востокѣ всѣ *стойки*, въ которыхъ стоятъ обыкновенно молящіеся, снабжены стульями. *Ред.*

скаго элемента, мѣстные представители православія не разъ проводили политику враждебную туземному началу и этимъ посѣяли пагубную вражду въ средѣ нисшаго духовенства, разыгравшуюся недавно даже литературной полемикой, во время которой та и другая сторона осыпала противную—клеветами, порицаніями и т. п. Не намъ судить здѣсь, кто оказалъ большую услугу православію въ краѣ—священники изъ русскихъ или священники изъ туземцевъ; мы замѣтимъ только, что прошлое принадлежитъ русскимъ, а будущее туземцамъ. Что русскіе во время перваго движенія въ православіе и долго послѣ него были главными, можно сказать, единственными дѣятелями въ дѣлѣ православія—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; а насколько успѣшно они выполнили свою миссію въ Лифляндіи, и каковы были бы результаты, если бы вмѣсто нихъ дѣйствовали туземцы—это ускользаетъ отъ историческаго суда. Что прошлая миссія русскихъ священниковъ въ краѣ была не безъ промаховъ, основывающихся отчасти на личныхъ качествахъ, отчасти на крайней затруднительности ихъ положенія—это также неоспоримо. Вѣроятно никто не будетъ отрицать также, что священники изъ туземцевъ имѣютъ нѣкоторыя качества, по которымъ превосходятъ русскихъ—это знаніе языка, нравовъ и обычаевъ народа. Ихъ заслуга была велика во время волненія умовъ въ послѣдующее время, когда новообращенные устремились назадъ въ лютеранство: имъ лифляндская православная церковь обязана сохраненіемъ за собою весьма многихъ чадъ. Впрочемъ мы понимаемъ дѣленіе на національности не въ строгомъ смыслѣ: здѣсь дѣло идетъ между *пришлыми русскими* съ *одной стороны* и *родившимися* въ Лифляндіи русскими и туземцами—съ другой. Въ числѣ первыхъ были главнымъ образомъ первые миссіонеры, вызванные изъ сосѣднихъ губерній, преимущественно изъ Псковской. Насколько нецѣлесообразна подобная политика въ духовномъ мірѣ въ настоящее время, когда національный вопросъ обострился и когда лютеранское духовенство, отступая временно отъ германизаторскихъ тенденцій, *является* въ *роли* туземныхъ *патріотовъ*, какъ увидимъ далѣе, мы предоставляемъ судить объ этомъ всѣмъ проницательнымъ и безпристрастнымъ лицамъ.

Когда въ оправданіе усиленія русскаго элемента въ краѣ указываютъ на опасности, могущія возникнуть отъ преобладанія національнаго правящаго класса въ краѣ, то эти опасенія отчасти справедливы, отчасти основываются на недоразумѣніи. Справедливы они по отношенію къ тѣмъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые получили нѣмецкое образованіе и особенно которые побывали въ дерптскомъ университетѣ, хотя бы они потомъ довершили свое образованіе въ русскомъ учебномъ заведеніи. Но по отношенію къ лицамъ изъ туземцевъ, получившимъ все образованіе въ русскомъ духѣ, эти опасенія совершенно неосновательны; напротивъ, такія лица болѣе всего способны къ проведенію въ жизнь и убѣжденія коренного населенія русскихъ началъ. Практиковавшаяся недавно въ высшихъ сферахъ мѣра назначенія мѣстныхъ туземныхъ уроженцевъ во внутреннія губерніи Россіи была плодомъ политическаго предубѣжденія и непониманія прибалтійскихъ отношеній. Тотъ путь, по которому въ настоящее время пошло правительство въ школьномъ дѣлѣ, безспорно самый надежный и вѣрный—здѣсь Ахиллесова пята балтійскихъ гарманизаторовъ. Неудивительно поэтому, что они подняли страшный шумъ и пускаютъ въ ходъ всѣ мѣры, чтобы утвердить колеблющуюся подъ ногами почву, прикидываясь въ то же время радѣтелями туземной національности и спасителями ея отъ русскаго варварства.

Среди путаницы разнообразныхъ стремленій, желаній, ожиданій, простой народъ естественно не можетъ сколько-нибудь оріентироваться, ходитъ какъ бы въ потьмахъ. Руководимый болѣе темнымъ инстинктомъ, чѣмъ ясными представленіями, онъ непредубѣжденно твердо влечется на сторону русскихъ началъ.

Не чувствуя большой привязанности къ родному и не умѣя цѣнить его, народъ относится почти безразлично къ нему, и готовъ разстаться съ нимъ безъ особаго сожалѣнія. Его духовныя сокровища: саги, пѣсни, сказки, загадки и т. п. скорѣе суть достояніе исторіи, чѣмъ народнаго духа. У него сохранился только родной языкъ и немногіе отрывки прошлаго духовнаго творчества. Въ общемъ можно сказать, что у него господствуетъ жалкая апатія ко всему. Возьмемъ, напр., его вѣрованія; поразительными должны

казаться для русскаго человѣка слѣдующія выраженія, которыя приходилось слышать изъ устъ народа касательно перехода въ православіе, напр., „прикажутъ перейдемъ“: „если бы царь или губернаторъ приказалъ намъ перейти въ православіе, мы всѣ перешли бы; тогда мы знали бы, что они желаютъ этого“ и т. д. Здѣсь должно замѣтить, что подобныя сужденія соотвѣствуютъ болѣе настроенію сельскихъ жителей; въ городахъ же преданность лютеранству и сектантству еще очень сильна.

Не менѣе поразительна и та черта, что съ переходомъ въ православіе у народа по мѣстамъ связывается понятіе о переходѣ въ русское подданство; такъ, въ новѣйшее время въ Эстляндіи, приходя записываться въ православіе, нѣкоторые заявляли, что желаютъ „записаться подъ русскаго царя“. Столь крѣпко успѣло вкорениться въ народѣ представленіе о самостоятельности Лифляндіи, для которой русскій царь изображается лишь „сторожемъ границъ“! Блуждая въ глубокомъ невѣденіи и непониманіи своего положенія и своихъ интересовъ, злополучные туземцы крайне нуждаются въ мощномъ руководителѣ, который вывелъ бы ихъ на истинный путь. Они тѣмъ болѣе заслуживаютъ сожалѣнія, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служили только яблокомъ раздора то между орденомъ, епископами и отчасти бюргерствомъ, то между господами страны и внѣшними претендентами на нее, въ лицѣ сосѣднихъ государствъ, то между самыми этими государствами. О благѣ ихъ въ то время никто не заботился, они были только средствомъ для безсовѣстныхъ внутреннихъ эксплоататоровъ, смотрѣвшихъ на нихъ, какъ на *особую породу* людей, не способную къ высшей культурѣ и самостоятельному развитію и предназначенную лишь играть служебную роль для высшей породы. Повидимому, только теперь наступаетъ критическій моментъ въ исторіи туземцевъ: вмѣсто того, чтобы влачить жалкое существованіе въ видѣ осколковъ нѣкогда великихъ племенъ — осколковъ, не имѣющихъ никакихъ шансовъ на будущее національное процвѣтаніе, они призываются наконецъ исторіей къ *объединенію* съ русскимъ народомъ.

Какъ и когда совершится это объединеніе, объ этомъ можно говорить только гадательно; напрасно нѣкоторые лифляндскіе нѣ-

мецкіе ученые въ отвѣтъ на эти вопросы указываютъ на судьбу остальныхъ финскихъ народностей въ Россіи: намъ кажется, что примѣръ ихъ не примѣнимъ къ Лифляндскимъ туземцамъ, потому что они во многихъ отношеніяхъ (географическомъ, соціальномъ и культурномъ) занимаютъ особое положеніе. Можно лишь со значительною вѣроятностью сказать, что ассимиляція совершится въ формѣ усвоенія туземцами внѣшнихъ общественныхъ формъ жизни. Въ доказательство этого я могу указать на примѣръ, такъ называемыхъ, полувѣрцевъ во Псковской губ. Не смотря на полное сходство внѣшнихъ условій жизни ихъ съ русскими, они до сихъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сохранили свой языкъ, произведенія народнаго творчества, домашній бытъ и т. д., словомъ то, что мы обнимаемъ въ словѣ національность. Могу указать также недальнозоркимъ патріотамъ и на то, что при всемъ томъ, эти полувѣрцы—преданнѣйшія чада православной церкви.

До сихъ поръ мы писали на основаніи источниковъ болѣе или менѣе враждебныхъ существующему порядку вещей въ Лифляндіи. Поэтому читатель былъ вправѣ заподозрить нашу безпристрастность и упрекнуть насъ въ односторонности. Во избѣжаніе такого подозрѣнія и упрека мы намѣрены теперь обратиться къ источнику, выражающему голосъ и мнѣнія противной стороны, къ органу лифляндскихъ (въ обширномъ смыслѣ) синодовъ подъ заглавіемъ: Mittheilungen und Nachrichten über die ewangelische Kirche in Russland. Здѣсь печатаются синодальные отчеты и рѣчи, которые признаются болѣе удобными для публикаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ протоколахъ синодальныхъ содержится много такого, что можетъ служить лишь достояніемъ исторіи. Но многое, что происходитъ и обсуждается на синодахъ навѣрно и не заносится въ протоколы и остается тайной для исторіи и публики, и лишь принимается къ свѣденію и руководству участниками синодовъ и ихъ отсутствующими сослуживцами. Синоды, возникшіе во время религіозныхъ движеній, представляютъ собою тѣсно сомкнутую корпорацію, которая имѣетъ цѣлію обсужденіе не только церковныхъ

и религіозныхъ вопросовъ, но и вопросовъ соціальныхъ и политическихъ. На нихъ лютеранское духовенство ободряется на борьбу и снабжается общими правилами дѣятельности. Отсюда замѣчательное единство дѣйствій пасторовъ въ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ страны.

Чтобы яснѣе представить положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ странѣ, я сгруппирую мнѣнія пасторовъ и рѣшенія синодовъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Я пользуюсь для этого лишь отчетомъ о синодальныхъ засѣданіяхъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, предпославъ этому общую характеристику синодовъ предшествующаго времени, съ самаго ихъ начала въ 1834 году. Пасторъ Кельбрандтъ въ своей рѣчи (Mitth. B. 40. 1884 г. p. 519—541) изображаетъ тогдашнее положеніе дѣлъ, сперва состояніе народа (преимущественно состояніе латышей), слѣдующими чертами:

Матеріальное положеніе, образующее всегда первую реальную основу духовной жизни, въ которомъ находилось крестьянское населеніе, было во всѣхъ отношеніяхъ мало удовлетворительное; оно носило черту великой бѣдности и нищеты. Если, благодаря исключительнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, и были отдѣльные состоятельные приходы и отдѣльныя состоятельныя личности, однако большая часть народонаселенія жила въ самыхъ гнетущихъ условіяхъ. Его жизнь была постоянной борьбой за существованіе, безпрестанная забота изо дня въ день; роскошь была неизвѣстна, дѣло шло только объ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ и насущныхъ потребностей; да и это часто не достигалось. Нашему воспоминанію представляется жалкая картина состоянія народа въ то время; вспомнимъ только убогія, едва достойныя человѣка, жилища крестьянъ, въ которыхъ доступъ свѣту и выходъ дыму давала только полуоткрытая верхняя дверь; въ мрачныхъ грязныхъ дымныхъ избахъ проводили они ежедневную жизнь; въ темное время года при горящей лучинѣ; въ этихъ избахъ пасторъ совершалъ подготовленіе къ причащенію и прослушивалъ дѣтей. Гнетущая барщина, необезпеченность землевладѣнія, періодически повторяющійся каждою весною недостатокъ хлѣба и корма, соединенный съ недостаткомъ денегъ и практичности, не позволяли выйти изъ вѣковѣчной нужды. О духовномъ развитіи тогда нечего было и думать: одни погрязали въ огрубѣніи, предавались пьянству и нечестію, другіе влачили жизнь въ тупомъ отчаяніи... Этому жалкому положенію крестьянства соотвѣтствовало также соціальное положеніе, которое занимали крестьяне между другими

классами: его мало уважали, онъ довольно часто терпѣлъ самое негуманное обращеніе; если онъ переносилъ все это молча, не обнаруживая своей чувствительности, все-таки переносимое имъ оставляло за собой неизгладимое впечатлѣніе; сознаніе своей соціальной исключительности никогда не позволяло надлежащимъ образомъ выступить сознанію церковной общности между крестьянскимъ состояніемъ и остальными лучше поставленными состояніями. Это содѣйствовало распространенію гернгутерства и разрыву церковнаго общенія во время вѣроисповѣдныхъ искушеній, а при позднѣйшемъ пробужденіи народнаго самосознанія оно породило (вѣрнѣе, поддерживало) ту національную ненависть, которая продолжаетъ существовать до настоящаго времени... Интеллектуальное образованіе совсѣмъ отсутствовало; существовало только домашнее обученіе чтенію; человѣкъ, занимавшійся этимъ, былъ лишь освобождаемъ отъ нѣкоторыхъ общинныхъ повинностей и рекрутчины... Невѣрія не было: народъ былъ религіозенъ и набоженъ. Церкви посѣщались мало, отчасти изъ-за барщины, отчасти по неудовлетворительности богослуженія. Проповѣдь представляла собою сухую мораль; богослуженію не доставало литургической части; пѣніе изъ раціоналистическаго церковнаго пѣснослова не согрѣвало сердецъ; не будучи въ большей части кирокъ сопровождаемо аккомпаниментомъ органа и руководимое неумѣлыми запѣвалами, оно было нестройно и не мелодично. Самое главное, что болѣе всего привлекало въ кирку—это просительная молитва, которая давала помощь и утѣшеніе во всякомъ горѣ жизни—даже до больной коровы... Положеніе нѣмецкихъ приходовъ было совсѣмъ иное; города и дворянство въ сельскихъ имѣніяхъ, за малыми исключеніями воспитанные въ раціоналистическомъ духѣ, относились къ церкви индифферентно; даже утратилось сознаніе политическаго значенія кирки для провинціи; между городскими кирками царствовалъ миръ, церковно-политическихъ вопросовъ не подымалось; патронатство дворянъ и зависимость отъ нихъ пасторовъ совсѣмъ не нравилось... Характеристично по отношенію къ образованію того времени выраженіе одного пастора: «мои богословскія познанія, вынесенныя изъ университета, можно было бы уложить въ орѣховую скорлупу». И въ самомъ дѣлѣ, богословіе, которое тогда преподавали въ дерптскомъ университетѣ, было мертвое историческое знаніе, не возбуждавшее въ сердце любви; оно составляло только сухой остовъ. Въ трехгодичномъ богословскомъ курсѣ не доставало самыхъ важныхъ наукъ: символики, исторіи догматовъ—она большею частью соединялась съ церковною исторіей, катехетики, литургики, попеченія о душахъ (Seelsorge) и др., читаемыхъ нынѣ, не говоря уже о еврейскомъ языкѣ; впрочемъ въ 1821 году въ высшемъ классѣ гимназій былъ введенъ еврейскій языкъ. Практическому руководству кандидаты на пасторовъ научаются

во время многолѣтняго домашняго учительства... Воскресныя проповѣди составлялись тщательно и читались съ каѳедры; импровизаціи не были въ ходу; болтовня была по крайней мѣрѣ привиллегіей старыхъ пасторовъ—рутинеровъ; кромѣ ежегодныхъ отчетовъ и веденія церковныхъ книгъ пастору было нечего дѣлать... Не было ни посѣщенія и пріобщенія больныхъ, ни школьной инспекціи; въ своемъ кирхшпилѣ пасторъ былъ, какъ патріархъ, какъ совѣтникъ и помощникъ, и пользовался полнымъ довѣріемъ. Жизнь лифляндскаго сельскаго пастора была на дѣлѣ идиллично—благодушная, какъ въ стихахъ того времени изображалась его жизнь. Къ нему приложимо изрѣченіе Горація: Beatus ille qui procul negotiis. Пасторъ имѣлъ довольно свободнаго времени, чтобы заниматься школами, обученіемъ своихъ или чужихъ дѣтей, домашнимъ хозяйствомъ и садоводствомъ и входить въ товарищескія сношенія со своими сосѣдями по службѣ... Ежегодные пасторскіе уѣздные конвенты занимались только случайными явленіями. Въ остальномъ они стояли въ самой шаткой связи съ отечественною церковью. Въ странѣ не выходило ни одного церковнаго или богословскаго повременнаго изданія, и пасторы не могли знакомиться съ внутреннею жизнью... Религіозное пробужденіе въ Германіи отразилось и здѣсь. Дерптскій университетъ, или, вѣрнѣе, богословскій факультетъ его, со времени второй половины 20-хъ годовъ, оставилъ безводную пустыню раціонализма и повелъ своихъ питомцевъ на зеленѣющую ниву евангелія; до церковнаго исповѣданія онъ однако не дошелъ еще... Предъ первымъ синодомъ церковная жизнь въ Лифляндіи находилась подъ вліяніемъ самаго абсолютнаго субъективизма; преобладалъ раціонализмъ. Онъ былъ господствующимъ духомъ времени: все, имѣвшее претензію на образованіе, держалось этого направленія: большинство пасторовъ Лифляндіи, всѣ безъ исключенія старые пасторы, предсѣдатели синода и церковное начальство страны. Сколько вреда онъ нанесъ церкви—достаточно извѣстно—стоитъ только вспомнить его пѣснословъ, катихизисъ и проповѣди. Нужно однако раціоналистамъ того времени отдать справедливость въ томъ, что они были вообще честной натуры, держались своей догматики: Богъ, добродѣтель и безсмертіе. Они были истинно исполнены (ergriffen) Христа; иной изъ нихъ могъ ввести въ соблазнъ приходъ личнымъ или служебнымъ поведеніемъ; молодые скоро уступали истинному евангельскому убѣжденію, даже старики—sit venia verbo—кровные раціоналисты (eingefleischten) если не предпочли умереть, то не остались нетронутыми евангельскимъ свидѣтельствомъ, въ которомъ не было недостатка ни на одномъ соборѣ, и все болѣе и болѣе становились доступны христіанскимъ воззрѣніямъ. Раціонализмъ открыто держался недолго на синодѣ: на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій синода пробстъ Геллеръ произнесъ воскресную проповѣдь, въ которой

самымъ искреннимъ образомъ высказывалъ свой индифферентизмъ ко всѣмъ религіямъ; протестъ другого направленія на синодѣ произвелъ глубокое впечатлѣніе, и раціонализмъ сталъ какъ будто ослабѣвать... Другое господствующее направленіе было піэтизмъ, развившійся между пасторами, благодаря вторженію гернгутерства. Главная партія—«позитивно-библейски вѣрующіе»—противники раціонализма и піэтизма; отличительная черта ея—склонность ихъ къ свободному научному обсужденію христіанства. Вѣроисповѣдного національнаго сознанія на синодѣ не было...

«Почтенныя головы чувствовали себя на синодѣ столь мало тронутыми новымъ жизненнымъ духомъ, повѣявшимъ, на немъ, что не могли удержаться отъ сладостной привычки проводить свободные часы въ карточной игрѣ вмѣсто того, чтобы войти въ свободное духовное общеніе другъ съ другомъ».

По мнѣнію г. Бинемана (Balt. Monatschrft. B. XXXII, p. 344), преобладаніе въ мѣстной церкви піэтизма и раціонализма оказывало на нее пагубное дѣйствіе. „Какихъ бы представителей ни имѣли оба направленія, говоритъ онъ, однако въ каждомъ изъ нихъ лежалъ моментъ, который долженъ былъ въ извѣстномъ случаѣ заглушить или даже совсѣмъ не позволить проявиться мужеству, готовому съ радостью встрѣтить страданія. Если для піэтизма при переоцѣнкѣ общаго христіанскаго содержанія, которое онъ находилъ во всѣхъ исповѣданіяхъ, право и достоинство собственной церкви менѣе живо сознавалось, то раціонализмъ былъ склоненъ въ полной силѣ вѣры выступить въ борьбу за доброе право евангелической церкви и, хотя бы изнемогая по временамъ, пріобрѣсть увѣренность въ окончательной побѣдѣ". Г. Бинеманъ, очевидно, разсматриваетъ эти формы религіозной жизни съ точки зрѣнія ихъ способности къ отстаиванію господствующаго значенія лифляндской кирки, вопреки правительственнымъ стремленіямъ указать ей второстепенное значеніе.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что лифляндская лютеранская кирка своимъ существованіемъ во многомъ обязана синодамъ, которые сдѣлались ея оплотомъ, ибо мы увѣрены, что лютеранство въ странѣ существуетъ не столько своимъ содержаніемъ, какъ извѣстное исповѣданіе, сколько своей общественной организаціей. Мѣстные синоды, начинающіеся и заканчивающіеся обыкновенно торжественнымъ во-

одушевленнымъ пѣніемъ лютеранскаго религіознаго гимна: „Eine feste Burg ist unser Gott", напоминающаго мнимыя гоненія на кирку, нравственно объединяютъ пасторовъ, вливаютъ въ духъ ихъ новую энергію и поддерживаютъ мужество въ борьбѣ за преобладаніе кирки въ странѣ.

Я попытаюсь ниже сгруппировать разсужденія и постановленія на синодахъ подъ особыми рубриками, въ хронологическомъ порядкѣ.

Національное движеніе. Эстляндскій синодъ 1873 года (Ibid. B. XXX, p. 126). Движеніе это съ одной стороны было признано справедливымъ, ибо никто не долженъ закапывать талантъ, данный ему Богомъ; каждый народъ имѣетъ задачу и обязанность развивать и пользоваться дарованными ему отъ Бога силами. Гдѣ люди, выдвинувшіеся изъ народа, воодушевлены желаніемъ просвѣтить его, тамъ они стоятъ съ пасторами на одной почвѣ. Пасторы обязаны только пріобрѣтать души для царства Божія. Если эстонскій народъ обладаетъ силою поставить себя наравнѣ съ другими въ качествѣ культурнаго народа и отпечатлѣть на своемъ образованіи характеръ своего духа, то не найдется изъ пасторовъ никого, кто бы не сочувствовалъ его національности или захотѣлъ бы насильно подвинуть его развитіе на другой путь. Слѣдовательно нужно работать надъ нравственнымъ развитіемъ и поднятіемъ именно такого народа, какъ эсты. Съ другой стороны движеніе имѣетъ нехристіанское направленіе: нѣкоторые изъ патріотовъ прославляютъ древнее язычество, какъ золотой вѣкъ, и упадокъ культуры народа приписываютъ введенію христіанства. Пасторы постановили: бороться противъ того, гдѣ выступаетъ наружу нечистое, нехристіанское, и всячески содѣйствовать истинному христіанскому, нравственному преуспѣянію народа. Былъ поднятъ здѣсь и рабочій вопросъ, но большинство не признало его существованія.

Лифляндскій синодъ 1874 г. (bid. B. XXX, p. 425). Было цѣлыхъ восемь докладовъ (изъ нихъ 2 непринятыя) относительно младо-эстовъ и младо-латышей; кромѣ того выслушаны были подробныя предложенія отдѣльныхъ кирхшпилей. „Дѣло было разсмотрѣно со всѣхъ точекъ зрѣнія, и голоса со всѣхъ сторонъ были

такъ основательно освѣщены, что болѣе ничего не осталось прибавить". По одному докладу національное движеніе характеризовалось такъ: „младо-латыши (и младо-эсты) есть болѣзненное одностороннее напряженіе естественной противоположности между латышскимъ и нѣмецкимъ народными осколками въ остзейскихъ провинціяхъ, основанное на непониманіи общихъ задачъ и политическаго положенія общаго отечества".

Лифляндскій синодъ 1875 (ibid B. XXXII, p. 42—44). Младо-летты (младо-эсты), скороспѣло считая малый осколокъ за зрѣлый самостоятельный народъ, хотятъ, устранивъ нѣмецкихъ согражданъ, создать для него въ общемъ отечествѣ искусственно всѣ жизненныя формы, которыя у историческихъ и самостоятельно культурныхъ народовъ развились только черезъ долгую и тяжкую борьбу. Синодъ постановилъ: 1) на основаніи евангелія (въ церкви Божіей нѣтъ ни Іудея, ни Эллина) проповѣдывать всѣмъ Христа, не будучи руководимы національной симпатіей или антипатіей; 2) остерегаться въ проповѣдяхъ, на конфирмаціи и при общеніи съ народомъ выставлять себя политическими партизанами; 3) остерегаться отъ непризваннаго вмѣшательства въ мірскія дѣла прихода, не касающіяся службы, чтобы не давать никакого повода къ іерархическимъ поползновеніямъ; 4) чтобы быть всѣмъ вся (1 кор. IX, 22), мы должны основательно изучить языкъ, на которомъ проповѣдуемъ, вникать въ его духъ такъ, чтобы каѳедры церковныя служили мѣстами, гдѣ говорятъ на туземныхъ языкахъ чище и благороднѣе всего, и 5) церковное попечительство и учителя должны быть сотрудниками въ царствѣ Божіемъ; на конфирмаціи воспитанниковъ слѣдуетъ возбуждать къ добросовѣстной и вѣрной по призванію дѣятельности; образованнымъ туземцамъ долженъ быть открытъ доступъ въ наши общественные кружки.

Эстляндскій синодъ 1881 года (ibid. B. XXXVIII, p. 43). Въ національномъ вопросѣ констатируется, что національное движеніе лишено всякаго идеальнаго направленія, напротивъ полно распущенности и грязи. Пасторъ Виллигероде говорилъ: прежде, когда сами пасторы называли себя латышами и эстами, отношенія между ними и прихожанами были очень хорошія. Теперь между ними

вторглись разныя общества, изъ которыхъ нѣкоторыя преслѣдуютъ не свои установленныя, а политическія цѣли; въ нихъ мѣсто для всякаго, кто раздѣляетъ настроеніе этихъ обществъ; поэтому они не чисто національныя, а общества единомышленниковъ. Ихъ тенденція направлена противъ нѣмцевъ, господъ, власти. Они пытаются привлечь къ себѣ интеллигенцію изъ народа, чтобы съ нею пріобрѣсти народъ, а съ народомъ—землю (Land). Главною преградою для ихъ вторженія въ массу служатъ пасторы (?!); потому пасторы должны быть уничтожены прежде всего именно по этой причинѣ, а не изъ личной ненависти; берутъ начало ядовитыя газетныя статьи. Орудіе они находятъ въ сельскихъ школьмейстерахъ. Виллигероде предлагаетъ въ качествѣ противодѣйствующихъ средствъ конференціи церковныхъ попечительствъ, школьмейстеровъ и другихъ представителей крестьянской интеллигенціи, на которыхъ обсуждались бы эти вопросы. Онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ, такъ называемую, записку „Wunschzettel“, поданную делегатами разныхъ обществъ министру внутреннихъ дѣлъ какъ бы отъ имени эстонскаго народа. Синодъ призналъ также, что преслѣдованіе политическихъ цѣлей чуждо латышскимъ обществамъ.

Эстляндскій синодъ 1882 г. (ibid. p. 398). Послѣ разсмотрѣнія національнаго вопроса на кирхшпильскихъ синодахъ по пунктамъ: 1) „можетъ ли соціальное развитіе туземцевъ подвигаться впередъ спокойно чрезъ свободныя общества, образуемыя и руководимыя пасторами при содѣйствіи помѣщиковъ“ и 2) своевременно ли и, какъ часто утверждаютъ, составляетъ ли средство сближенія, къ которому мы должны стремиться, то, чтобы пасторы болѣе прежняго старались вступить въ общественныя связи съ членами національныхъ обществъ, провинціальный синодъ не могъ однако высказать рѣшительное мнѣніе по этимъ пунктамъ; тѣмъ не менѣе на синодѣ пришли къ слѣдующему заключенію: въ противоположность національной травлѣ (Hetsereien) обнаруживать одинаковую любовь ко всѣмъ членамъ прихода безъ различія состоянія и національности, какъ и доселѣ, въ служебномъ и душеспасительномъ обращеніи, не противопоставлять имъ себя, какъ господъ, но терпѣливо входить во всѣ ихъ дѣла въ качествѣ совѣтниковъ въ духовной

и тѣлесной ихъ нуждѣ. При этомъ одинъ изъ пасторовъ, эстонецъ, замѣтилъ, что вопросъ этотъ не національный, а соціальный.

Антилютеранское движеніе. Эта рубрика обнимаетъ явленія, такъ или иначе шедшія въ разрѣзъ съ киркой, напр., сектантство, религіозный индифферентизмъ и невѣріе.

На курляндскомъ синодѣ въ 1873 году (ibid. B. XXXI, p. 96) шли разсужденія о сектантствѣ (баптизмъ, ирвингіанизмъ), которое изъ Пруссіи распространилось по всей Курляндіи. Пасторъ Грассъ читалъ докладъ на вопросъ: что должно предпринимать духовенство, чтобы сохранить юношество отъ опасности все болѣе и болѣе возрастающаго невѣрія и сектантства, и предлагалъ объяснять юношеству катихизисъ въ особо назначенные часы по воскресеньямъ, пополудни. Большая часть участниковъ засѣданія признала эту мысль только pium desiderium, синодъ нашолъ болѣе удобнымъ наивозможное продолженіе конфирмаціоннаго времени, причемъ наименьшею мѣрою были признаны 4 недѣли.

Эстляндскій синодъ 1874 (ibid. B. XXXII, p. 241—253). Пасторъ Гиргенсонъ (на полуостровѣ Нуко) говорилъ „объ увеличеніи духовныхъ рабочихъ силъ въ сельской лютеранской кирке... Сотая часть того, что необходимо для укрѣпленія настоящей религіозной жизни и пробужденія умершей, не исполняется". Причина этого „въ совершенно ненормальныхъ отношеніяхъ нашихъ приходовъ... Въ воскресные дни лишь малая часть прихода можетъ посѣщать богослуженіе, ибо отчасти кирки не вмѣщаютъ всѣхъ, отчасти другія обстоятельства (?) препятствуютъ правильному посѣщенію кирки... Что касается спеціальнаго попеченія о душахъ, то рѣдко найдется пасторъ, который зналъ бы всѣхъ членовъ своего обширнаго прихода, да едва ли онъ ихъ и видѣлъ".

...Если такимъ образомъ достаточное проповѣдываніе слова Божія и спеціальное попеченіе о душахъ (о душевномъ спасеніи) встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія, то необходимо обратиться къ помощи чрезвычайныхъ средствъ. Чѣмъ больше опасность отдѣленія отъ кирки и распространенія сектъ, тѣмъ болѣе необходимо привлечь къ содѣйствію наличную рать и противопоставить

состоящую изъ духовныхъ сходно организованную силу толпѣ невѣрующихъ мірянъ. Слѣдуетъ спѣшить и не ждать, пока народная масса не отдѣлилась отъ кирки. Должны ли мы ждать, пока наши обширные города и сельскіе приходы отчуждятся отъ кирки, которая не въ состояніи достаточно заботиться о нихъ? Должны ли мы ждать, пока эмиссары-сектанты придутъ и обильною проповѣдью слова Божія и спеціальнымъ попеченіемъ о душевномъ спасеніи привлекутъ къ себѣ находящіяся въ нашемъ попеченіи вѣрующія души, жаждующія христіанскаго общенія?!..

На эстляндскомъ синодѣ въ 1875 году (ibid. B. XXXII, p. 77—78) предсѣдатель говорилъ „о прогрессѣ формальнаго религіознаго сознанія въ эстонскихъ приходахъ“. „Юношество лучше приготовлено, школьное дѣло процвѣтаетъ, домашняя набожность возрастаетъ (?), но соотвѣтственнаго повышенія нравственности и роста жизни по вѣрѣ не замѣчается. Духъ распущенности и невѣрія, равнодушія къ господствующимъ безнравственнымъ проступкамъ—лжи и воровству, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ почву и почти совершенный недостатокъ воспитанія дѣтей отражается на усиленіи безбожности подростающаго поколѣнія. Изъ малыхъ городовъ сообщаютъ, что тамъ раждается пагубный для развитія церковной и гражданской жизни элементъ въ слоѣ населенія, который, будучи лишонъ вѣры и чувства національности, преданъ грубымъ наслажденіямъ. Ораторъ указалъ въ противодѣйствіе на слова ап. Павла (Кор. IV, 17). Мы должны остерегаться привычнаго отправленія должности, самообольщенія, считать занятіе съ собственнымъ духомъ дѣломъ св. Духа, и той робости, которая выростаетъ изъ нетерпѣнія отъ того, что не скоро можно усмотрѣть плодъ труда. Взамѣнъ этого мы должны быть истинными проповѣдниками Евангелія. Затѣмъ мы должны пещись о душахъ, принимать ввѣренныя намъ души съ самаританскою любовью Господа и, наконецъ, быть образцами нашему словесному стаду во всемъ нашемъ существѣ и жизни, живыми свидѣтелями возрождающей силы Евангелія, которое мы прославляемъ предъ Церковью, какъ источникъ спасенія и жизни“.

На эстляндскомъ синодѣ 1876—1877 г. (ibid. B. XXXIII,

p. 313) пасторъ Лютеръ говорилъ на тему: „чего намъ не достаетъ". Жалобы на паденіе стѣнъ Сіона, сказалъ онъ, раздаются довольно отчетливо со всѣхъ сторонъ въ болѣе широкихъ и узкихъ кругахъ нашей церкви. У насъ не прошло ни одного синода, на которомъ въ томъ или иномъ видѣ не выражались бы эти жалобы. Я во всякомъ случаѣ считаю не дурнымъ признакомъ, что на нашихъ синодахъ время отъ времени не оскудѣваютъ свидѣтельства, указывающія на пробѣлы въ состояніи нашихъ приходовъ. Также и у насъ положеніе дурно. Оно было бы еще хуже, если бы мы не желали видѣть свои самыя глубокія раны... Каждый синодальный отчетъ подтверждаетъ намъ, сколько нравственной порчи, сколько внутренняго отчужденія отъ Бога кроется подъ этимъ кровомъ внѣшней церковности. Поэтому полезно, чтобы мы, пасторы, прежде всего не закрывали глазъ отъ этого поврежденія, подъ бременемъ котораго мы должны совоздыхать.

На лифляндскомъ синодѣ 1881 г. (ibid. B. XXXVIII, p. 25) генералъ-суперинтендентъ Григерсонъ, вступая въ должность, заявилъ, что онъ чувствуетъ свою слабость при взглядѣ на борьбу, которая предстоитъ церкви нашей страны. „Времена, въ которыя мы живемъ, тяжелы; матеріализмъ и невѣріе больше, чѣмъ когда-либо отчуждаетъ сердца прихожанъ отъ слова Божія. Націонализмъ раздѣляетъ жителей нашей родины на борющіяся партіи и подрываетъ довѣріе приходовъ къ ихъ пасторамъ; секты съ сѣвера и юга вторгаются въ наши приходы. Одна только любовь можетъ наполнить пропасть, образовавшуюся между церковью и приходомъ, пасторами и прихожанами и между національностями".

До какой степени дошелъ разрывъ между народомъ и киркой въ западной Эстляндіи, свидѣтельствуетъ сообщеніе пастора Нормана, сдѣланное на эстляндскомъ синодѣ 1883 года (ibid. B. XXXIX, p. 405). Сепаратизмъ выступилъ здѣсь открыто въ рѣзкомъ презрѣніи къ киркѣ и вообще къ лютеранскому духовенству: кирка—домъ разврата, пасторъ—архидіаволъ, наемникъ и корыстолюбецъ, проповѣдующій только ради денегъ... Школьмейстеръ—діаволъ; въ школахъ дѣти приводятся только къ діаволу; поэтому

лучше не посылать ихъ туда. Причастіе въ киркѣ не дѣйствительно, ибо принимается отъ невѣрующаго пастора. Крещеніе лютеранское недѣйствительно, ибо ребенокъ крестится между тремя діаволами (воспріемники) и на рукахъ одного діавола (пастора).

Церковная дисциплина. Подъ этой рубрикою я разумѣю тѣ церковныя мѣры, которыя предлагали синоды для возстановленія добрыхъ нравовъ между туземцами.

На эстляндскомъ синодѣ 1873 года (ibid. B. XXX, p. 129) пасторъ Нерлингъ предложилъ: 1) отлученіе отъ общенія (excommunicatio) публичныхъ женщинъ съ объявленіемъ именъ съ церковной каѳедры, и 2) прекращеніе принудительной конфирмаціи и причащенія, ибо черезъ это развивается лицемѣріе. Синодъ однако рѣшительно отвергъ это предложеніе, хотя и констатировалъ крайнюю недостаточность церковной дисциплины. Въ 1874 году Нерлингъ опять выступилъ со своимъ предложеніемъ; онъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что почти въ каждомъ предложеніи выражалось, какъ глубоко онъ чувствовалъ позоръ, лежащій на церкви Христовой отъ многихъ членовъ, которые носятъ имя христіанъ, а на дѣлѣ отрицаютъ Христа. Синодъ опять отвергъ его предложеніе и видѣлъ въ принятіи его начало совершеннаго разлада церковнаго строя, хотя Нерлингъ и отрицалъ это. На этомъ же синодѣ пасторъ Гиргенсонъ предложилъ образовать училища для приготовленія изъ міряпъ миссіонеровъ, именно, для каждаго изъ 4-хъ уѣздовъ одно училище, въ которомъ взрослыя лица доброй нравственности (прошедшія элементарную школу) обучались бы 1—1½ года, чтобы сдѣлаться въ своихъ приходахъ старостами. Онъ указывалъ, какъ ручательство за успѣхъ предпріятія, на то обстоятельство, что въ шведскую семинарію на Нуко вступали взрослые люди (даже одинъ отецъ семейства) на три года и на собственныя средства, хотя немногіе изъ нихъ имѣли въ виду впослѣдствіи зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ школьмейстеровъ. Синодъ согласился, что нужда въ увеличеніи духовно-рабочихъ силъ кирки велика и призналъ въ принципѣ помощь мірянъ согласною Писанію и необходимою, но передалъ вопросъ на обсужденіе уѣздныхъ синодовъ. Въ 1875 г. (ibid. B. XXXII, p. 81)

эстляндскій провинціальный синодъ призналъ помощь мірянъ необходимою и внушилъ присутствующимъ всегда раскрывать предъ своими прихожанами, что каждый членъ церкви обязанъ потрудиться на пользу царства Божія по мѣрѣ данныхъ ему силъ. Синодъ однако отвергъ организованное проповѣдничество мірянъ.

На эстляндскомъ синодѣ 1876 и 1877 г. (ibid. B. XXXIII, p. 25—33 и 473) горячо обсуждались мѣры къ празднованію воскреснаго дня; было рѣшено обратиться съ ходатайствомъ къ дворянству о закрытіи корчемъ съ субботняго до воскреснаго вечера. Предложеніе нѣкоторыхъ о невѣнчаніи въ страстную седьмицу не встрѣтило сочувствія у большинства (одни выставляли мотивомъ излишества, сопровождающія свадебныя пиршества, другіе—трудность осуществленія этой мѣры). Въ 1878 году (ibid. p. 511) просьба о прекращеніи продажи спиртныхъ напитковъ въ корчмахъ по воскреснымъ днямъ была отклонена, ибо встрѣтились бы большія препятствія при выполненіи этой мѣры. Теперь синодъ принялъ однако слѣдующія мѣры церковной дисциплины (ibid. p. 514): 1) наказаніе грубыхъ явныхъ грѣшниковъ спеціально вообще и посредствомъ слова съ каѳедры; 2) увѣщаніе грѣшниковъ пасторомъ глазъ на глазъ; 3) увѣщаніе упорнаго грѣшника въ присутствіи церковныхъ попечителей, и 4) лишеніе его причастія.

Въ 1879 году (ibid. B. XXXV, p. 473—474) вопросъ объ укрѣпленіи и централизаціи въ сельской церкви разсѣянныхъ вѣрующихъ элементовъ, поднятый давно, былъ рѣшонъ въ слѣдующемъ смыслѣ: было принято предложеніе пастора Лютера о внѣцерковныхъ молитвенныхъ собраніяхъ въ субботніе и воскресные вечера въ школьныхъ помѣщеніяхъ или частныхъ крестьянскихъ избахъ, подъ руководствомъ личностей, извѣстныхъ пастору. Въ 1882 году (ibid. B. XXXIX p. 407) въ Ревелѣ было основано училище для приготовленія миссіонеровъ, подъ руководствомъ пастора Визингера.

На лифляндскомъ синодѣ 1875 г. (ibid. B. XXXII, p. 41) былъ обсуждаемъ уже раньше поднятый вопросъ о сокращеніи продолжительности богослуженія въ тѣ дни, когда бываютъ причастники, но къ опредѣленному рѣшенію не пришли. Предложеніе нѣ-

которыхъ о назначеніи изъ мірянъ діаконовъ, которые бы помогали пастору во время причащенія, подавая освященную чашу, было отвергнуто.

На лифляндскомъ синодѣ 1881 г. (ibid. B. XXXVII, p. 87) было сдѣлано предложеніе основать семинарію для діаконовъ—помощниковъ пасторовъ, но оно встрѣтило сомнѣнія со стороны большинства въ томъ, чтобы семинарски образованные юноши могли быть хорошими, надежными и полезными помощниками пасторовъ. Кромѣ того большинство питало опасеніе, что дѣятельность ихъ можетъ оказаться неудобною, помѣхою для пасторовъ и даже опасною для церкви. Поэтому синодъ остановился на трезвыхъ и благочестивыхъ лицахъ изъ народа, которыхъ пасторы могутъ вербовать себѣ по своему усмотрѣнію въ качествѣ помощниковъ, а равно и церковныхъ попечителей, школьмейстера или кистера. Въ 1882 г. (ibid. B. XXXVIII, p. 561) было постановлено: 1) пасторы должны предпосылать интеллектуальному образованію юноши нравственное; 2) школьные старшины должны быть лучше подготовлены и строже побуждаемы къ исполненію своихъ обязанностей, и 3) негодные, т. е. нерелигіозные и непривязанные къ киркѣ школьмейстеры должны быть увольняемы отъ должности.

На курляндскомъ синодѣ 1876 г. (ibid. B. XXXII, p. 245) пасторъ Редеръ, въ виду спеціальнаго попеченія о душевномъ спасеніи, предложилъ: 1) ввести частную исповѣдь; 2) избирать церковныхъ попечителей изъ туземцевъ, и 3) отказывать въ причастіи проституткамъ и содержательницамъ публичныхъ домовъ и въ вѣнцѣ для невѣстъ, лишенныхъ невинности. Пасторъ Гринеръ, въ виду развитія невѣрія въ громадномъ размѣрѣ, предложилъ нѣкоторыя мѣры въ видѣ церковной дисциплины, напр., личное приглашеніе къ причастію и др. Синодъ призналъ единственнымъ средствомъ противъ невѣрія неустанное и ревностное проповѣданіе Евангелія, самоотверженность и любовь къ службѣ и примѣръ богоугодной жизни. Предложенная въ 1883 году на петербургскомъ синодѣ (ibid. XL, p. 68) частная исповѣдь также была отвергнута. Синодъ хотя и призналъ ее учрежденіемъ позднѣйшимъ, но въ тоже время согласился съ тѣмъ, что церковь имѣла на то право въ св. Писаніи.

На эстляндскомъ синодѣ 1878 г. (ibid. В. XXXIII, p. 516) президентъ предложилъ, въ виду того, что дерптское эстонское литературное общество изданіемъ полезныхъ книгъ содѣйствовало поднятію народнаго образованія, отпустить ему изъ издательской кассы ежегодное пособіе. Но такъ какъ по уставу касса предназначена лишь для книгъ духовнаго содержанія, то было постановлено: если общество будетъ издавать книги духовнаго содержанія, откупать у него извѣстное количество экземпляровъ и распродавать по уменьшенной цѣнѣ.

Мысль о привлеченіи мірянъ къ соучастію въ созиданіи церкви, обсуждавшаяся на многихъ мѣстныхъ синодахъ, въ 1876 году нашла себѣ осуществленіе на венденской кирхшпильской конференціи; здѣсь въ видѣ опыта рѣшили пригласить на ближайшую конференцію серьезно и церковно-настроенныхъ членовъ прихода. Слѣдующая конференція дѣйствительно была смѣшанная; міряне съ большимъ интересомъ принимали участіе въ разсужденіяхъ. Въ слѣдующемъ (1878) году здѣсь было уже 19 мірянъ не только изъ Вендена, но и изъ сосѣднихъ приходовъ, и 2 помѣщика изъ рижскаго уѣзда.

Вообще жалобы на неудовлетворительность для народа синодовъ слышались еще раньше. Въ 1874 году пасторъ Галлеръ на ревельскомъ синодѣ выразилъ сожалѣніе о томъ, что мѣстные синоды мало касаются дѣлъ прихода и внѣшнихъ вопросовъ о пасторской обязанности. Онъ находилъ пропасть, если не сказать, натянутое состояніе, между пасторами и прихожанами. Онъ исключаетъ изъ числа послѣднихъ громадное количество тѣхъ, для которыхъ слово — царство Божіе — terra incognita и нѣчто антипатичное. „Мы часто утѣшаемъ себя тѣмъ, какъ будто и они стоятъ съ нами въ прекраснѣйшей гармоніи, въ неразрывномъ единствѣ, какъ будто мы имѣемъ за собою сплоченную толпу членовъ церкви. Я думаю, что это — самообольщеніе. Наступятъ времена просѣиванія, когда дѣло будетъ касаться практической сплоченности, и по моему убѣжденію это время непремѣнно придетъ“. Въ виду того, что синоды нисколько не сближаютъ народъ съ пасторами, онъ предложилъ митинги, именно, открытыя собранія мірянъ и пасторовъ для сво-

боднаго обсужденія церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ и для общей свободной молитвы. Форма совѣщанія и веденія дѣла на нихъ рекомендовалась парламентарная.

Богослуженіе. Здѣсь разумѣются тѣ измѣненія, которыя предлагались на синодахъ для большей назидательности богослуженія.

На курляндскомъ синодѣ 1874 г. (ibid. XXXI, p. 95) пасторъ Редеръ предложилъ дополнить литургію, такъ наз., Гарнаковскими „входными (Introiten), возгласомъ съ каѳедры и со ступени алтаря послѣ прочтенія Altar-Perikope, далѣе, въ праздники — *пѣніемъ великаго славословія съ хоровъ, символа никейскаго и перемѣщеніемъ* церковной молитвы къ алтарю; онъ рекомендовалъ также вечернее богослуженіе съ пѣніемъ псалмовъ. На этотъ же разъ шла рѣчь о замѣнѣ церковнаго пѣснослова и объединеніи мотивовъ. Синодъ призналъ, что въ агендѣ не достаетъ очень многаго, особенно въ конфирмаціонной формулѣ; мѣстная лютеранская агенда была признана передѣлкой шведскаго требника. Въ 1876 г. (ibid. B. XXXII) на курляндскомъ синодѣ предложеніе, учредить по примѣру лифляндцевъ литургическій комитетъ было отвергнуто, а агенда сдана на разсмотрѣніе коммиссіи по разсмотрѣнію пѣснослова.

Въ 1877 г. (ibid. B. XXXIV, p. 277) Редеръ предлагалъ дополнить лютеранскую агенду примѣнительно къ литургіи вѣрныхъ Василія Великаго, именно всѣми актами приготовленія къ освященію Даровъ и пріобщенію.

Вопросъ о пересмотрѣ чина богослуженія однако еще доселѣ не рѣшонъ. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ пастора Мавраха, пришла къ значительному сближенію съ древнимъ чиномъ—къ тройному дѣленію литургіи, вслѣдствіе чего среди ревнителей лютеранства возникли опасенія, что такое направленіе находится на пути въ Римъ.

Пасторы. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены всѣ мнѣнія касательно личнаго и служебнаго поведенія и отношенія пасторовъ, требованія, которыя предъявляло къ нимъ высшее лютеранское начальство, описаніе ихъ настоящаго положенія и т. д.

На эстляндскомъ синодѣ 1874 г. (ibid. B. XXXI, p. 401—402) пасторъ Галлеръ съ ироніей и горечью замѣтилъ: „говорятъ

столь много о великомъ личномъ и служебномъ вліяніи пасторовъ, о воспитаніи въ церковномъ духѣ прихожанъ и не замѣчаютъ, что это въ большинствѣ случаевъ чисто внѣшнее подрѣзываніе, заплатываніе, зашиваніе и чистка праздничнаго кафтана, въ которомъ отдѣльныя личности обыкновенно представляются своему пастору. Единственное можетъ быть явленіе въ церковной исторіи, что народная церковь, существующая пятьсотъ лѣтъ и болѣе трехъ столѣтій владѣющая благами реформаціи, не слилась настолько съ національною жизнью, чтобы должность пастора нашла дѣйствительно національныхъ носителей, и не ассимилировалась болѣе или менѣе съ туземцами черезъ мирныя цивилизаціонныя завоеванія той національности, которой въ исторіи предоставлено промысломъ религіозное руководство. Это заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія, и немного будетъ сказано, если обличить нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ въ старомъ грѣхѣ опущенія съ какой либо изъ этихъ двухъ сторонъ... Разумный провозвѣстникъ слова Божія обязанъ прежде всего научиться съ любовью распознавать народный характеръ своего латышкаго или эстонскаго прихода, приктически изслѣдовать и обращать серьезное вниманіе на болѣе точное и серьезное усвоеніе ихъ языка, чѣмъ это было въ недавнее время и отъ части случается и теперь. Потребуется нѣсколько лѣтъ, чтобы приблизиться настолько къ народу, чтобы не смотрѣть на него совершенно неправильно, какъ на чужой, и съ другой стороны, чтобы самъ народъ не призналъ пастора чужимъ; а въ иныхъ случаяхъ для этого едвали будетъ достаточно цѣлой жизни. Латышъ или эстъ будетъ всегда питать къ своему пастору нѣмцу сознательное или несознательное чувство того, что онъ имѣетъ дѣло съ пришельцемъ, если не сказать, съ завоевателемъ, что предлагаемое ему ученіе, увѣщаніе, руководство есть нѣчто наносное. Сколько недовѣрія, подозрѣнія, отчужденія, непониманія, неправды, досады уже возникло отъ этого, преимущественно во времена особыхъ броженій, это нисколько не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Если уже въ настоящее время повсюду въ миссіяхъ между язычниками великое значеніе полагается въ образованіи національныхъ дѣятелей, и опытъ показалъ, какъ часто такой дѣлаетъ несравненно болѣе,

между тѣмъ какъ столь же даровитый и надежный европейскій миссіонеръ достигаетъ меньшаго, то не должны ли мы изъ этого научиться понимать свои отношенія и уже поэтому обратиться къ помощи міринъ“?

На курляндскомъ провинціальномъ синодѣ 1874 года (ibid. B. XXXI, p. 93) предсѣдатель генералъ суперъ-интендентъ Ламбергъ заявилъ, что на требованіе произносить проповѣди во время синода въ киркахъ со многихъ сторонъ послѣдовали отрицательные отвѣты, а нѣкоторымъ это требованіе дало поводъ даже не являться на синодъ.

На лифляндскомъ синодѣ 1878 г. (ibid. B. XXXV, p. 31) пасторъ Кельбрандтъ доказывалъ, что расширенная программа народныхъ школъ понизила уровень основательнаго образованія, выпускаетъ поверхностныхъ многознаекъ и косвенно содѣйствуетъ развитію раціонализма въ народѣ. Его доводы были однако опровергнуты.

На лифляндскомъ синодѣ 1879 г. (ibid. p. 92 — 93) единогласно было признано, что разумное усвоеніе и пониманіе христіанскихъ истинъ сдѣлало прогрессъ, но соединеніе высшаго духовнаго образованія съ глубочайшимъ нравственнымъ паденіемъ нельзя сваливать на школу и тѣмъ менѣе на школьное законодательство. На вопросъ, исполняютъ ли наши народныя школы свое назначеніе въ отношеніи религіозно-нравственнаго образованія нашего народа, три кирхшпиля отвѣтили утвердительно, пять-отрицательно. Пасторы тѣмъ не менѣе не были столь ослѣплены, чтобы приписать упадокъ нравственности либеральнымъ теченіямъ, „духу времени“, напротивъ, три пастора въ одушевленныхъ рѣчахъ доказали, что самокритика еще присуща лютеранскому духовенству. Ихъ основныя мысли: „не школьному уставу, не отдѣльнымъ, хотя и не всегда стоящимъ на высотѣ своего призванія школьмейстерамъ, а равно и не одному только духу времени должны мы приписать ту глубокую порчу, отъ которой страдаетъ не только состарѣвшееся, но и подростающее поколѣніе, но большею частью самимъ себѣ, потому что мы сами не всегда были вѣрны своему призванію. Научимся прежде всего правильно соединять обѣ стороны нашего призванія, быть проповѣдникомъ и школьнымъ инспекторомъ, такъ

чтобы мы не питали большей любви къ одной или другой обязанности, но чтобы являлись въ обѣихъ истинными попечителями о душахъ, не только по отношенію къ прихожанамъ взрослымъ и молодымъ, но въ особой степени къ ввѣреннымъ нашему спеціальному руководству школьмейстерамъ, разумно вмѣшиваясь въ ихъ учебную дѣятельность, послѣ предварительнаго глубокаго усвоенія необходимыхъ для этого спеціальныхъ знаній; научимъ мы школьмейстеровъ прежде всего смотрѣть на свое призваніе не какъ на промыселъ, но какъ на нравственную дѣятельность, требуемую Господомъ для созиданія царства Божія; если мы покажемъ имъ примѣръ неустаннаго труда въ малыхъ вещахъ, то откроемъ и для себя, и для школьмейстеровъ, по большей части незрѣлыми вступающихъ въ должность, источники, изъ которыхъ польется въ школу, а отсюда обратно въ народъ, страхъ Божій, который проникнетъ и освятитъ народную жизнь". Синодъ вполнѣ согласился съ референтомъ.

На лифляндскомъ синодѣ 1882 г. (XXXVIII—p. 555) генералъ суперъ-интендентъ Гиргерсонъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „мы не должны жаловаться на плачевное состояніе нашихъ приходовъ, не преклоняясь въ тоже время въ искреннемъ покаяніи предъ Господомъ". Самъ синодъ призналъ, что „судъ Божій, постигнувшій нашу страну, долженъ побудить насъ къ покаянію, къ той божественной печали, которая содѣлываетъ спасительный и мирный плодъ праведности".

На курляндскомъ синодѣ въ томъ же году (p. 569 — 571) пасторъ Вальтеръ, уже 20 лѣтъ назадъ призывавшій пасторовъ къ дружной дѣятельности, говорилъ: „мы, пасторы, повинны въ упрекѣ, что недостаточно близко къ сердцу приняли нужду церкви, и поэтому Богъ посылаетъ новыя бѣды и опасности, пробуждая насъ и увѣщевая познать свою вину и покаяться. Плоды нашего покаянія должны состоять въ немедленномъ начатіи работы. Первое, что мы должны сдѣлать, указалъ Господь Іисусъ, говоря: жатвы много, дѣлателей мало; просите Господина жатвы, чтобы онъ прислалъ новыхъ работниковъ на свою ниву".

На эстляндскомъ синодѣ 1883 г. (XXXIX, p. 406) гене-

ралъ суперъ-интендентъ Шульцъ (на основаніи 1 Петр. IV, 17: время начаться суду съ дома Божія...) указывалъ съ одной стороны на то, что пасторы въ виду своихъ упущеній должны бить себя въ грудь и подчиниться суду Божію; съ другой стороны выставлялъ на видъ, что Господь своимъ судомъ не имѣетъ другой цѣли кромѣ очищенія и возвеличенія своего дома.

Школы. На лифляндскомъ синодѣ 1882 г. (ibid. B. XXXVIII, p. 165—190) пробстъ Купферъ основательно доказывалъ, что строй школьнаго дѣла въ краѣ ненормаленъ; приходская школа не заканчиваетъ народнаго образованія; въ ней преподаются слѣдующіе предметы: всеобщая исторія (изъ которой учитель часто заставляетъ выучить наизусть имена древнихъ египетскихъ царскихъ династій), географія, естественная исторія, высшія части ариеметики, русскій и нѣмецій языки, ибо, вопервыхъ, не всѣ дѣти изъ прихода могутъ туда поступить по невмѣстительности и траты дорогихъ рабочихъ рукъ, вовторыхъ, многіе изъ нея поступаютъ въ уѣздныя училища. Приходская школа не образуетъ и крестьянской аристократіи, ибо по незначительности платы туда могутъ поступать дѣти всѣхъ слоевъ общества. Тѣ, которымъ не удалось получить дальнѣйшаго образованія, оказываются лишонными почвы, оторванными отъ крестьянской среды; отсюда у нихъ недовольство, ненависть къ образованнымъ классамъ. Купферъ думаетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такого образованія мы воспитаемъ латышей и эстовъ въ соціально-демократическомъ направленіи, склонными къ нигилизму. Что станетъ съ тѣми мальчиками и дѣвушками, которые получили образованіе въ уѣздныхъ училищахъ. Никакая сила не можетъ возвратить ихъ домашнему очагу и земледѣлію. Этотъ цвѣтъ туземцевъ гибнетъ въ городахъ въ омутѣ разврата и преступленій. У туземцевъ черезъ приходскія школы отнимутся лучшія силы; онѣ выпускаютъ несчастныхъ и недовольныхъ людей. Таковы результаты народнаго образованія, дающаго больше, чѣмъ сколько можетъ вмѣстить современное состояніе народа О состояніи эзельскихъ школъ лѣтъ 20 тому назадъ мы узнаемъ слѣдующее по докладу, сдѣланному въ 1881 г. на синодѣ (ibid. B. XXXVII, p. 544—545). Въ 1864 г. на Эзелѣ въ 12 при-

ходахъ съ 32 тыс. душъ была 151 школа, т. е. на 200 душъ 1 школа. На самомъ дѣлѣ школьное образованіе нигдѣ не стояло такъ низко, какъ здѣсь. Это не были школы въ обыкновенномъ смыслѣ, гдѣ учитель учитъ и дѣти учатся. Ничего такого не было въ эзельскихъ школахъ. Учили и учились дома. Матери были единственными народными учительницами. Въ школѣ только прослушивали то, что въ теченіе недѣли было выучено дома. Вотъ характеристика эзельскихъ школъ: „учителя здѣсь должны были наблюдать за домашнимъ обученіемъ и 1—2 раза экзаменовать учащееся юношество или у себя на дому, или въ другомъ просторномъ крестьянскомъ домѣ по чтенію, пѣнію и катихизису". Школьныхъ домовъ не было; да въ нихъ не было и нужды при такой системѣ. Учителя не получали также никакого жалованья или по меньшей мѣрѣ достойнаго именоваться такъ. О пятнадцати волостныхъ школахъ говорится: „ни одна изъ этихъ школъ не имѣетъ собственнаго зданія; всѣ школьмейстеры не получаютъ никакого жалованья, а лишь маленькое вознагражденіе. Они были свободны отъ подушной подати и получали въ поощреніе ежегодно 1—2 рубля, въ нѣкоторыхъ волостяхъ также килиматъ (извѣстн. мѣра) хлѣба отъ двора, который должны были дѣлить съ православнымъ учителемъ. Школьмейстеры были тѣ же крестьяне, умѣвшіе нѣсколько лучше другихъ читать, можетъ быть также кое-какъ писать. Цѣлью обученія было болѣе или менѣе бѣглое чтеніе, знаніе наизусть пяти главъ катихизиса, умѣнье пропѣть нѣсколько изъ наиболѣе извѣстныхъ церковныхъ пѣсенъ. Все это чисто механически". О пѣніи въ протоколахъ говорится: „духовное пѣніе клонится къ упадку, и мальчики совсѣмъ не умѣютъ пѣть". Вообще мальчики, проводя большую часть времени внѣ опеки матери во внѣ домашнихъ занятіяхъ, оказывались хуже дѣвочекъ.

Но въ теченіи 15 лѣтъ школа сдѣлала великій прогрессъ. Въ 1871 году эзельскимъ дворянствомъ была основана семинарія для народныхъ учителей въ Кармелѣ; а мѣстное духовенство обратилось съ воззваніемъ къ церкви на материкѣ, и въ результатѣ образовался капиталъ, дошедшій нынѣ (1881 г.) до 17 тыс. руб. Съ доходовъ его учителя получаютъ ежегодно 50—100 руб. Учи-

телямъ вмѣнено было въ обязанность посвящать школѣ четыре дня въ недѣлю. Къ предметамъ преподаванія присоединялись: библейская исторія, письмо и ариѳметика. Все-таки школьныя средства вообще малы, такъ что волостной учитель получаетъ вмѣсто прежнихъ 1—2 руб. 5—6 руб. за 4-хъ дневное обученіе въ недѣлю. Окончившіе курсъ въ упомянутой семинаріи всѣ занимаютъ мѣста на материкѣ.

Кирхшпили. На лифляндскомъ синодѣ въ 1879 году (ibid. B. XXXV, p. 29) былъ поставленъ вопросъ, готово ли и какимъ способомъ лифляндское духовенство трудиться съ своей стороны въ разрѣшеніи все болѣе и болѣе обостряющагося вопроса о раздѣленіи чрезмѣрно великихъ приходовъ. Лифляндское дворянство на послѣднемъ ландтагѣ охотно согласилось содѣйствовать его рѣшенію; для общихъ занятій должна была образоваться коммиссія, въ которую были избраны двое изъ присутствовавшихъ пасторовъ; въ то же время синодъ рѣшилъ ежегодно, предварительно въ теченіи десяти лѣтъ, предоставлять въ распоряженіе этой коммиссіи для указанной цѣли 1,500 руб. Было положено побуждать сельскіе и городскіе приходы съ своей стороны оказывать дѣлу матеріальное содѣйствіе.

Еще до этого времени на эзельскомъ синодѣ 1874 года, въ виду неимѣнія пасторовъ въ нѣсколькихъ приходахъ, было предложено изъ шести приходовъ образовать три; однако эта мѣра, по общему признанію синода, повела бы къ большей неудовлетворенности духовныхъ нуждъ народа. Приняты были другія мѣры, именно: 1) возвышеніе закономъ установленныхъ акциденцій церковныхъ; 2) основаніе изъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ и самихъ духовныхъ приходской кассы, и 3) отбываніе прихожанами барщины для кирки въ извѣстные дни.

Такимъ образомъ, особенно благодаря пожертвованіямъ, составились мѣстныя приходскія кассы, на средства которыхъ время отъ времени образуются новые приходы. Въ 1882 году эстляндская приходская касса владѣла уже капиталомъ въ 46 тыс. руб.

Миссія балтійской кирки. На лифляндскомъ синодѣ 1882 г. (Ibid. B. XXXVIII, p. 52—53) вопросъ о сотрудничествѣ, въ миссіи

обсуждался въ нѣсколькихъ статьяхъ. Одни видѣли причину медленности рѣшенія этого вопроса въ очень сильномъ vis inertiae духовенства, указывая на недостатокъ иниціативы и на то, что многія серьезныя предложенія присоединены „какъ драгоцѣнный матеріалъ“ ad acta. Вопросъ о внѣшней миссіи былъ поставленъ здѣсь чуть не центральной задачей мѣстной лютеранской кирки. Наша церковь, говорилось здѣсь, должна сдѣлаться дѣйствительной миссіонерской церковью. Миссіонерская дѣятельность ея должна простираться особенно на внутреннія губерніи Россіи. Пасторъ Галлеръ предложилъ учредить приготовительную школу или семинарію для подготовленія миссіонеровъ. Пасторъ Нелькингъ не сомнѣвался, что питомцы ея сдѣлаются миссіонерами по призванію; онъ призналъ за балтійскою лютеранскою киркою миссіонерскую обязанность по отношенію къ язычникамъ русской имперіи. Онъ видитъ только препятствіе этому со стороны государственной церкви, за которой остается до сихъ поръ это право, а въ Финляндіи самостоятельная миссія была дозволена лишь подъ условіемъ не посылать своихъ миссіонеровъ во внутрь Россіи. Предложеніе объ учрежденіи самостоятельной балтійской миссіи было отклонено, вопервыхъ, въ виду трудности осуществленія ея съ формальной стороны, и вовторыхъ—вслѣдствіе нерасположенія къ ней народной массы.

Мы пытались выше изобразить картину балтійскаго лютеранства на основаніи подлинныхъ мнѣній самого лютеранскаго духовенства; думаемъ, что эта картина близко совпадаетъ съ тѣмъ, что было сказано о немъ на основаніи данныхъ источниковъ другого рода. Намъ остается еще сдѣлать общій выводъ изъ этой подлинной картины. Не будетъ, кажется, поспѣшнымъ заключеніемъ, если скажемъ, что лифляндская лютеранская кирка, по признанію самихъ синодовъ, оказывается несостоятельною, идетъ къ неминуемому банкротству. Синоды констатируютъ фактъ повсемѣстнаго отчужденія народа отъ кирки, съ которой онъ не связанъ никакими узами. Національныя и церковныя движенія объяли уже почти весь край... Кирка оказывается лишенной силы и оружія, чтобы противостоять дальнѣйшему распространенію ихъ. Большинство представителей ея, смиренно склоня голову, рѣшается волей-нево-

лей сблизиться съ народомъ, снизойти къ нему и въ то же время приблизить его нѣсколько къ себѣ. Однако средостѣніе между киркой и народомъ по существу своему оказывается непроницаемымъ. Кирка не есть національная ни по исповѣданію, ни по представителямъ ея. Не принимая въ соображеніе религіозной стороны кирки, не относящейся къ существу дѣла, существующую между нею и народомъ непроходимую пропасть образуютъ національная и сословная разности: съ одной стороны—латыши и эсты, съ другой—нѣмцы; съ одной стороны—туземцы, съ другой—пришельцы, завоеватели; съ одной стороны—недавніе рабы, съ другой жестокіе господа. Какъ уничтожить эту пропасть и, слѣдовательно, какъ придать киркѣ соотвѣтствующую ея общественому положенію внутреннюю силу и способность къ дальнѣйшему существованію, здѣсь неумѣстно разсуждать; мы видимъ только, что синоды, отчасти признавая истинныя причины паденія кирки, повидимому, не хотятъ однако принять вѣрныхъ мѣръ къ устраненію ихъ. Тѣ мѣры, которыя ими предлагаются и осуществляются, по нашему мнѣнію, слишкомъ эфемерны, и касаются болѣе внѣшняго положенія кирки, чѣмъ духовныхъ узъ, долженствующихъ соединиться съ народомъ. При всѣхъ остальныхъ обстоятельствахъ ни усиленное проповѣданіе слова Божія, ни уменьшеніе размѣра приходовъ, не приведутъ къ намѣченной цѣли. Этимъ будетъ достигнуто только то, что народъ лучше узнаетъ лютеранство. Обширность приходовъ служитъ безспорно большимъ препятствіемъ къ надлежащему исполненію служебныхъ душеспасительныхъ обязанностей пастора, и уменьшеніе ея дастъ народу возможность чаще посѣщать кирку. По всему видно, что балтійская кирка путается въ лабиринтѣ, изъ котораго не предвидится выхода; желая избѣгнуть Сциллы, она попадаетъ въ Харибду; она повидимому готова сблизиться съ народомъ, она видитъ въ этомъ вѣрнѣйшее средство для поддержанія себя, но въ то же время она боится утраты черезъ это прежняго ореола недоступности и лишенія киркой характера „господскаго, нѣмецкаго исповѣданія“; далѣе, желая уменьшить приходы, она боится лишить этимъ пасторовъ той мѣры содержанія, которой они пользовались доселѣ. И что же она дѣлаетъ во избѣжаніе этого?

Она собираетъ съ того же народа пожертвованія подъ общимъ предлогомъ миссіи и затѣмъ, по мѣрѣ накопленія суммъ, открываетъ новые приходы. Реформа эта подвигается впередъ однако крайне медленно и для кирки отъ нея мало пользы.

Не смотря на полную внутреннюю расшатанность балтійской кирки, она тѣмъ не менѣе повсюду стремится проявлять признаки своей жизненности. Я разумѣю здѣсь особенно ея миссіонерскія предпріятія, на которыя во всѣхъ киркахъ собираются пожертвованія. Будучи ослѣплена своимъ внѣшнимъ блескомъ, благоустройствомъ и организаціей, она тратитъ свои силы и средства на внѣшнюю миссію къ собственной гибели. Въ гордомъ сознаніи своей общественной силы въ краѣ, она ставитъ себя несравненно выше и жизненнѣе государственной церкви и, horribile dictu, считаетъ своей задачей распространеніе Евангелія „во внутреннихъ губерніяхъ Россіи", „обращеніе язычниковъ въ предѣлахъ русской имперіи". Остается только сожалѣть и дивиться ослѣпленію балтійской лютеранской кирки. Для нея было бы лучше, если бы она сошла съ исторической сцены безъ шума, вмѣсто того, чтобы, искусственно поддерживая себя, раздувая по всей Европѣ о мнимыхъ гоненіяхъ противъ себя, нѣкогда безславно съ историческимъ позоромъ распасться по причинѣ своей внутренней безжизненности. Но гораздо важнѣе было бы это въ интересахъ нравственной культуры туземцевъ. Какъ бы велики ни были заслуги балтійской лютеранской кирки по отношенію къ умственному прогрессу туземцевъ, но то неоспоримо, что вліяніе ея на нравственное усовершенствованіе туземнаго населенія не только не спасительное, но, рѣшаюсь сказать, даже пагубное. Сознаніе этого въ той или другой формѣ или степени не разъ высказывалось отдѣльными личностями и на синодахъ. Я не принимаю здѣсь на себя трудной задачи объяснять многосложныя причины прискорбной, быстрой нравственной деморализаціи, распространяющейся въ народѣ, допуская, что часть ихъ кроется внѣ сферы лютеранской кирки со всей ея организаціей.

Итакъ, во имя нравственной культуры, во имя правильнаго мирнаго развитія страны, необходимъ религіозный переворотъ. Что

балтійская лютеранская кирка соотвѣтствуетъ національному характеру латышей и эстовъ или вообще литовскому и финскому племени — это еще ничѣмъ и никѣмъ не доказано на основаніи историческихъ или этнографическихъ данныхъ. Напротивъ, какъ сказалъ пасторъ Галлеръ на эстляндскомъ синодѣ 1874 года, балтійская кирка представляетъ, можетъ быть, единственное явленіе въ церковной исторіи въ томъ отношеніи, что въ теченіи трехъ столѣтій не могла ассимилироваться съ національной жизнью; она, скажемъ мы отъ себя, едва ли не столь же чужда туземцамъ теперь, какъ была чужда триста лѣтъ тому назадъ. Если же въ настоящее время, благодаря обостренію національнаго вопроса, въ средѣ лютеранскаго духовенства подымаются голоса въ пользу содѣйствія національному развитію туземцевъ, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, чтобы подобныя стремленія исходили изъ существа мѣстной кирки. Балтійское лютеранство способно лишь интеллектуально просвѣщать, что оно доказало послѣ перваго движенія въ православіе поднятіемъ народнаго образованія. Оно было способно къ этому, но сдѣлало это вынужденно, въ противовѣсъ православію, безъ котораго, вѣроятно, въ странѣ царствовалъ бы прежній мракъ. Точно также оно энергично принялось за народное образованіе въ послѣднее время, когда приблизилась опасность совершеннаго отпаденія народа отъ кирки. Да и въ прошломъ, со времени введенія реформаціи въ краѣ, господа (духовные и свѣтскіе) не охотно содѣйствовали народному образованію, такъ что напр., шведскому правительству въ XVII в. пришлось дѣйствовать въ этомъ направленіи насильственно. Желающему удостовѣриться въ справедливости вынужденной образовательной дѣятельности кирки со времени массоваго движенія туземцевъ въ православіе, я предлагаю взглянуть въ протоколы синодальныхъ засѣданій; изъ нихъ видно, что въ самые критическіе моменты кирка всегда хваталась за народныя школы, какъ за единственное надежное средство для удержанія за собой народа.

Въ заключеніе нашей статьи, изображающей путаницу понятій, стремленій, желаній туземнаго населенія, — путаницу, доходившую по временамъ до серьезной нравственной анархіи, какъ напр., предъ

послѣдней ревизіей, а въ Эстляндіи предъ смѣной высшаго губернскаго начальства въ 1885 году (къ этимъ моментамъ и относится изображеніе глубокой нравственной анархіи умовъ), нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что по мѣрѣ того, какъ правительство вмѣшивается въ дѣла края и старается урегулировать, узаконить положеніе крестьянскаго населенія, послѣднее все болѣе и болѣе успокоивается, чувствуя подъ собою твердую почву, надъ собою силу русскаго закона, а интеллигентная часть туземцевъ волей-неволей начинаетъ тяготѣть къ русскимъ началамъ, къ русской культурѣ, сознавая невозможность развитія самобытной культуры или заимствованія ея отъ господствующаго класса; и если правительство будетъ продолжать идти неуклонно по тому же направленію, то злополучное туземное населеніе наконецъ найдетъ свой истинный путь и мирно и охотно будетъ идти на встрѣчу своей ближайшей цѣли —духовному объединенію съ великимъ русскимъ государствомъ.

Е. В.

Изъ «Христ. Чтенія» за 1887 г.

Печатать дозволяется. 3 февраля 1887 г. Ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Иванъ Троицкій*.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій просп., № 134.